

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Біографическій очеркъ
(продолженіе) Священ. Т. Буткевича.

Отзывы печати о журналѣ „Вѣра и Разумъ“ Т. Стоянова.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Нужна-ли философія? (продолженіе) Профессора Москов-
ской духовной академіи В. Кудряцева.

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе) Профессора Кіев-
ской духовной академіи П. Линицкаго.

Письма философа Сенеки (продолженіе). * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ пра-
вленія Харьковской духовной семинаріи.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харь-
ковской духовной семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній, бывшихъ въ
маѣ и іюнѣ 188³/₄ учебнаго года.—Списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго учи-
лища за 188³/₄ учебный годъ.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго духов-
наго училища, составленный правленіемъ училища послѣ годичныхъ экзаменовъ за 188³/₄
учебный годъ.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ себѣ приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ пріобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίσται νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Юля 1 дня 1884 года. Г. Харьковъ.

Цензорь, Протоіерей *Т. Павловъ.*

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Продолженіе *).

Чтобы побудить консисторію серьезнѣе и аккуратнѣе относиться къ своему дѣлу, преосвященный Иннокентій не скупился на выговоры и замѣчанія какъ членамъ, такъ и секретарю консисторіи. Однажды казенная палата донесла Иннокентію о томъ, что при обревизованіи ею книги Богодуховскаго уѣзда села Лозовой Рождество-Богородицкой церкви о вспомогательномъ окладѣ, усмотрѣны ею нѣкоторые беспорядки и упущенія, причемъ оказалось, что эти ошибки и упущенія произведены еще предмѣстникомъ тогдашняго приходскаго священника, свящ. Н. Л., который былъ обязанъ дать казенной палатѣ вѣрный отчетъ о вспомогательномъ окладѣ, но при перемѣнѣ мѣста оставилъ какъ книгу, такъ и самый годовой отчетъ „безъ всякаго вниманія“ и, не сдавъ по надлежащему благочинному ни церкви, ни отчетовъ, безъ вѣдома его перемѣстился на другой приходъ, чѣмъ и произвелъ эту путаницу. На этомъ донесеніи Иннокентій положилъ слѣдующую резолюцію: „обратить вниманіе на это обстоятельство и подвергнуть виновнаго отвѣтственности, а г.г. членамъ консисторіи не дѣлать подобныхъ упущеній изъ виду“. Другой примѣръ. Села Николаевки (Сумскаго уѣзда), свящ. С. Б. просилъ преосвященнаго „снести съ гражданскимъ правительствомъ“ о немедленномъ окончаніи дѣла, производящагося въ

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 10.

„гражданскихъ присутственныхъ мѣстахъ“, о самоуправномъ завладѣніи помѣщикомъ Баженовымъ подцерковною землею и вещами, оставшимися по упраздненіи въ селѣ Кровномъ церкви, причисленной къ Рождество-Богородицкой церкви села Николаевки, „по уваженію къ тому, что дѣло это до 20-ти лѣтъ бесполезно производится и чрезъ то онъ съ діакономъ и причетниками терпитъ убытки“. На этомъ прошеніи Иннокентій написалъ: „Господниъ секретарь имѣетъ обратить немедленное вниманіе на сіе дѣло и весьма худо дѣлаетъ, что доселѣ мало обращалъ его. Сдѣлать мнѣ списокъ подобныхъ дѣлъ и представить немедленно“.

Впрочемъ, какъ ни строгъ къ консисторіи былъ, повидимому, Иннокентій, но онъ всегда дорожилъ ея честью и покрывалъ ея недостатки. Нѣкто К. Поповъ, пономарскій сынъ, за дурное поведеніе исключенный изъ духовнаго званія, однажды обратился къ преосвященному Иннокентію съ прошеніемъ о разрѣшеніи консисторіи выдать ему 50 руб. изъ отцовскихъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи дома, оставшагося послѣ смерти его отца. Такъ какъ проситель достигъ уже въ то время гражданскаго совершеннолѣтія, то преосвященный Иннокентій и предписалъ консисторіи выдать ему слѣдующую часть изъ отцовскихъ денегъ. Денегъ этихъ въ консисторіи однакоже не оказалось; онѣ даже не были записаны ни въ одной книгѣ ни на приходъ, ни въ расходъ. Между тѣмъ Поповъ продолжалъ все-таки утверждать, что по смерти отца, когда онъ былъ еще въ уѣздномъ училищѣ, все оставшееся имущество было продано и вырученные сто рублей были внесены для храненія въ консисторію. Сдѣлали запросъ благочинному. Благочинный донесъ, что домъ, принадлежавшій сыну умершаго дьячка слободы Ново-Екатеринославля Марка Попова, исключенному изъ духовнаго званія пономарю Константину, по распоряженію военнаго начальства, какъ стоявшій не на плану проекта и притомъ ветхій, дѣйствительно проданъ имъ священнику Іоанну Ѳедорову за сто рублей ассигнаціями, что эти деньги при рапортѣ доставлены имъ въ Харьковскую духовную консисторію и отданы секретарю Крамореву подъ его росписку. Навели справку и оказалось, что деньги сто руб-

лей ассигнаціями за проданный домъ К. Попова дѣйствительно поступили въ консисторію еще въ августѣ мѣсяцѣ 1838 г. и въ принятіи ихъ росписался на рапортѣ, при которомъ они были присланы, умершій протоіерей Георгій Маевскій, завѣдывавшій въ то время консисторскими суммами, но по приходо-расходнымъ книгамъ за тотъ годъ они не показаны, а потому и нельзя было съ точностію дознать, куда они дѣвались. Консисторія сдѣлала по этому дѣлу такое постановленіе: „какъ дѣло о продажѣ дома умершаго дьячка Попова состояло въ производствѣ у бывшаго тогда столоначальника Гелевскаго, находящагося и нынѣ на службѣ въ числѣ канцелярскихъ служителей консисторіи, то и поставитъ ему въ обязанность отыскать слѣды, куда дѣвались сто рублей—деньги, вырученныя продажею дома дьячка Попова и принадлежація дѣтямъ его Иринѣ и Константину Поповымъ,—о чемъ ему, Гелевскому, объявить съ роспискою на дѣлѣ; а между тѣмъ предписать благочиннымъ протоіереямъ Протопопову и Чернякову, дабы они навели по своимъ дѣламъ справку, не поступали-ли оныя деньги къ нимъ для передачи наслѣдникамъ?“... Видя, что дѣло плохо, и не желая конфузить консисторію, Иннокентій позвалъ къ себѣ секретаря ея и приказалъ немедленно уплатить просителю слѣдующее ему 50 рублей ассигнаціями изъ имѣющейся въ консисторіи хозяйственной суммы. „А между тѣмъ, добавилъ Иннокентій въ своей письменной резолюціи,—не медля заняться отысканіемъ, по бумагамъ консисторіи, сихъ денегъ и потомъ донести мнѣ“. Не знаемъ, чѣмъ въ концѣ концовъ окончилось это дѣло; но Гелевскій въ томъ же году получилъ знакъ безпорочной службы... Далѣе, ради упорядоченія консисторскаго дѣлопроизводства Иннокентій запретилъ консисторіи вести дѣла, неподлежація ея прямому и непосредственному вѣдѣнію. До Иннокентія консисторія представляла изъ себя, кромѣ своего прямаго назначенія, и нѣчто еще въ родѣ комисіонерства. Если кто изъ духовенства имѣлъ намѣреніе выписать какую-нибудь книгу, то онъ обыкновенно вносилъ въ консисторію известную сумму вмѣстѣ съ прошеніемъ о выпискѣ той или другой желаемой книги. И консисторія выписывала ее. Этимъ же путемъ авторы и книго-

продавцы публиковали о своихъ изданіяхъ. Было, впрочемъ, даже время, когда епархіальное начальство предавало суду духовныхъ лицъ, если они выписывали себѣ книги прямо отъ себя, а не чрезъ консисторію. Иннокентій посмотрѣлъ на это дѣло совершенно иначе. На журналѣ консисторіи о томъ, что протоіерей Іаковъ Голяховскій при рапортѣ взнесъ 1 р. 51 к. съ просьбою выписать для него „Уставъ Духовныхъ Консисторій“, онъ положилъ такую резолюцію: „консисторію не слѣдуетъ обременять подобными порученіями. Кто хочетъ, всегда можетъ выписать, какую хочетъ книгу“. Въ такомъ же духѣ сдѣлалъ онъ замѣчаніе и на рапортѣ Купянскаго духовнаго правленія о выпискѣ „Христіанскаго чтенія“: „впредь консисторіи не обременять выпискою подобныхъ вещей, а только публиковать о нихъ по епархіи, дабы кто хочетъ, выписывалъ самъ прямо изъ редакцій“. Ярославской градской духовной церкви священникъ, магистръ Радіонъ Путятинъ просилъ оповѣстить духовенство Харьковской епархіи, не пожелаетъ ли кто пріобрѣсти изданныя имъ краткія поученія, съ тѣмъ, чтобы предварительно высказано было желаніе, а деньги были высланы уже по полученіи самыхъ книгъ. По этому поводу Иннокентій сдѣлалъ такое распоряженіе: „дать знать о семъ по надлежащему, дабы желающіе обращались прямо къ г. сочинителю“.—Еще до перевода Иннокентія въ Харьковъ, нѣкто Тимофей Крыловъ, при посредствѣ консисторіи, предложилъ духовенству епархіи, въ томъ числѣ и Хорошевскому монастырю, подписку на его изданіе—„Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи“ и „Часы благоговѣнія“. Хорошевская игуменья выслала ему чрезъ консисторію деньги на оба изданія, но получила только одно—„Часы благоговѣнія“. По этому дѣлу Иннокентій замѣтилъ: „г. Крыловъ не имѣлъ никакого права дѣлать подписку съ высылкою книгъ. Дать знать игуменѣ, что она, если не согласна принять присланныя книги („Часы благоговѣнія“), то можетъ отослать ихъ обратно—г. Крылову, который напрасно и называетъ себя редакторомъ, ибо изданіе его не утверждено правительствомъ: а отъ выпуски книгъ—„Часовъ благоговѣнія“ впредь удержаться, ибо въ нихъ найдены мѣста, противныя вѣрѣ“.

Съ цѣлю уменьшенія консисторскихъ дѣлъ и облегченія консисторскихъ трудовъ Иннокентій при всякомъ удобномъ случаѣ старался о томъ, чтобы отбить у духовенства охоту заводить пустыя и неосновательныя дѣла, разныя кляузы и дразги. Въ Валкахъ ссорились два священника изъ-за раздѣла приходоу. Благочинный въ рапортѣ высказалъ свое мнѣнiе о томъ, какъ можно было-бы безобидно для обѣихъ сторонъ подѣлить ихъ приходы. На этомъ рапортѣ Иннокентій положилъ такую резолюцію: „утвердить, внушивъ священникамъ чрезъ благочиннаго, что стыдно имъ такими мелочами тревожить начальство“. Одного священника сл. Нижне-Бараниковки ограбили ночью въ домѣ неизвѣстные ему люди, похитивъ у него двѣ тысячи рублей ассигнаціями. Онъ подалъ въ консисторію прошеніе объ истребованіи этихъ денегъ съ его прихожанъ, такъ какъ они будто-бы намѣренно скрываютъ у себя этихъ грабителей. По поводу этого прошенія Иннокентій приказалъ „вызвать сего безтолковаго священника въ Харьковъ немедленно“. Г. Ахтырки Успенской церкви дiаконъ І. Л., вмѣстѣ съ просьбою объ увольненіи его за штатъ, поставилъ такія условія, которыя трудно было и понять постороннему человѣку. Иннокентій на его прошеніи написалъ: „безтолковаго сего просителя уволить за штатъ, а путаницу его уже препоручено мною разсмотрѣть надежному человѣку“. Одинъ полковой священникъ просилъ Иннокентія зачислить его кандидатомъ на имѣющее быть вакантнымъ въ слѣдующую весну священническое мѣсто въ Славянскѣ при Троицкой церкви. На его прошеніи Иннокентій положилъ слѣдующую резолюцію: „прошеніе сіе признается неосновательнымъ и не дѣльнымъ. Объявить просителю, что я обѣщать ничего тсго не могу, что произойдетъ въ будущую весну, и что онъ, если хочетъ перейти въ епархіальное вѣдомство, пусть просится на какое-нибудь совершенно вакантное мѣсто“. Одинъ благочинный жаловался на своего предшественника, что онъ не сдалъ ему всѣхъ благочинническихъ дѣлъ. Начались обюдныя кляузы. „Того и смотри, писалъ Иннокентій, что сіи враждующія лица изъ-за пустыхъ личностей разведутъ огромный процессъ. Консисторія имѣетъ позаботиться угасить пожаръ въ самомъ его началѣ“.

На самыхъ-же первыхъ порахъ управленія Харьковскою епархією Иннокентія поразило умственное невѣжество мѣстнаго духовенства, особенно причетниковъ, которые, при поступленіи на мѣста, въ большинствѣ случаевъ не умѣли ни читать, ни писать. Чтобы хотя нѣсколько поднять уровень знаній, необходимыхъ для причетника, Иннокентій рѣшилъ прежде опредѣленія на мѣста подвергать просителей надлежащему экзамену. Вотъ почему онъ предписалъ и въ консисторію—просителей причетническихъ мѣстъ „прежде экзаменовать, а потомъ уже опредѣлять, ибо что за дьячекъ, что не будетъ умѣть читать, какъ это бываетъ?..“ Такіе экзамены онъ сначала поручалъ производить разнымъ лицамъ: протоіерею Гнѣдичу, протоіерею Печерскому, протоіерею Н. Македонскому, іеромонахамъ: Димитрію, Исихію и даже иногда регенту архіерейскаго хора Василию Червопецкому, потомъ экзамены производилъ почти исключительно протоіерей Гнѣдичъ; 1 августа 1844 года предложеніемъ Иннокентія, даннымъ консисторіи, экзаменаторомъ ставленниковъ былъ назначенъ протоіерей Благовѣщенской церкви, магистръ Іоаннъ Гапоновъ; а въ сентябрѣ 1846 года, по случаю отпуска Гапонова въ Путивль, Иннокентій предписалъ „экзаменаторомъ быть отсель протоіерею Аристарху Мерхалеву, яко не занятому еще ничѣмъ по епархіальной службѣ, а между тѣмъ весьма къ ней способному.“

Возбужденіе Иннокентія, возмущавшагося умственнымъ невѣжествомъ низшихъ членовъ причта, по всей вѣроятности, невольно отражалось со стороны преосвященнаго и на его резолюціяхъ, которыя даны имъ на прошеніяхъ такихъ просителей. Приведемъ для примѣра нѣсколько подобныхъ резолюцій. „Учиться, а потомъ проситься“. „Не стоитъ быть въ городѣ,—отказать“. На прошеніи нѣкоего Михаила Соломонова, исключеннаго изъ низшаго отдѣленія Харьковской духовной семинаріи и принятаго въ духовное званіе изъ штатно-служительскихъ дѣтей, Иннокентій написалъ: „шель-бы лучше, яко свѣтскій, въ свѣтское званіе“. Богодуховскаго уѣзда села Пархомовки пономарь Я. К. просилъ о перемѣщеніи его въ слободу Полковую Никитовку. Иннокентій предписалъ: „не

давать мѣста, если не выучится читать и писать въ полгода, и если не выучится, то исключить его изъ духовнаго званія, яко не потребнаго“. На прошеніи пономаря с. Алексѣевки Харьковскаго уѣзда М. П. о перемѣщеніи его въ слободу Боровую, дана такая резолюція: „оставаться на своемъ мѣстѣ, а мѣсто сіе предложить лучшимъ ученикамъ исключеннымъ, или перевести туда откуда-либо хорошаго причетника, такъ какъ тамъ есть жалованье“. За просителя несовершеннолѣтняго, не выдержавшаго экзамена по „причетническимъ предметамъ“, могъ иногда пострадать и отецъ. Такъ на прошеніи одного такого кандидата въ причетники Иннокентій написалъ: „отослать къ отцу на годъ, чтобы выучилъ сына и представилъ на экзаменъ непремѣнно“. На другомъ такомъ-же прошеніи: „отослать къ отцу, обязавъ его выучить сына въ годъ, въ противномъ случаѣ самъ отецъ будетъ лишенъ своего мѣста, яко негодный“. Петръ Подольскій, сынъ священника, исключенный изъ низшаго приходскаго училища, просилъ пономарскаго мѣста. Резолюція: „велѣтъ благочинному, не медля, выслать сего священника съ сыномъ, а для сего удержать его на время отъ богослуженія“. Встрѣчаются резолюціи и такого рода: „просить другаго мѣста; здѣсь нуженъ причетникъ съ глазами“. „Если не годится въ сторожа, то вопъ его изъ духовнаго званія за нерадѣніе“. „Велѣтъ учиться на своемъ мѣстѣ до полученія стихаря, ипаче чрезъ полгода будетъ посланъ въ служителя“ (семинаріи). „Дать указъ на годъ до экзамена строгаго“. „Исправлять должность пономаря въ продолженіи года, дабы послѣ или утвердить или выбросить изъ духовнаго званія“. „Перевести кого-либо сюда изъ наличныхъ діаконовъ, а этотъ птенецъ уѣзднаго училища еще почитаетъ часословъ“. „Учить все, что нужно, а за то, что просился, не зная, что нужно, положить при богослуженіи сто поклоновъ въ церкви“. „Липить и пономарскаго мѣста (проситель хлопоталъ о дьячковскомъ мѣстѣ), доколь не выучится всему, какъ должно, или уволить, если хочетъ, въ свѣтское званіе“. „Пять лѣтъ, а безъ стихаря; быть на мѣстѣ еще годъ и потомъ исключить изъ духовнаго званія, если останется дуракомъ“. Исключенный изъ низшаго отдѣ-

ленія Харьковской духовной семинаріи, ученикъ Д. М. просилъ опредѣлить его въ г. Харьковъ къ кладбищенской Рождество-Богородицкой (Каплуновской) церкви дьячкомъ. Но такъ какъ овъ не выдержалъ надлежащимъ образомъ экзамена, то Иннокентій и отказалъ въ его просьбѣ, написавъ такую резолюцію: „А кто виновать? Проситься въ село и тамъ усовершенствоваться, чтобы быть потомъ въ городѣ, гдѣ необходимо причтъ отличный“. Села Бережекъ (Лебединскаго уѣзда) пономарь Д. К. просилъ о перемѣщеніи его въ г. Бѣлополье къ соборной церкви. Резолюція: „за нерадѣніе лишитъ мѣста совсѣмъ и пусть просится вонъ изъ духовнаго званія, яко неспособный“. Г. Сумъ Воскресенской церкви дьячекъ К. З. просилъ о перемѣщеніи въ с. Бездрикъ. Резолюція: „яко не духовнаго и ненужнаго въ духовномъ вѣдомствѣ, ничего не видя—перемѣняющаго мѣста, уволить въ свѣтское званіе обратно“. Пономарь А. Г. просилъ мѣста въ с. Бондаровой (Старобѣльскаго уѣзда). Резолюція: „опредѣлить назадъ, отдавъ подъ надзоръ мѣстнаго священника, съ тѣмъ, что если не будетъ читать и пѣть хорошо, то выбросить его изъ духовнаго званія“. С. Лопани пономарь З. А. просилъ о перемѣщеніи его на дьячковское мѣсто въ с. Гороховатку. Резолюція: „худо пишетъ; оптрафовать двумя стами поклоновъ и сказать, что будетъ лишенъ и сего мѣста“. На другомъ прошеніи этого-же самаго причетника, поданномъ чрезъ полгода послѣ перваго, Иннокентій написалъ: „и на настоящемъ мѣстѣ дать еще билетъ только на полгода до изученія, послѣ чего, если не выучится, исключить въ свѣтское званіе“... С. Райскаго пономарь И. Р. просилъ о перемѣщеніи его пономаремъ-же въ с. Кривую-Луку. Резолюція: „за свѣрное письмо отослать на работу въ архіерейскій домъ“. Пономарь Г. Л. просился на пономарское мѣсто въ с. Котельву. Резолюція: „поелику годъ прошелъ, а пѣть не умѣетъ, то или въ сторожа или въ служителя семинаріи, или вонъ изъ духовнаго званія“. На прошеніи с. Колупаевки пономаря И. Т. объ оставленіи его на прежнемъ мѣстѣ, по желанію прихожанъ, Иннокентій написалъ: „дать билетъ на полгода на изученіе предметовъ, съ тѣмъ, чтобы благочинный донесъ по-

томъ особенно, выучился-ли этотъ невѣжа, чему должно“. Подобную-же резолюцію положилъ Иннокентій и на прошеніи пономаря Н. Б.: „отпустить въ домъ къ мѣсту на полгода, съ тѣмъ, чтобы благочинный, проэкзаменовавши, о томъ представить, равно и о его поведеніи, для отсылки, въ случаѣ нетрезвости и незнанія своего дѣла, въ губернское правленіе“. Исключенный изъ Ахтырскаго духовнаго приходскаго училища ученикъ Ф. П., сынъ ахтырскаго дьячка, просилъ объ опредѣленіи его на пономарское мѣсто къ Ахтырской Успенской церкви. На его прошеніи Иннокентій написалъ: „опредѣлить въ сторожа при ахтырскомъ училищѣ на содержаніи отца, за несмотрѣніе за сыномъ, учившимся подъ его глазами и лѣвившимся“. С.-Ново-Цавловки (Изюмскаго уѣзда) стихарный дьячекъ В. К. просилъ дьячковскаго мѣста въ г. Золочевѣ. Резолюція: „отправить къ эконому на труды“. Села Бранцовки (Ахтырскаго уѣзда) дьячекъ Т. К. просилъ о переводѣ его въ с. Лихачевку на дьячковское-же мѣсто. Резолюція: „послать на три мѣсяца въ черные труды, подъ строжайшей надзоръ въ Ахтырской монастырь“. Одинъ дьяконь (въ с. Радьковкѣ) просилъ о дозволеніи сыну его исправлять пономарскую должность подъ его надзоромъ и руководствомъ вмѣсто престарѣлаго и бездѣтнаго пономаря, отъ роду имѣвшаго 61 годъ. Но такъ какъ сынъ просителя оказался не свѣдущимъ въ „причетническихъ предметахъ“, то Иннокентій и отказалъ его просьбѣ, написавъ такую резолюцію: „прежде своего сына дурака выучить, для чего и отдать его на руки отца на годъ, а потомъ уже просить на мѣсто другаго“. Бѣдное матеріальное положеніе и многосемейность, игравшія всегда столь важную роль во всевозможныхъ прошеніяхъ духовенства, въ глазахъ Иннокентія не имѣли своего полнаго значенія, какъ скоро проситель былъ человѣкъ малоспособный и малосвѣдущій или „невѣжа“. Консисторскій сторожъ И. Ш., ссылаясь именно на свою бѣдность и многосемейность, просилъ объ опредѣленіи его въ г. Изюмъ къ Вознесенской церкви пригородной слободы Песокъ на праздно пономарское мѣсто. Но на его прошеніи Иннокентій положилъ такую резолюцію: „а зачѣмъ такимъ дуракамъ жениться? Прежде-бы выучился! Не то, пусть идетъ въ хлѣбопашцы“...

Съ дѣлю-же подпятія причетническихъ знаній установленъ былъ Иннокентіемъ экзаменъ и для тѣхъ причетниковъ, которые имѣли желаніе быть посвященными въ стихарь. Такъ какъ просители причетническихъ мѣстъ и честолюбивые искатели стихаря, являясь въ Харьковъ нерѣдко изъ отдаленныхъ уголковъ епархіи, въ большинствѣ случаевъ не выдерживали установленнаго экзамена, то, изъ сожалѣнія къ нимъ, — чтобы не вводить ихъ въ напрасныя хлопоты и совершенно непроизводительные расходы, Иннокентій, на первыхъ-же порахъ своего управленія Харьковской епархіею, далъ въ консисторію слѣдующее предложеніе: „Причетники, являясь въ Харьковъ за посвященіемъ въ стихарь и за полученіемъ высшихъ и лучшихъ мѣстъ, большею частію оказываются неспособными выдерживать испытаніе въ знаніи необходимыхъ предметовъ, что показываетъ ихъ малое занятіе сими предметами дома, а равно и малое смотрѣніе за симъ благочинныхъ и священниковъ. Посему поставить всѣмъ благочиннымъ и всѣмъ священникамъ въ обязанность обратить на сіе особенное вниманіе. Кромѣ того, поелику отлучка отъ своего мѣста и должности въ Харьковъ сопряжена для причетниковъ съ издержками, а для церкви съ невыгодою оставаться часто безъ причетника, то, чтобы причетникамъ не являться напрасно въ Харьковъ неприготовленными хорошо къ экзамену, вмѣнить въ обязанность каждому изъ намѣреющихся отправляться въ Харьковъ, — держать экзаменъ предварительно у своего благочиннаго или въ духовномъ правленіи (смотря по удобности), кои имѣютъ снабжать ихъ потомъ свидѣтельствами о томъ, что они знаютъ по надлежащему все, что нужно для причетника или діакона, а въ противномъ случаѣ не давать билета и оставлять дома“. Съ этого времени, если на экзаменѣ въ Харьковѣ причетникъ оказывался малосвѣдущимъ, то почти всегда доставалось и тѣмъ, кто предварительно экзаменовалъ его дома и, нашедши вполне подготовленнымъ, отпускалъ въ Харьковъ. Вотъ нѣсколько подобныхъ резолюцій: „Пономарю Любарскому учиться нотамъ, а правленію (Купянскому) сдѣлать строгій выговоръ за то, что оно отпускаетъ съ мѣста въ Харьковъ людей, по его собственному суду, несвѣдущихъ“. „Отослать назадъ

(дьячка Р. В.), а благочинному сдѣлать строжайшій выговоръ, зачѣмъ пускаетъ незнающаго“. „Отослать назадъ (пономаря Н. Ф.), а съ благочиннаго, неразумно пустившаго съ мѣста, взыскать въ пользу сиротъ 5 руб. сер.“ „Несвѣдущаго въ потномъ пѣніи (пономаря С. М.) отослать назадъ, а съ членовъ правленія (Купянскаго), выславшихъ просителя безразсудно, взыскать по рублю серебромъ на сиротъ, да накажутся вести свое дѣло лучше“. „Домой! а съ благочиннаго Ходскаго за неблагоразумный отпускъ взыскать на вдовъ и сиротъ десять рублей ассигнаціями“. „Исторію и катихизисъ непременно долженъ изучить, на что дать сроку полгода, послѣ чего будетъ лишень мѣста, если не изучится, а благочинному сдѣлать строгій выговоръ за то, что онъ почитаетъ ненужнымъ полное знаніе катихизиса для причетниковъ“. „Съ благочиннаго штрафу 25 рублей на сиротъ, а протоіерею Прокоповичу и священнику Артюховскому сдѣлать строжайшій выговоръ, что берутъ въ церковь дурака“. „Дать билетъ на годъ, чтобы изучился, отдавъ подъ строгій надзоръ благочиннаго, съ коего взыскать два рубля на бѣдныхъ за то, и что вопреки резолюціи не экзаменовалъ въ чтеніи книгъ гражданскихъ и церковныхъ“.

Молодыхъ причетниковъ, поступавшихъ на причетническія мѣста изъ числа учениковъ, исключенныхъ изъ духовныхъ училищъ, Иннокентій поручалъ обыкновенно всегда строжайшему надзору благочинныхъ и мѣстныхъ священниковъ. Въ такомъ смыслѣ онъ почти всегда писалъ и свои резолюціи на прошеніяхъ подобныхъ лицъ. Но впослѣдствіи онъ сдѣлалъ и общее распоряженіе такого рода. Уволенный изъ выспаго отдѣленія Купянскаго духовнаго училища, ученикъ Н. П. просилъ объ опредѣленіи его въ с. Изюмецъ на праздно пономарское мѣсто. Иннокентій написалъ на его прошеніи слѣдующее: „опредѣлить, отдавъ на поличеніе священнику, съ тѣмъ, чтобы онъ чрезъ годъ отрапортовалъ мнѣ объ успѣхѣ врученнаго ему причетника; подобнымъ образомъ поступать и со всѣми опредѣляемыми изъ училищъ въ причетники, т. е., отдавать ихъ на руки священникамъ съ отвѣтственностію за нихъ“.

Отъ причетниковъ Иннокентій не замедлилъ перейти и къ священникамъ. Въ то время въ Харьковской епархіи верѣдко можно было встрѣтить и священниковъ, которые по своему богословскому образованію и познаніямъ не слишкомъ замѣтно разнились отъ своихъ причетниковъ. Въ особенности это можно сказать о священникахъ, не обучавшихся въ школахъ. Были священники, не знавшіе даже самыхъ основныхъ началъ христіанскаго вѣроученія. Такъ на рапортѣ благочиннаго, священника Петра Раздольскаго, о пролитіи старо-айдарскимъ священникомъ Л. В. Св. даровъ, послѣ великаго входа, при снятіи покровцевъ, на св. Антиминсѣ, Иннокентій написалъ: „поелику сей священникъ и *катихизиса* не знаетъ, то вызвать его въ каѳедру и заставить учиться, затѣмъ подвергнуть экзамену и потомъ доложить“. Чтобы побудить къ самообразованію священниковъ, Иннокентій рѣшился ввести испытанія и для нихъ. 22 декабря 1843 года онъ далъ консисторіи слѣдующее предложеніе: „Изъ рапортовъ благочинныхъ открывається, да и при обзорѣннн епархіи замѣчено, что нѣкоторые даже изъ священниковъ не знаютъ катихизиса и вовсе не радятъ не только о приобрѣтеніи необходимыхъ свѣдѣній въ предметахъ вѣры, но даже и о сохраненіи приобрѣтеннаго; предписываю консисторіи дать знать чрезъ благочинныхъ всѣмъ священникамъ, что при будущемъ, если угодно будетъ Господу, обзорѣннн епархіи, всѣ священнослужители по уѣздамъ объѣзжаемымъ будутъ собираемы въ удобныя мѣста для произведенія имъ надлежащаго испытанія и незнающіе своего дѣла будутъ вызываемы въ Харьковъ для изученія, въ противномъ же случаѣ лишатся своихъ мѣстъ, яко неспособные стоять на стражѣ Господней“. И дѣйствительно, послѣ опубликованія этого распоряженія, Иннокентій, при обзорѣннн епархіи, пріѣзжая въ извѣстныя центральныя мѣста уѣзда или благочинній, собиралъ туда мѣстныхъ священнослужителей и производилъ экзамены священникамъ; испытаніе-же діаконовъ, а иногда и причетниковъ поручалось особому экзаменатору, ѣздившему по епархіи вмѣстѣ съ Иннокентіемъ.

Преданіе знаетъ однако-же и комичную сторону этихъ экзаменовъ,—знаетъ, напр., камилавку протоіерея-экзаменатора,

наполнявшуюся при этихъ испытаніяхъ серебряными рублевиками,—знаеть и самого экзаменатора-камилавочника, всегда сердившагося на причетниковъ—„этихъ мерзавцевъ“, что къ экзаменамъ они „не могли запасть ассигнаціями“ и т. п. Впрочемъ, лично Иннокентій не только не потворствовалъ подобнымъ поборамъ, но иногда, узнававъ о нихъ, подвергалъ виновныхъ строгому наказанію. Слободы Изюмца стихарный пономарь И. Д. просилъ о перемѣщеніи его отъ с. Заводы на праздное дьячковское мѣсто, причемъ представилъ и свидѣтельство своего благочиннаго „о знаніи причетническихъ предметовъ“. Но при повѣркѣ этотъ пономарь оказался слишкомъ плохимъ и волей неволей долженъ былъ сознаться, что экзаменаторская строгость благочиннаго была смягчена данными ему 25 рублями. Иннокентій далъ по этому случаю такую резолюцію: „опредѣлить, а благочинному велѣть возвратитъ просителю взятые съ него за свидѣтельство деньги и потомъ донести мнѣ о томъ“. Одинъ протоіерей-экзаменаторъ, говорятъ, лишился своего экзаменаторскаго званія; онъ былъ на столько не остороженъ, что, подавъ Иннокентію какую-то свою книгу, забылъ, говорятъ, вынуть оттуда записъ денегъ, полученныхъ имъ при испытаніи ставленниковъ и причетниковъ...

Иннокентій не долюбивалъ не только постороннихъ ходатайствъ за просителей, но и прошеній, переданныхъ несобственноручно просителями, а лицами посторонними. Командиръ внутренняго гарнизоннаго баталіона ходатайствовалъ предъ преосвященнымъ Иннокентіемъ о перемѣщеніи его брата діакона изъ Воронежской епархіи въ Харьковскую. По поводу этого ходатайства Иннокентій предписалъ: „дать знать г. полковнику, что діаконъ можетъ самъ просить о переводѣ, если хочетъ, въ Харьковскую епархію, а брату его вступать въ это дѣло нѣтъ никакого законнаго резона“. Сл. Трехъизбянска вдова, священническая жена, А. П. просила о зачисленіи за сыномъ ея, ученикомъ высшаго отдѣленія Харьковской духовной семинаріи, М. П. священническаго мѣста, оставшагося празднымъ послѣ отъѣзда въ Кіевскую духовную академію старшаго сына ея, священника К. П. На этомъ прошеніи Иннокентій написалъ: „Къ чему же щинѣ просить священниче-

скаго мѣста! вѣдь у сына богослова есть руки,—пусть онъ и просить!“ С. Марковки священ. І. И. просилъ о посвященіи въ священника сына его, окончившаго курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, С. И. въ хуторъ Просяный. Резолюція: „пусть просить самъ сынъ, если хочеть и если мѣсто свободно“. Окончившій курсъ въ коллегіумѣ, нѣкто Яновскій, просилъ священническаго мѣста въ с. Берекѣ. Прошеніе было переписано чужою рукою. И Иннокентій мѣста не далъ и сдѣлалъ на прошеніи замѣчаніе: „Что за священникъ, который самъ просьбы не можетъ переписать, а нанимаетъ писца?“ С. Соколова пономарь М. Ѳ. просилъ о перемѣщеніи его въ с. Мерефу на попомарское-же мѣсто. Резолюція: „не перемѣщать; поелику самъ не умѣеть переписать просьбы“.

Почеркъ просителя нерѣдко имѣлъ рѣшающее значеніе на исходъ самой просьбы. Каѳедральнаго собора стихарный пономарь Я. П. просилъ діаконскаго мѣста въ с. Михайловкѣ Изюмскаго уѣзда. На этомъ прошеніи Иннокентій положилъ такую резолюцію: „плохо пишетъ; учиться писать по-діаконски“. И. д. звонаря при Трехъ-святительской церкви (что теперь *нижня* въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ) Д. А. просилъ о посвященіи его въ стихарь. Резолюція: „не будетъ посвященъ, доколѣ не выучится писать, въ чемъ взять съ него подписку, чтобы не смѣлъ напрасно беспокоить начальство“. С. Новаго Валковскаго уѣзда стихарный дьячекъ Ѳ. Р. просилъ о перемѣщеніи его въ с. Чепель на праздное дьячковское-же мѣсто. Резолюція: „дать указъ переходящій, вмѣнивъ въ обязанность благочинному, чтобы онъ побудилъ просителя учиться писать лучше, въ противномъ случаѣ черезъ годъ будетъ лишенъ мѣста“. С. Лимана Зміевскаго уѣзда пономарь І. К. просилъ о перемѣщеніи его въ с. Пршибѣ на праздное попомарское мѣсто, которое прежде занималъ его отецъ. Резолюція: „на мѣстѣ отца уже есть братъ. А сего неuka отдать подъ строгій надзоръ мѣстнаго священника, съ тѣмъ, что если до будущаго августа не выучится читать и писать хорошо, то обратить его въ служители или исключить въ свѣтское званіе.“

Мѣры, предпріятыя Иннокентіемъ съ цѣлію побудить ду-

ховенство къ самообразованію, повидимому, достигали своей цѣли, если не вообще, то хотя отчасти. Нѣкоторые изъ причетниковъ рѣшились взяться за книгу, и Старобѣльское духовное правленіе вошло даже рапортомъ къ преосвященному Иннокентію, испрашивая дозволенія выписать для причетниковъ Старобѣльскаго уѣзда нужныя имъ книги: св. исторіи 73, краткаго катихизиса 64 и устава церковнаго 74 экземпляра. На рапортѣ этомъ преосвященный написалъ: „выписать; а между тѣмъ консисторія разсмотритъ, не нужно-ли сдѣлать по сему общаго распоряженія въ какомъ-либо видѣ“.—Но не все причетники Харьковской епархіи послѣдовали примѣру старобѣльскихъ причетниковъ; весьма многіе изъ нихъ никакъ не могли примириться съ строгостію мѣръ, предпринятыхъ Иннокентіемъ. Одни изъ нихъ бросились въ другія епархіи и въ особенности—въ Екатеринославскую, другіе рѣшились вовсе оставить духовное званіе. Переселеніе въ другія епархіи было однакоже такъ велико, что на него не могъ не обратитъ вниманія и самъ главный виновникъ его. Такъ, напр., на прошеніи Люботинскаго пономаря К. Д. объ увольненіи его въ Екатеринославскую губернію Иннокентій написалъ, между прочимъ, слѣдующее: „консисторія имѣетъ вникнуть, что это за переселеніе вдругъ столькихъ людей“.—Но въ свѣтское званіе причетниковъ малоспособныхъ и малосвѣдущихъ онъ увольнялъ, кажется, всегда не безъ удовольствія. Такъ, ученикъ низшаго отдѣленія Харьковской духовной семинаріи, Г. В., не желая подвергаться установленному испытанію на должность причетника, подалъ Иннокентію прошеніе объ увольненіи его изъ духовнаго званія въ свѣтское. Иннокентій на этомъ прошеніи написалъ: „Кто же мѣшаетъ? Но это должно быть сдѣлано по надлежащей формѣ“. По той же самой причинѣ просилъ объ увольненіи въ свѣтское званіе и исключенный изъ средняго отдѣленія Харьковской духовной семинаріи, ученикъ П. Л.—Иннокентій положилъ резолюцію: „уволить съ Богомъ!“—На прошеніи о томъ же дьячка с. Битиць М. Р. резолюція положена такая же: „съ Богомъ!“—На прошеніи исключеннаго изъ высшаго отдѣленія Харьковской духовной семинаріи, ученика П. В., объ увольненіи его изъ духовнаго званія, Иннокентій написалъ:

„уволить съ Богомъ!“—Такою же резолюцію: „съ Богомъ! уволить“—положилъ Иннокентій я на прошеніи объ увольненіи изъ духовнаго званія уволеннаго изъ Харьковской семинаріи ученика А. З. Такое поведеніе Иннокентія объясняется прежде всего тѣмъ, что въ то время въ Харьковской епархіи было очень много безъ мѣста даже окончившихъ полный семинарскій курсъ. Определенный въ Ахтырскій монастырь, шестидесяти семи лѣтній заштатный священникъ К. П.; наскучивъ, вѣроятно, монастырскою жизнію, просилъ предоставить ему священническое мѣсто въ с. Лозовой Богодуховскаго уѣзда. Иннокентій положилъ на его прошеніи слѣдующую резолюцію: „Въ 67 лѣтъ вдовому поздно искать мѣсто на приходѣ, особенно, когда *семьдесятъ человекъ безъ мѣстъ, окончившихъ курсъ* и когда поведеніе неблагонадежно“.

Это значительное количество окончившихъ курсъ, но не занявшихъ никакихъ должностей, было истинною причиною и того, что Иннокентій во все время своего управленія Харьковскою епархіею почти никого не принялъ въ нее изъ лицъ иноепархіальныхъ, исключая лицъ монашествующихъ, въ которыхъ онъ нуждался при возобновленіи монастырей; равно также не любилъ онъ принимать въ духовное званіе и лицъ свѣтскихъ. Уволенный изъ духовнаго званія въ свѣтское города Богодухова мѣщанинъ В. Г. просилъ Иннокентія снова принять его въ прежнее званіе; но на прошеніи его Иннокентій замѣтилъ: „и безъ просителя много людей“ Затѣмъ, просилъ Иннокентія о томъ же выпущенный на волю изъ крестьянъ С. К. Но и на прошеніи послѣдняго Иннокентій написалъ: „много и своихъ безъ мѣстъ: пусть ищетъ себѣ въ другихъ званіяхъ“. Окончившій курсъ въ Курской семинаріи А. В—скій просилъ о принятіи его въ Харьковскую епархію и о предоставленіи ему празднаго священническаго мѣста въ с. Терешковкѣ Сумскаго уѣзда, съ дозволеніемъ вступить въ бракъ съ дочерью тамошняго умершаго священника. Резолюція: „не нужно вамъ чужихъ, когда и для своихъ мѣстъ мало“.—Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ лишь бывшій Путивльскаго Преображенскаго собора штатный протоіерей, магистръ Іоаннъ Гапоновъ. На его прошеніи о принятіи

его въ Харьковскую епархію и помѣщеніи въ число харьковскаго духовенства на праздное мѣсто при городской Благовѣщенской церкви, Иннокентій положилъ резолюцію: „Съ удовольствіемъ готовъ принять сего достойнаго священнослужителя, предоставивъ ему просимое мѣсто съ правомъ занять домъ церковный. Отнестись отъ меня къ курскому преосвященному объ увольненіи его въ здѣшнюю епархію по надлежащему“. По принятіи въ Харьковскую епархію, протоіерей Гапоновъ сталъ сразу самымъ близкимъ лицомъ къ Иннокентію и пользовался его полнымъ довѣріемъ. Тогда же опъ назначень былъ экзаменаторомъ ставленниковъ, а потомъ и градскимъ благочиннымъ. Иннокентій пользовался, кажется, всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы поставить его на виду. Вотъ что писалъ нѣкогда о. Гапоновъ самъ о себѣ: „Я лично знаю, какъ онъ (т. е. Иннокентій) одного протоіерея (самого о. Гапонова), вновь поступившаго въ Харьковскую епархію, сряду четыре мѣсяца, каждое воскресенье, заставлялъ при служеніи своемъ говорить проповѣди. Когда любопытные спросили, для чего такъ дѣлается, — онъ отвѣчалъ: „нашелся бисеръ, въ пыли долго валявшійся, время, пора отереть его и поставить за стекломъ“. Иннокентій былъ воспитанникъ перваго курса Кіевской академіи, Гапоновъ — втораго; поэтому весьма естественно предположить, что дружественныя отношенія между ними могли начаться еще въ стѣнахъ академіи.

(Продолженіе будетъ).

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ

О ЖУРНАЛѢ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

Въ одной изъ прежнихъ книжекъ журнала „Вѣра и Разумъ“, именно въ первой апрѣльской, мы обѣщали знакомить нашихъ читателей съ отзывами печати о нашемъ журналѣ, и уже представили благосклонному вниманію ихъ опытъ разбора печатныхъ сужденій, неблагопріятныхъ для журнала. Въ настоящій разъ мы хотимъ познакомить ихъ съ сужденіями совершенно противоположнаго характера, но тоже заслуживающими полного вниманія и безпристрастной оцѣнки.

Въ мартовской книжкѣ духовнаго журнала „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, за настоящій годъ, мы находимъ довольно обширную рецензію по поводу выхода въ свѣтъ первыхъ трехъ книжекъ „Вѣры и Разума“. Съ этою-то рецензіею мы хотимъ познакомить нашихъ читателей и высказать нѣсколько своихъ мыслей о ней.

Въ статьѣ подъ названіемъ „Журнальное Обзорѣніе“ (стр. 147—164), рецензентъ излагаетъ сужденія, вполне сочувственныя къ нашему журналу, дружественно привѣтствуетъ его и относится къ нему съ несомнѣннымъ благопожеланіемъ. Не повторяя всѣхъ благопріятныхъ для насъ отзывовъ и сужденій его, мы ограничимся лишь въ этомъ отношеніи окончательнымъ выводомъ рецензента, высказаннымъ въ концѣ статьи, послѣ критической оцѣнки содержанія первыхъ трехъ книжекъ нашего журнала. Из-

ложивши содержаніе этихъ книжекъ, рецензентъ въ концѣ концовъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Таково содержаніе главнѣйшихъ статей журнала. Какъ можно было видѣть, онъ прекрасно выполняетъ свою задачу, не смотря на то, что еще такъ мало прошло времени отъ его появленія. Нельзя не пожелать ему большаго и большаго процвѣтанія и распространенія въ средѣ читающей публики“ (стр. 164). Эти благопріятныя сужденія, это сочувствіе и это дружественное отношеніе рецензента къ нашему журналу тѣмъ болѣе дороги и цѣнны для насъ, что помѣщены въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ духовныхъ журналовъ, пользующихся справедливою и прочною извѣстностію не только въ средѣ образованнаго духовенства, но и въ средѣ свѣтскаго образованнаго общества. Благопріятный отзывъ подобнаго журнала не только ободряетъ и укрѣпляетъ насъ въ нашей литературной дѣятельности, но и нѣкоторымъ образомъ создаетъ *имя* нашему журналу и устанавливаетъ на него такой или иной взглядъ среди отечественной публики вообще.

Но именно это обстоятельство заставляетъ насъ отнестись къ сужденіямъ рецензента съ полною внимательностію и полнымъ безпристрастіемъ. Его статью никакъ нельзя назвать литературною замѣткою, которая должна остаться безслѣдною. Но какъ ни благопріятны и даже, можно сказать, какъ ни проицательны сужденія рецензента, оказавшагося въ состояніи, на основаніи первыхъ трехъ книжекъ нашего журнала, установить извѣстную точку зрѣнія на него, опредѣлить его значеніе и указать характеристическія черты его направленія, тѣмъ не менѣе въ сужденіяхъ этихъ высказываются положенія, или, лучше сказать—существуютъ отбѣнки мыслей, которые могутъ приводить читателей къ неточнымъ, или неправильнымъ заключеніямъ, выводамъ и предположеніямъ. Конечно, это не можетъ быть отнесено къ какому-либо недостаткамъ критическаго таланта нашего рецензента. При всей силѣ своего таланта, быть можетъ, онъ по необходимости не могъ еще избѣжать нѣкоторыхъ односторонностей и неправильностей въ своихъ сужденіяхъ; вѣдь журналъ нашъ еще

такъ, молодъ и рецензентъ судитъ о характерѣ и направленіи его лишь на основаніи первыхъ трехъ книжекъ. Тѣмъ не менѣе подобныя сужденія не желательны для насъ и особенно въ такомъ серьезномъ и ученномъ журналѣ, каковыя являются „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“.

И прежде всего, вѣрно-ли рецензентъ опредѣляетъ главныя задачи нашего журнала? Ясно-ли указываетъ цѣли, которыя будутъ преслѣдовать журналъ? Къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣтить на эти вопросы въ утвердительномъ смыслѣ. Рецензентъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ тѣхъ читателей, которыхъ преимущественно будетъ имѣть въ виду нашъ журналъ и сообразно съ этимъ тѣ цѣли, которыя журналъ желаетъ или будетъ преслѣдовать. „Гордый знаніемъ природы, говоритъ онъ, — человѣческій разумъ считаетъ себя почти единственнымъ критеріемъ въ своей дѣятельности. Поэтому, видя кругомъ себя только то, что доступно тѣлесному оку, и получивъ познаніе объ этомъ внѣшнемъ, онъ останавливается на мысли, что далѣе этого міра нѣтъ ничего. Съ такимъ сознаніемъ какъ не идти далѣе по заманчивому пути самообольщенія? И многіе идутъ. Если далѣе видимаго ничего нѣтъ, если разумъ человѣка можетъ знать все, если душа и тѣло наше имѣютъ различныя страстныя желанія, требуютъ разныхъ удовольствій, то къ чему эти „глупыя бредни“ о мірѣ иномъ, о Богѣ, адѣ и раѣ? Къ чему эта Церковь съ ея уставами? Зачѣмъ нужны эти „фарисейскіе“ посты и укрощеніе страстей? и т. д. Не я ли господинъ себѣ? Не могу-ли дѣлать я все, что мнѣ нравится или кажется нужнымъ? Это одна часть людей: другіе, хотя даже и называютъ себя христіанами и готовы-бы быть ими, но имѣютъ много различныхъ сомнѣній, касающихся вѣры и Церкви; ихъ смущаютъ различныя мнимыя противорѣчія въ Исканіи, неразумныя яко-бы уставы Церкви и т. п. Они не отказываются отъ христіанства, но являются въ существѣ дѣла въ весьма жалкомъ положеніи. Кто поручится за то, что они не увлекутся врагамъ христіанства и не перейдутъ въ ихъ лагерь? Да если даже этого и не

случится, что-же будетъ за релігіозная жизнь ихъ и какими очами будутъ смотрѣть они на будущее, закрытое отъ нихъ какъ-бы туманомъ? Конечно, жалко видѣть подобное состояніе и желательно принести посильную жертву въ пользу погибающихъ собратій. Это обязанность всякаго истиннаго христіанина. И потому какъ пріятно видѣть, что подобныя цѣли думаетъ преслѣдовать духовный новый журналъ, издатели котораго хорошо понимаютъ потребности вѣка“ (стр. 149). Очевидно, рецензентъ полагаетъ, что журналъ нашъ, если нельзя сказать исключительно, то во всякомъ случаѣ преимущественно будетъ имѣть въ виду читателей невѣрующихъ, или колеблющихся въ вѣрѣ и будетъ приносить, какъ выражается онъ, жертву въ пользу этихъ погибающихъ собратій нашихъ, т. е. будетъ вести полемику съ ихъ невѣріемъ и маловѣріемъ. Подобное дѣло рецензентъ считаетъ обязанностію всякаго истиннаго христіанина и потому трудъ издателей журнала „Вѣра и Разумъ“ онъ называетъ „не напраснымъ въ великомъ дѣлѣ духовной христіанской благотворительности“. Такъ понимая задачи нашего журнала, т. е. усвоивъ ему преимущественно полемическое направленіе противъ невѣрія и колебанія въ вѣрѣ, рецензентъ не отличаетъ затѣмъ строго цѣлей нашего журнала отъ цѣлей другаго журнала, тоже появившагося, или лучше—возобновившагося недавно, именно журнала „Братское Слово“. Онъ проводитъ параллель между обоими журналами, обозрѣваетъ ихъ одновременно и, между прочимъ, говоритъ: „Имѣя въ виду разныхъ читателей и сообразно съ этимъ, повидимому, разныхъ цѣли, тѣмъ не менѣе они (т. е. оба журнала) отличны главнымъ образомъ только по широтѣ цѣли и по характеру. Дѣло въ томъ, что новый журналъ (т. е. „Вѣра и Разумъ“) имѣетъ въ виду невѣрующій разумъ современныхъ полужычниковъ, ничего не хотящихъ знать кромѣ видимаго глазомъ, и поэтому стремиться къ тому, чтобы показать важность вѣры христіанской, ея плодотворность и вмѣстѣ полную разумность,— разумность, противъ которой ничего не можетъ сказать правдивая, здравая философія. Другой журналъ „Братское Слово“ сие-

ціально назначается для читателей изъ среды тѣхъ, фанатическій, ослѣпленный разумъ которыхъ отвергаетъ истинность православной Церкви и ея іерархіи, ради своей печальной привязанности къ обряду и буквѣ; а также назначается для православныхъ священниковъ, какъ пастырей и учителей. Сообразно съ этимъ, онъ также какъ и первый журналъ, имѣетъ цѣлю съ одной стороны дать православнымъ пастырямъ разумное оружіе для борьбы съ расколомъ (какъ первый для борьбы съ невѣріемъ), а съ другой—по возможности благотворно подѣйствовать на умъ читателей изъ раскольниковъ посредствомъ ясныхъ, разумныхъ доводовъ, чрезъ историческія и разумныя данныя, доказывающія несостоятельность раскола (какъ первый имѣетъ цѣлю устранить сомнѣнія относительно религіи и Церкви“) (стр. 147). Такова основная точка зрѣнія рецензента на нашъ журналъ в таковыя приписываемыя имъ журналу задачи и цѣли.

Нельзя, конечно, отвергать того, что журналъ нашъ, между прочимъ, долженъ имѣть въ виду невѣрующихъ и колеблющихся въ вѣрѣ читателей, какъ журналъ „Братское Слово“ имѣетъ въ виду раскольниковъ и составляетъ для себя цѣлю борьбу съ расколомъ. Но видѣть одну лишь борьбу съ невѣріемъ и маловѣріемъ въ нашемъ журналѣ, очевидно, значитъ суживать задачу журнала, превращать его въ какой-то полемическій и апологетическій сборникъ и вообще ограничивать горизонтъ журнала частными и, такъ сказать, случайными цѣлями. Самы по себѣ эти частныя и случайныя цѣли достойны нашего журнала, какъ достойны онѣ и всякаго другаго духовнаго журнала; полемика съ невѣріемъ и защита христіанства, научное опроверженіе атеизма и маловѣрія не могутъ не быть принимаемы во вниманіе духовнымъ журналомъ, поставившимъ для себя задачею служить дѣлу христіанской истины; тѣмъ болѣе не могутъ не быть принимаемы во вниманіе нашимъ журналомъ, который девизомъ своимъ выставилъ выясненіе должныхъ отношеній между вѣрою и разумомъ и назвалъ себя одновременно органомъ „Вѣры и Разума“. Но это не составляетъ главной, существенной и характеристической задачи для нашего

журнала Журналь нашъ, прежде всего, хотѣлъ бы служить положительному развитію и уясненію религіозно-философской истины и предназначается для православной образованной публики вообще. Его предполагаемый поэтому кругъ читателей долженъ быть гораздо обширнѣе однихъ лишь невѣрующихъ или колеблющихся въ вѣрѣ людей.

Извѣстно, что развитіе и уясненіе религіозной истины находится въ связи съ запросами времени, съ ходомъ человѣческаго образованія и даже съ состояніемъ политическихъ обществъ. Быть отзывчивымъ къ запросамъ времени, представить религіозную истину въ ея отношеніи къ современной образованности и политическому состоянію нашего общества, словомъ, представить религіозную истину въ живой связи съ истинною наукою и жизнью—вотъ главная задача, которую имѣетъ въ виду нашъ журналъ. И какъ въ былыя времена церковные учителя для святыхъ цѣлей религіи и Церкви пользовались лучшими мыслями современной имъ философіи и всеми средствами современнаго просвѣщенія не только для полемики, но и для положительнаго выясненія христіанскихъ истинъ; такъ и нашъ журналъ хотѣлъ-бы идти къ этой же цѣли путемъ положительнымъ и отрицательнымъ. Правда, наше образованное общество укоряютъ въ недостаткѣ религіозности; но нельзя думать, чтобы въ средѣ его не было людей искренно вѣрующихъ; чтобы образованіе съ какою-то роковою необходимостію приводило всѣхъ ихъ къ потерѣ религіозныхъ убѣжденій. Но вѣрующій образованный читатель, по нашему мнѣнію, преимущественно хочетъ слѣдить за постепеннымъ движеніемъ и современнымъ развитіемъ богословской науки, особенно потому, что при посредствѣ чтенія духовныхъ журналовъ хочетъ сдѣлать свою вѣру болѣе разумною, болѣе ясною и сознательною. И только съ этой точки зрѣнія онъ можетъ интересоваться духовными журналами. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что какъ бы ни были многочисленны въ средѣ нашего образованнаго общества невѣрующіе и колеблющіеся въ вѣрѣ читатели, но не они одни составляютъ собою это общество всецѣло

и, слѣдовательно, не одни они нуждаются въ чтеніи духовныхъ журналовъ. Конечно, встрѣчаясь въ духовномъ журналѣ съ тою или другою апологетическою статьею въ защиту христіанства или полемическою статьею противъ невѣрія и маловѣрія, вѣрующій образованный читатель можетъ находить эту статью очень полезной, очень пригодной для себя въ какихъ-либо случайныхъ отношеніяхъ; но не съ этой точки зрѣнія случайной полезности и пригодности онъ будетъ оцѣнивать статью. Онъ будетъ искать въ ней прежде всего удовлетворенія своему научному интересу; онъ будетъ цѣнить ее лишь на столько, на сколько статья помогаетъ ему понять свою вѣру болѣе разумною, болѣе ясно и сознательно. Намъ кажется, что этотъ научный или разумный интересъ долженъ быть на первомъ планѣ въ томъ журналѣ, который хочетъ имѣть въ виду вѣрующихъ читателей изъ образованной публики. Конечно, сила вѣры этихъ читателей зависить не исключительно отъ научнаго разъясненія религіозныхъ истинъ и скорѣе есть результатъ жизненныхъ и даже благодатныхъ вліяній и причинъ; потому что искренняя вѣра уславливается главнымъ образомъ, не расположеніемъ къ усвоенію отвлеченныхъ религіозныхъ истинъ (хотя и это необходимо для вѣры сознательной), но живымъ стремленіемъ сердца къ общенію съ живымъ Богомъ, призывающимъ вѣрующаго человѣка къ Себѣ силою своей благодати. И если-бы естествознаніе или вообще невѣріе нагромоздило цѣлыя горы мертвыхъ фактовъ, противорѣчащихъ вѣрѣ, если бы разумъ представилъ цѣлые ряды доказательствъ въ подтвержденіе невѣрія, это несколько не потревожитъ истинной живой вѣры, которая орлинымъ полетомъ легко возносится превыше всего и остается неизблемой во всѣ минуты человеческой жизни. Но вѣрно и то, что образованный и любознательный читатель и при этой вѣрѣ не только не теряетъ, но вполне сохраняетъ и даже развиваетъ въ себѣ живой интересъ къ научному движенію религіозной истины; его вѣра сама собою требуетъ возможной ясности и сознательности. Было-бы странно если-бы журналъ, подобный нашему, не принялъ во вниманіе

этого интереса образованныхъ христіанъ и не позаботился выяснять религіозную истину, насколько это будетъ для него возможно, въ связи съ современнымъ развитіемъ научнаго знанія. Вотъ задача или цѣль, которая, по нашему искреннему мнѣнію, должна стоять на первомъ планѣ для нашего журнала. Усиблѣнное осуществленіе этой задачи, какъ полагаемъ мы, можетъ быть гораздо болѣе полезно для духовнаго просвѣщенія, чѣмъ все эти апологетическія сочиненія въ защиту христіанства и полемическія статьи противъ невѣрія. Намъ даже кажется, что невѣрующіе и колеблющіеся въ вѣрѣ читатели, когда достаточно ознакомятся съ положительнымъ христіанскимъ ученіемъ, сблизимымъ съ человѣческою наукою и уясняемымъ постепенно научными познаніями, скорѣе почувствуютъ расположенность къ религіознымъ истинамъ или къ христіанской вѣрѣ вообще, чѣмъ при чтеніи всѣхъ этихъ апологетическихъ и полемическихъ сочиненій. Литературное выраженіе научно развитаго христіанскаго сознанія, во всякомъ случаѣ, можетъ убѣдить ихъ, что христіанство, правильно понятое и ясно сознанное, нисколько не идетъ противъ глубокихъ и жизненныхъ требованій человѣческой природы, не стоитъ въ борьбѣ ни съ какою правильно поставленною наукою и, напротивъ, сообщаетъ высшій смыслъ и высшее значеніе и наукѣ и жизни. Какъ выполнить эту задачу нашъ журналъ, найдетъ-ли онъ достаточно силъ, чтобы держаться на этой высотѣ,—это другое дѣло; но мы продолжаемъ думать, что только такимъ путемъ христіанская истина можетъ и должна одержать побѣду надъ всякимъ невѣріемъ и маловѣріемъ.

Высказывая это положеніе, мы не говоримъ о какомъ-то новомъ развитіи христіанства, о какой-то новой существенной усовершенности его въ научномъ отношеніи. Откровеніе не дополняется, не развивается и не усовершенствуется; его точныя и опредѣленныя истины даны человечеству разъ и навсегда. Думать иначе, это значило-бы усвоить себѣ ошибочное воззрѣніе или католицизма или протестантизма. Но мы говоримъ о развитіи и расширеніи христіанскаго или вообще общечеловѣческаго религіознаго

сознанія, о послѣдовательной и постепенной усовершенности этого сознанія въ дѣлѣ усвоенія себѣ христіанскихъ истинъ. Мысль объ этой усовершенности есть несомнѣнный историческій фактъ; человѣчество, точно также какъ и отдѣльное общество, постепенно сживается съ христіанскою истиною, постепенно усваиваетъ ее себѣ и признаетъ ее болѣе и болѣе согласно съ человѣческимъ разумомъ и способною проникать во всѣ отправления и развѣтвленія человѣческой жизни и все освѣщать и приводить въ порядокъ; теперь дѣти легко понимаютъ то, что было тайной для величайшихъ мудрецовъ языческаго міра; теперь самые скептическіе умы не встрѣчаютъ христіанства съ тою яростію и тѣмъ озлобленіемъ, такъ это было на первыхъ порахъ появленія христіанскаго откровенія. Этому не противорѣчитъ то, что для того или другаго общества, или даже для того и другаго народа, какъ напр. для современной намъ Франціи, наступаютъ времена отрицательнаго отношенія къ христіанству. Эти отрицательныя отношенія легко могутъ и должны быть объясняемы случайными, преходящими причинами, но минованіи которыхъ христіанство должно явиться въ новомъ блескѣ и въ новомъ сіяніи. Современная намъ Франція напр. въ сущности отрекается не отъ христіанства, а отъ той католической и іезуитской постановки и примѣненія къ жизни христіанскихъ истинъ, которыя имѣли такое неблагоприятное и даже разрушающее вліяніе на весь французскій народъ. По крайней мѣрѣ, та самая Франція, которая издаетъ эдикты и постановленія противъ католическихъ конгрегацій и церемоній, оставляетъ въ совершенномъ покоѣ своихъ протестантскихъ подданныхъ, которые не стараются подчинить преобладающему вліянію церкви политическую жизнь народовъ.

Если справедливо, что человѣческое сознаніе подчинено закону послѣдовательнаго развитія, то столько же справедливымъ должно быть признано и то, что для усвоенія себѣ религіозной истины требуется извѣстная степень развитія этого сознанія и только на высшихъ ступеняхъ своего развитія это сознаніе можетъ понять религіозную истину болѣе ясно, сознательно и глу-

боко. Когда напр., впервые явилось христіанское ученіе о любви, то оно было совершенно непонятно для язычниковъ; язычники не могли отличить этой любви или отъ слабости, безхарактерности, или отъ проявленій чувственныхъ страстей. Лукіанъ, языческій писатель конца II вѣка и начала III, встрѣчаясь съ этимъ ученіемъ, не находитъ достаточно словъ, чтобы подвергнуть его осмѣянію и въ сочиненіи своемъ „Перегринъ“ не иначе называетъ христіанъ, какъ „глупыми мечтателями и воздухоплавателями“. Но уже въ IV вѣкѣ Юліанъ отступникъ, воспитанный первоначально въ христіанскихъ идеяхъ, съ завистію смотритъ на это христіанское ученіе и своими императорскими указами хочетъ сдѣлать его обязательнымъ, по крайней мѣрѣ въ средѣ языческихъ жрецовъ. А въ наше время позитивистъ Коитъ, желая стать выше христіанства, проповѣдуетъ всеобщій *альтруизмъ* (т. е. любовь къ другимъ) и заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ любить своихъ ближнихъ *больше*, чѣмъ самихъ себя. Затѣмъ близкій послѣдователь Коита, Спенсеръ, смѣшавшій его идеи съ дарвинизмомъ, идетъ даже дальше своихъ учителей и говоритъ, что раньше или позже этотъ альтруизмъ сдѣлается инстинктивнымъ въ обществѣ людей и станетъ для каждаго человѣка столько-же естественнымъ, какъ теперь естественъ эгоизмъ. Итакъ то, что на первыхъ порахъ вызвало въ человѣческомъ сознаніи недоумѣніе и представлялось или неразуміемъ или извращеніемъ общественныхъ понятій, то въ концѣ концовъ самымъ отрицательнымъ европейскимъ мыслителямъ представляется уже явленіемъ въ высокой степени разумнымъ и желательнымъ.

Намъ могутъ замѣтить, что это положеніе, совершенно примѣнимое въ отношеніи къ христіанскому нравоученію, къ высокому ученію о христіанской любви, не можетъ быть примѣнено къ теоретической сторонѣ откровенія, во всей сферѣ христіанскихъ догматовъ. Но вѣрно-ли это? Справедливо-ли это положеніе? Люди невѣрующіе и сомнѣвающіеся въ вѣрѣ обыкновенно смотрятъ на христіанскіе догматы, какъ на отвлеченныя, безжизненныя положенія, не имѣющія будто-бы отношенія къ дѣйствительной жизни.

Но это страшное заблужденіе. Въ чемъ именно состоитъ существенный характеръ теоретической стороны христіанства? Что такое христіанскіе догматы по своему существу? Они суть выраженіе любви. Христіанская религія есть по преимуществу религія любви, — любви Божественной въ отношеніи къ грѣшному роду человѣческому и любви отвѣтной со стороны человечества въ отношеніи къ Божеству. „Если-бы у насъ кто спросилъ, пишетъ св. Григорій Богословъ, что мы чествуемъ и чему поклоняемся? Отвѣтъ готовъ: мы чтимъ любовь“. Блаженный Августинъ пишетъ: „сущность всего Божественнаго Писанія заключается въ любви къ Богу и ближнимъ. Итакъ, если ты не имѣешь столько силъ и времени, чтобы надлежащимъ образомъ пересмотрѣть все писанія Св. Писанія, познать истину во всей ея наготѣ, постигнуть все тайны писаній, то предайся только любви, которая обнимаетъ собою все прочее“. Разсматриваемые съ этой стороны христіанскіе догматы, какъ выраженія чистѣйшей и совершеннѣйшей любви, являются не сухими и безжизненными положеніями или отвлеченными теоретическими формулами, но имѣющими самый глубокій и жизненный интересъ. И чѣмъ болѣе сознаніе отдѣльныхъ — ли лицъ или цѣлыхъ обществъ будетъ проникаться духомъ христіанской любви, чѣмъ болѣе будетъ усвоять себѣ этотъ духъ, тѣмъ понятнѣе для него будетъ становиться христіанскій догматъ тѣмъ разумнѣе, достовѣрнѣе и очевиднѣе будетъ сознаваться потребность какъ въ теоретическомъ ученіи христіанства, такъ и во всѣхъ христіанскихъ установленіяхъ. Можно-ли сказать, что христіанское сознаніе, по крайней мѣрѣ въ лучшей и образованнѣйшей части христіанскаго общества, не идетъ по этому пути болѣе глубокаго и болѣе жизненнаго пониманія Божественнаго откровенія? Можно-ли отвергать постепенную усовершенность въ дѣлѣ научнаго пониманія и усвоенія христіанства, по крайней мѣрѣ среди истинныхъ христіанъ, искренно любящихъ христіанскую науку?

Обыкновенно думаютъ, что разумъ современнаго намъ общества съ какою-то роковою необходимостію приходитъ къ результатамъ противоположнымъ вѣрѣ, что въ этомъ состоитъ какое-то неиз-

бѣжное направленіе ума современнаго намъ общества. Но это странная ошибка. И въ литературѣ и въ обществѣ извѣстны имена нѣкоторыхъ ученыхъ, стоящихъ въ отрицательномъ отношеніи къ христіанству: но мы не знаемъ ни одной науки, которая на основаніи неизбѣмыхъ и вполне достовѣрныхъ фактовъ могла сказать о себѣ: „я не согласна съ христіанствомъ, мои несомнѣнные выводы и положенія противорѣчатъ христіанству“. Быть не можетъ, чтобы между истиною естественною и сверхъестественною могли существовать противорѣчія; потому что и та и другая истина происходятъ изъ одного и того-же источника вѣчной истины, вѣчной любви. Минимыя несогласія и противорѣчія между ними свидѣтельствуютъ лишь или о нашемъ недомысліи, о нашемъ недостаточномъ пониманіи какъ той, такъ и другой истины, или о нашемъ увлоненіи отъ прямого пути къ истинѣ. Дѣло въ томъ, что разумъ человѣческій, творецъ, или образователь всѣхъ наукъ, есть способность чисто формальная; его можно наполнить какимъ угодно содержаніемъ. Наполните его знаніемъ однихъ-лишь предметовъ видимаго міра, отвратите его отъ созерцанія предметовъ духовныхъ, — и онъ перестанетъ интересоваться предметами міра горняго, скоро потеряетъ къ нимъ всякій интересъ и затѣмъ станетъ сомнѣваться въ нихъ и даже отвергать ихъ. Напротивъ того, пріучите его къ созерцанію предметовъ высшаго міра, введите его въ общеніе съ этимъ міромъ, и вы сдѣлаете его болѣе чуткимъ, болѣе глубокимъ и всестороннимъ. „Разумъ, говоритъ одинъ отечественный писатель, есть только зрительная сила духовнаго міра. Очевидно, что для дальнѣйшаго развитія или умноженія знанія этого міра, необходимо упражнять разумную силу созерцанія дѣйствительнымъ зрѣніемъ, подобно тому, какъ зрительная сила глаза упражняется и разнообразитъ опытность зрѣнія нашего дѣйствительнымъ зрѣніемъ. А для этого необходимо входить съ тѣмъ міромъ въ непосредственное сношеніе и соприкосновеніе, какъ чувственный глазъ входить въ такое сношеніе съ вещами чувственными, т. е. необходимо быть въ общеніи съ Богомъ и міромъ духовнымъ. Безъ этого общенія,

вѣдѣніе духовное навсегда въ духѣ нашемъ останется въ видѣ предположительнаго требованія и никогда не взойдетъ на степень *знанія* яснаго, дѣйствительнаго, опредѣленно-убѣдительнаго, подобно тому, какъ слѣпой, съ закрытыми глазами, у которыхъ не повреждена однакожь сила зрѣнія, будетъ знать только, что вѣрно есть свѣтящіяся и освѣщаемыя вещи, но знать ихъ опредѣленно не возможесть, пока не откроются глаза его". (Шестьма о христ. жизни 1860 г. В. III, стр. 384—5). Конечно, всегда были и всегда будутъ существовать границы этимъ созерцаніямъ разума; никогда разумъ нашъ ограниченный, конечный, не превратится въ разумъ безконечный, безусловный. Если Лессингъ утверждаетъ, что наступитъ нѣкогда пора, когда разумъ человѣческій безъ посредства воздѣйствія Божества, т. е. безъ даннаго откровенія, въ себѣ самомъ найдетъ новое откровеніе, основанное чисто на научныхъ началахъ; то говоря это, онъ впадаетъ въ глубокую ошибку и утверждаетъ ни болѣе, ни менѣе какъ чудесное превращеніе природы человѣческой въ природу Божественную. Но съ другой стороны, кто укажетъ намъ точныя и заповѣдныя границы въ дѣлѣ болѣе разумнаго и болѣе жизненнаго усвоенія себѣ христіанскаго откровенія? Кто скажетъ христіанскому разуму, покорному откровенію и желающему понять его разумно: *досель* и дальше ни шагу? Во всякомъ случаѣ достоверно то, что наша православная Церковь требуетъ отъ своихъ послѣдователей разумнаго и сознательнаго усвоенія себѣ христіанской вѣры и считаетъ нравственнымъ недостаткомъ слѣпую вѣру. Въ этомъ даже состоитъ глубокое отличіе православной Церкви отъ римско-католической. Тогда какъ въ послѣдней церкви разумъ отрицается какъ начало возмущенія и, говоря словами одного писателя, слѣпая вѣра, робкая вѣра, боящаяся уяснить себѣ свой предметъ, не рѣшающаяся глядѣть на него во всѣ глаза, вмѣняется въ величайшее достоинство; тогда какъ въ этой церкви за разумомъ не признается право голоса не только въ области богословія, но и въ его собственной области—въ области философской и научной; православная Церковь, напротивъ, всегда требовала

яснаго, точнаго и опредѣленнаго содержанія и выраженія всѣхъ истинъ, содержимыхъ Вселенскою Церковію; согласно съ заповѣдію Спасителя она всегда внушала своимъ послѣдователямъ: *испытаніе писанія* (Іоан. V, 39); всегда требовала отъ нихъ разумнаго убѣжденія въ томъ, что *глаголы*, сказанные Христомъ, *духъ суть и животъ суть*.

Итакъ мы допускаемъ болѣе глубокое и болѣе жизненное пониманіе христіанскаго откровенія съ развитіемъ христіанскаго сознанія и христіанскаго разума. Откровенная истина, оставаясь сама въ себѣ единой, тождественной, всегда неизмѣнной и совершенно понятной во вселенской Церкви, съ развитіемъ христіанскаго сознанія въ отдѣльныхъ поколѣніяхъ и даже въ отдѣльныхъ народахъ, болѣе и болѣе уясняется, постепенно понимается глубже, жизненнѣе и всестороннѣе. Лучшимъ доказательствомъ этой мысли служить исторія соборовъ въ христіанской Церкви. Послѣдующіе соборы всегда пополняли, уясняли и точнѣе опредѣляли то, что было высказано предшествовавшими соборами, или, говоря словами блаженнаго Августина, „самые полные соборы (plena) прежняго времени исправляются послѣдующими, когда оныя вещей открываются то, что было сокрыто, и дознаютъ таившееся дотолѣ,—безъ споровъ зависти, съ смиреніемъ святымъ, въ мирѣ всеобщемъ, съ любовію христіанскою.“ (De baptismo cont. Donatistas 2, 3). Думать иначе, значило-бы отвергать возможность развитія богословской науки и обрекать лишь ее одну на застою и неподвижность при всеобщемъ движеніи и развитіи всѣхъ остальныхъ наукъ. Глубоко ошибаются, слѣдовательно, тѣ люди, которые полагаютъ, что достаточно познакомиться въ школѣ-ли, или какимъ-либо инымъ путемъ съ такъ называемымъ Закономъ Божиимъ, усвоить себѣ ту или другую богословскую систему, чтобы затѣмъ уже считать себя вполне знающимъ христіанское ученіе. Подобное знаніе есть еще чисто формальное; оно можетъ сообщить намъ лишь формулы откровенныхъ истинъ; но самое содержаніе этихъ формулъ можетъ уясняться лишь опытами нашей личной жизни и жизни всеобщей; и содержаніе это можетъ уяс-

няться лишь постепенно, лишь при постепенномъ развитіи духа человѣческаго и человѣческой жизни вообще; формулы эти могутъ быть глубже и всестороннѣе поняты въ наше время, чѣмъ въ предшествовавшія, и могутъ быть поняты такъ потому, что природа человѣческая не стоитъ неподвижно, а постепенно развивается, т. е. постепенно развивается наука, духъ человѣческій и человѣческая жизнь. Пояснимъ это примѣромъ. Когда Василій В. пишетъ свой „Шестодневъ“, то создаетъ удивительное для своего времени произведеніе. Читая это произведеніе, не знаешь чему больше удивляться: глубинѣ-ли ума св. писателя, обширности-ли его богословскихъ знаній, всесторонности-ли его знакомства съ вѣдѣнной мудростію, или силѣ его христіанской вѣры. Но, конечно, никто не скажетъ, чтобы въ наше время не былъ возможенъ новый и болѣе согласный съ наукою „Шестодневъ“. Современное развитіе жизни и науки уже указываютъ въ этомъ произведеніи нѣкоторыя пробѣлы, которые могутъ и должны быть восполнены при современномъ состояніи нашихъ наукъ. Конечно, откровенная истина, о которой разсуждаетъ въ своемъ „Шестодневѣ“ святой писатель, останется при этомъ единой, тождественной и неизмѣнной; но она уже можетъ быть понята въ наше время глубже, яснѣе и всестороннѣе, чѣмъ была понята во времена Кессарійскаго святителя.

Мы думаемъ, что образованный христіанинъ нашего времени можетъ интересоваться тѣмъ или другимъ духовнымъ журналомъ прежде всего лишь на столько, на сколько журналъ вводитъ его въ болѣе глубокое, жизненное и всестороннее пониманіе христіанскихъ истинъ въ этомъ направленіи, на сколько помогаетъ ему переводить христіанскія отвлеченныя формулы въ ясныя и сознательныя истины примѣнительно къ нашему времени. По крайней мѣрѣ, нашъ журналъ, усвоившій себѣ названіе „Вѣры и Разума“, т. е. поставившій для себя задачею выяснить, насколько это возможно, взаимныя отношенія между вѣрою и разумомъ въ наше время, не можетъ не поставлять для себя этого на первомъ планѣ. Показать, насколько откровенная истина въ наше время ста-

новится болѣе и болѣе доступной для сознательнаго и разумнаго усвоенія ея духомъ человѣческимъ, съ другой стороны, показать, насколько разумъ человѣческій, при данныхъ условіяхъ своего развитія и нынѣшнемъ состояніи наукъ, уже приближается къ болѣе ясному, жизненному и глубокому пониманію всего откровенія, — вотъ задачи, удачное и счастливое осуществленіе которыхъ преимущественно желательно въ нашемъ журналѣ сколько въ интересахъ богословской науки, столько-же и въ интересахъ самой жизни христіанской. Какъ вѣрно то, что сила вѣры того или другаго частнаго лица, или даже цѣлыхъ обществъ очень мало зависитъ отъ научныхъ изслѣдованій и разъясненій религиозныхъ истинъ и есть скорѣе плодъ *свободы* человѣка, посвященный и возвращенный въ немъ благодатію Божіей, такъ вѣрно и то, что сознательность, ясность и разумность этой вѣры, столь заповѣдуемая и столь требуемая православною Церковію, очень много обуславливается научнымъ пониманіемъ христіанскаго откровенія въ связи съ современною жизнію. Отсюда само собою открывается, что если-бы журналъ нашъ ограничилъ свои задачи или одними апологетическими цѣлями въ защиту христіанства или одними полемическими цѣлями въ опроверженіе невѣрія и маловѣрія, то онъ сѣзиль-бы свою программу и напрасно усвоилъ-бы себѣ названіе „Вѣры и Разума“ въ ихъ современномъ направленіи и состояніи. Повторяемъ, журналъ нашъ не чуждается и апологетическихъ и полемическихъ цѣлей, но онъ считаетъ ихъ для себя побочными и второстепенными, а не главными, существенными и основными.

Если-бы рецензентъ усвоилъ себѣ эту точку зрѣнія на нашъ журналъ, если-бы именно такъ посмотрѣлъ на главную задачу его, то, конечно, при самомъ изложеніи или частномъ разборѣ журнальныхъ статей, онъ не ограничился-бы указаніемъ апологетической или полемической стороны въ нихъ, но преимущественно остановился-бы своимъ вниманіемъ на положительной сторонѣ ихъ содержанія. А при такомъ пониманіи дѣла его сужденія о самомъ журналѣ, равно какъ и о журнальныхъ статьяхъ, полу-

чили-бы болѣе правильности, твердости, опредѣленности и даже устойчивости. Онъ сразу увидѣлъ-бы отличительный характеръ журнала, его, такъ сказать, особенную физиогномію, равно какъ и отличительный характеръ помѣщенныхъ въ немъ статей. Постараемся пояснить эту мысль нѣсколькими примѣрами.

Приступая къ изложенію содержанія журнальныхъ статей, рецензентъ прежде всего перечисляетъ статьи, помѣщенные въ первыхъ трехъ книжкахъ журнала „Вѣра и Разумъ, и въ тоже время говоритъ: „Преосвященный Амвросій извѣстенъ какъ проповѣдникъ противъ современнаго невѣрія и социализма. Такой-же характеръ носятъ и его три слова, помѣщенные въ первыхъ трехъ книжкахъ журнала „Вѣра и Разумъ“, и весьма разумно поставлены во главѣ каждой книжки, потому что прямо и ясно выражаютъ идею и содержаніе журнала“. Затѣмъ онъ дѣлаетъ, въ духѣ христіанскаго назиданія, коротенькое изложеніе помѣщенныхъ въ журналѣ словъ преосвященнаго и, не смотря на все различіе ихъ между собою по предмету и по содержанію, старается представить ихъ, какъ единое и связное опроверженіе тѣхъ или другихъ социалистическихъ и вообще современныхъ заблужденій, или какъ единое и связное доказательство истинности защищаемыхъ въ нихъ христіанскихъ положеній.

Мы не имѣемъ надобности опредѣлять характеръ проповѣднической дѣятельности преосвященнаго Амвросія; значеніе его проповѣдей, ихъ главное направленіе, отличительныя черты проповѣдническаго таланта, отношеніе преосвященнаго Амвросія къ предшествовавшимъ и современнымъ проповѣдникамъ—все это находится внѣ границъ нашихъ настоящихъ соображеній и разсужденій. Но мы не можемъ не высказать нѣкоторыхъ общихъ сужденій или соображеній по поводу трехъ словъ преосвященнаго Амвросія, помѣщенныхъ въ первыхъ трехъ книжкахъ нашего журнала. Рецензентъ, стараясь опредѣлить ихъ значеніе, видитъ главный характеръ ихъ въ опроверженіи современнаго невѣрія и социализма; и именно на основаніи такого характера этихъ проповѣдей признаетъ помѣщеніе ихъ во главѣ книжекъ

нашего журнала весьма разумнымъ, такъ какъ имъ прямо и ясно выражается идея и содержаніе самого журнала. Здѣсь есть извѣстная доля правды; но есть и одностороннія сужденія. Вѣрно то, что проповѣди преосвященнаго Амвросія выражаютъ собою идею и содержаніе журнала; но ихъ идея и содержаніе гораздо шире простой полемики противъ современнаго невѣрія и социализма. Въ нихъ кромѣ того есть еще и положительное развитіе православнаго ученія объ избранномъ предметѣ и притомъ согласно съ современнымъ выраженіемъ научнаго христіанскаго сознанія въ отношеніи къ этому предмету и примѣнительно къ нынѣшнимъ потребностямъ современнаго намъ общества. Конечно, въ этихъ проповѣдяхъ преосвященнаго есть и полемическій элементъ; но не въ полемическомъ элементѣ сила, не въ немъ главное значеніе проповѣдей. Главное значеніе ихъ именно состоитъ въ новомъ развитіи православнаго ученія объ избранномъ предметѣ и притомъ примѣнительно къ современнымъ потребностямъ нашего общества.

Еще въ прошедшемъ году въ нашей мѣстной литературѣ были высказаны слѣдующія сужденія о проповѣднической дѣятельности преосвященнаго Амвросія по поводу появленія въ свѣтъ новаго сборника его проповѣдей, издавнаго въ томъ же году. „Преосвященный Амвросій, писалъ неизвѣстный намъ рецензентъ, всегда былъ и навсегда остался даровитымъ и талантливымъ ученикомъ великаго проповѣдника русской земли, митрополита Московскаго Филарета, и притомъ въ лучшую пору развитія проповѣдническаго таланта Филарета, когда послѣдній, сожалея о прежней проповѣднической выпренности и торжественности своей, старался говорить съ своими слушателями совершенно просто, совершенно понятно и общедоступно. По этому-то, такъ сказать, упрощенному пути проповѣдничества преосвященный Амвросій пошелъ дальше своего учителя. Удивительная ясность, почти прозрачность мысли, *жизненная правда, полная отзывчивость къ современнымъ запросамъ религіозно-нравственной жизни*, благородство чувства и, главное, глубокій психологичес-

вѣй анализъ приводимыхъ текстовъ Св. Писанія, большею частію лежащихъ въ основѣ его проповѣдей, — таковы отличительныя свойства церковнаго краснорѣчія преосвященнаго Амвросія; именно эти качества проповѣди поставили нашего (т. е. харьковскаго) архиепископа во главѣ современныхъ намъ проповѣдниковъ. Перечитывая новѣйшій сборникъ его проповѣдей и встрѣчаясь съ такими проповѣдями, какъ напр., „о назначеніи женщины“, „о начальныхъ приемахъ христіанскаго воспитанія“, „о науперизмѣ“, „о началахъ христіанскаго воспитанія“, „о чувствѣ собственнаго достоинства“, „объ истинномъ достоинствѣ женщины“ и пр. и пр., невольно приходишь къ убѣжденію, что проповѣди эти должны получить самое широкое распространеніе среди современнаго намъ общества (авторъ говоритъ о печатаніи ихъ въ „Харьковской Церковной Каоедрѣ“); ихъ мало признать только назидательнымъ чтеніемъ, онѣ въ тоже самое время имѣютъ просвѣтительное и образовательное значеніе для нашего общества; ихъ надобно признать еще уроками мудраго и опытнаго наставника столько-же глубокими, сколько интересными и общедоступными“. („Харьк. Губер. Вѣдом.“ 1883 г. № 221-й). Мы вполне раздѣляемъ эти убѣжденія автора о проповѣдяхъ преосвященнаго Амвросія и даже думаемъ, что проповѣдническую дѣятельность преосвященнаго надобно разсматривать въ связи съ проповѣдническою дѣятельностію митрополита Филарета. Преосвященный Амвросій не только всегда былъ и навсегда остался талантливымъ и даровитымъ ученикомъ великаго проповѣдника русской земли, митрополита Филарета, но и работаетъ въ его духѣ, въ его направленіи и старается быть продолжателемъ его великаго проповѣдническаго дѣла. Итакъ, это приводитъ насъ къ вопросу, что такое былъ для нашего отечественнаго проповѣдничества или вообще для нашей богословской образованности митрополитъ Филаретъ?

Въ русской духовной литературѣ еще нельзя находить твердо установившихся сужденій о проповѣднической и вообще ученой дѣятельности митрополита Филарета и о томъ значеніи, какое

онъ занимаетъ въ движеніи и послѣдовательномъ развитіи русской православной мысли. Обыкновенно думаютъ, что онъ былъ охранителемъ, выразителемъ и учителемъ православія, что своимъ катихизисомъ, равно какъ и другими своими учеными и проповѣдническими произведеніями, онъ сдѣлалъ для нашего православнаго отечества тоже, что Іоаннъ Дамаскинъ сдѣлалъ для православнаго востока своимъ „Точнымъ изложеніемъ православной вѣры“. Но этого мало Филаретъ жилъ въ эпоху, когда сложилась и крѣпко установилась рознь между свѣтскою и духовною образованностію, когда представители той и другой образованности чуждались другъ друга и взаимно почти отрицали дѣло специальности другъ друга. Филаретъ первый возвысился надъ этимъ одностороннимъ направленіемъ свѣтской и духовной мысли и возвысился именно тѣмъ, что не только глубоко проникъ въ духъ Откровенія и истолковалъ христіанскій догматъ и нравственное ученіе, но и указалъ значеніе христіанскаго догмата для науки и жизни вообще. „Теперь, говоря словами одного журнала, слѣдую этому Филаретовскому направленію въ разумѣніи и изученіи догматовъ христіанскаго правосмыслія, направленію глубокомысленному, въ своихъ вопросахъ смѣлому и, въ разрѣшеніи ихъ, свободному, но отнюдь не пусто-резонерному и своенравному, наша православно-русская мысль будетъ далека отъ того, чтобы бездѣйственно и сонливо покоиться на извѣстныхъ и строго уже опредѣленныхъ догматахъ. Нѣтъ, она будетъ разумѣть и имѣть въ нихъ только начало или исходные пункты для освѣщенія, благого направленія и благоустроенія всего силою и свѣтомъ вселенскаго правосмыслія. И этимъ путемъ русская мысль, нынѣ еще у большинства нашего столь невѣжественная или мертвая, въ отношеніи къ догматамъ православія, можетъ дойти въ своемъ развитіи до того, чтобы правосмысленную догматику будутъ изучать и построять какъ „науку наукъ“ или философію самой истины, такъ что только предощеніемъ ея окажется лучшее и живое во всѣхъ другихъ видахъ философіи“ („Пр. Обзор.“ 1884 г. Апрѣль. „О Филаретѣ митрополитѣ Московскомъ“ и пр. стр. 733). Такимъ

образомъ митрополитъ Филаретъ былъ высокимъ выразителемъ русской православной мысли въ дѣлѣ болѣе глубокаго, жизненнаго и разумнаго пониманія Божественнаго откровенія. О немъ прекрасно выразился въ одной изъ своихъ проповѣдей достоуважаемый ректоръ Московской духовной академіи о. Смирновъ, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, которыхъ въ извѣстныя эпохи нарочито воздвигаетъ Господь для блага и счастья человѣчества. О немъ-же справедливо замѣчено однимъ изъ понимавшихъ его высокую миссію, что онъ былъ даже не представитель эпохи, но самъ и былъ эта эпоха; что онъ не выражалъ, а руководилъ временемъ, и что въ лицѣ его сошла въ мигъ цѣлая историческая эпоха. Какъ мощный геній, онъ въ длинный періодъ своего святительства успѣлъ образовать вокругъ себя и оставить послѣ себя цѣлую богословскую школу, работающую въ его духѣ, его направленіи и движеніи мысли. Преосвященный Амвросій тоже принадлежитъ къ числу его послѣдователей, почитателей и учениковъ; онъ долго жилъ и развивался подъ непосредственнымъ вліяніемъ московскаго святителя. Съ этой-то точки зрѣнія постараемся разсмотрѣть и первыя три проповѣди преосвященнаго Амвросія, помѣщенныя въ первыхъ книжкахъ журнала „Вѣра и Разумъ“ и, по словамъ нашего рецензента, весьма разумно поставленныя во главѣ каждой книжки, потому что онѣ прямо и ясно выражаютъ идею и содержаніе журнала.

Наше образованное общество укоряютъ въ нерелигіозности. Неблагопріятныя историческія условія развитія, а болѣе всего легкомысленные или злонамѣренныя люди постарались убѣдить его или, по крайней мѣрѣ, распространить среди него мнѣніе, что христіанская догматика есть наука не современная, есть сборникъ отжившихъ идей, совершенно непригодныхъ для нашего времени. Наше общество поддалось вліянію этой лжи, но оно не увлеклось ею. Страшныя событія послѣднихъ временъ вразумили и въ значительной степени отрезвили его; и вотъ многіе остановились въ тяжеломъ раздумьи предъ откровенною истиною,

ища выхода изъ своего томительнаго состоянія отрицанія и сомнѣнія и даже пролагая извилистые и кривые пути къ святилищу религіозной истины. Кому неизвѣстно, что тогда какъ одни изъ нашихъ современниковъ стали увлекаться заморскими ученіями напр., редстокизма, нашковщины, другіе же, достаточно русскіе или достаточно самостоятельны для того, чтобы не поработиться этому иноземному вліянію, какъ напр. графъ Л. Н. Толстой, стали пролагать какіе-то самостоятельныя и невѣдомыя до селѣ пути къ народной вѣрѣ.

Нельзя читать безъ глубокой скорби и сердечной боли чисто-сердечныя и краснорѣчивыя признанія талантливаго и даже геніальнаго графа Л. Н. Толстаго, когда онъ говоритъ о минутахъ своего религіознаго отчаянія: „Положеніе мое было ужасно. Я зналъ, что я ничего не найду на пути разумнаго знанія, кромѣ отрицанія жизни, а тамъ, въ вѣрѣ — ничего, кромѣ отрицанія разума, которое еще невозможно, чѣмъ отрицаніе жизни. По разумному знанію выходило такъ, что жизнь есть зло и люди знаютъ это, — отъ людей завѣстать не жить, а они жили и живутъ; и самъ я жилъ, хотя уже узналъ давно то, что жизнь безсмысленна и есть зло. По вѣрѣ выходило, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, я долженъ отречься отъ разума, того самаго, для котораго нуженъ смыслъ жизни“. Графъ страшно ошибался и ошибается, высказывая подобныя сужденія; но не въ этомъ дѣло. Онъ съ неподражаемою наблюдательностію и тонкостію анализа изображаетъ тѣ невыносимыя и по-истинѣ танталовскія муки, которыя приходится пережить или, лучше — перестрадать нашимъ образованнымъ людямъ, лишвшимся вѣры, вырвавшимся изъ ограды Церкви и при всемъ томъ желающимъ разумно понять „смыслъ жизни“. Для насъ графъ въ настоящемъ случаѣ есть личность типическая; онъ является лишь искреннимъ и достаточно откровеннымъ выразителемъ всѣхъ мученій, всѣхъ страшныхъ мыслей и чувствъ того образованнаго общества, въ средѣ котораго погасъ свѣтъ вѣры православной, но еще не вполне утрачена потребность въ этой вѣрѣ, еще обнаруживаетъ нѣкото-

рые признаки жизни „возрожденный человекъ“. Графъ спасся отъ самоубійства, спасся отъ петли или пули великимъ примѣромъ народной вѣры; онъ полюбилъ народъ, и эта любовь къ народу и его началамъ жизни совершила въ немъ переворотъ, который давно готовился и задатки котораго всегда были въ немъ. Но увы! графъ забылъ очень простую и очень древнюю истину: *exempla docent, exempla nocent* (примѣры учатъ, примѣры губятъ); а потому и не вошелъ въ самое святилище православной истины, а лишь остановился во внѣшнемъ дворѣ ея. Но повторяемъ, графъ въ средѣ нашего образованнаго общества для насъ есть лишь типическая личность, есть лишь выразитель того полупризнанія и полуотрицанія православной религіозной истины, которая можно видѣть и въ литературѣ и въ жизни. Когда говорятъ о возвращеніи къ народнымъ началамъ жизни, когда хотятъ спасти себя отъ атеистическаго потопленія, искусственно - вслывая на поверхность волнъ народной вѣры, и думаютъ какъ-то непостижимо и даже чудодѣйственно держаться твердо на этой зыбкой поверхности волнъ вѣры народа, словомъ, когда примѣромъ народной вѣры хотятъ возжечь или подогрѣть свою потухшую вѣру, тогда еще ничего не дѣлаютъ или очень мало дѣлаютъ для возвращенія себѣ истины православной вѣры. А между тѣмъ именно въ этомъ обществѣ, говоря словами преосвященнаго Амвросія, „кто пересталъ глумиться надъ христіанскою вѣрою, отрицать и порицать ея ученіе, того называютъ уже увѣровавшимъ. Кто послѣ долгихъ лѣтъ не только невѣрія, но и писательства въ духѣ невѣрія обратился къ Библии и ученію Церкви и въ гордомъ сознаніи своего признаннаго литературнаго таланта начинаетъ хозяйничать въ области вѣры и все переставляетъ и перетолковываетъ по своему, того почитаютъ уже богословомъ. Наконецъ, кто послѣ глумленія надъ вѣрою сталъ заниматься со страстію современными упражненіями въ вызываніи духовъ, о томъ радуются, что онъ увѣровалъ въ бытіе *другаго міра*, не подозревая того, что эта вѣра хуже невѣрія; потому что отъ невѣрія есть возможность обратиться къ вѣрѣ истинной, а

отъ общенія съ духами сомнительнаго достоинства, или прямо сказать *злыми*, не легко обратиться ко Христу, такъ какъ они рѣдко расстаются съ тѣми, кто добровольно отдается имъ въ руки“. (См. журналъ „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. т. 1. Слово преосвященнаго). Итакъ, что же дѣлать? Какъ помочь этимъ людямъ, во всякомъ случаѣ талантливымъ и искреннимъ, въ ихъ странномъ и мучительномъ томленіи духа, въ ихъ блужданіяхъ по распутіямъ вѣры и въ ихъ опасныхъ хожденіяхъ въ народъ за религіозною истиною? Гдѣ вѣрныя средства и гдѣ прямой путь для возвращенія отъ невѣрія къ вѣрѣ? Именно этотъ то вопросъ и рѣшаетъ преосвященный Амвросій въ своемъ прекрасномъ словѣ, помѣщенномъ въ первой книжкѣ нашего журнала. Намъ нѣтъ надобности повторять содержаніе этого слова, безъ сомнѣнія, вполне извѣстнаго нашимъ читателямъ. Скажемъ лишь вообще, что преосвященный глубоко и съ удивительнымъ талантомъ развиваетъ положительное православное ученіе объ этомъ предметѣ, столь благовременное и даже столь необходимое для нашего образованнаго общества при нынѣшнемъ направленіи его духовной жизни. Преосвященный переводитъ вопросъ изъ области теоретическаго убѣжденія въ вѣрѣ въ область практической жизни и говоритъ: „Для насъ вѣра стала совокупностію мыслей, и какъ первоначальнаго просвѣщенія его невѣрующихъ, такъ и возвращенія къ ней отпадшихъ мы надѣемся достигнуть убѣдительною и доказательною нашихъ мыслей и познаній“. Но это страшная ошибка. Отъ этой-то ошибки „происходитъ малоуспѣшность современныхъ европейскихъ миссій между язычниками“ и „безнадежность въ возвращеніи къ вѣрѣ многихъ изъ христіанъ отпадшихъ“. Высказавши эти положенія, преосвященный говоритъ далѣе, что обращеніе къ вѣрѣ христіанъ невѣрующихъ и колеблющихся въ вѣрѣ „должно быть начинаемо возвращеніемъ къ тѣмъ опытамъ явленія ея силы въ нашемъ духѣ и жизни, которыя извѣстны намъ прежде“; затѣмъ должно „приводить насъ къ внутреннему общенію съ самимъ источникомъ этой силы — Христомъ Спасителемъ“; должно сопровождаться полною нравствен-

ною переменною жизни, и этимъ какъ-бы отвѣчаетъ на глубоко искреннее признаніе графа Л. Н. Толстаго, когда послѣдній говоритъ: „я заблуждался не столько оттого, что неправильно мыслить, сколько оттого, что жилъ дурно“; наконецъ, обращеніе наше должно закончиться „возвратомъ къ родниѣ нашего (христіанскаго) духа, святой православной Церкви, которая стоитъ предъ нами во всей своей вѣчной силѣ и красотѣ“. Вотъ тѣ положенія или лучше—то положительное ученіе православной Церкви, которое съ достойною архипастыря ясностію и глубиною развиваетъ преосвященный примѣнительно къ современнымъ потребностямъ нашего образованнаго общества.

Нѣтъ сомнѣнія, что возвращеніе къ вѣрѣ есть дѣйствіе Духа Святаго, потому что вѣра виѣдряется, укрѣпляется и разцвѣтаетъ при дѣйствіи Духа Святаго на сердце чловѣка и при благодатномъ вліяніи таинствъ Св. Церкви, такъ что христіанинъ, по мѣрѣ принятія Духа Святаго и участія своего въ св. таинствахъ, постепенно можетъ достигать даже здѣсь на землѣ внутренняго общенія съ Богомъ. Тѣмъ не менѣе вѣра утверждается въ насъ нашей свободною самодѣятельностію, очень мало завися отъ логической вынужденности и научной доказательности; она скорѣе есть начало всей нашей жизни, или, какъ выражается графъ Толстой, есть „смыслъ жизни“, есть наша личная добродѣтель, есть актъ свободной воли покорно и добровольно, а не по какой-то силлогистической вынужденности и научной доказательности, рѣшающейся на принятіе ея. „Вѣра, говоритъ Хомяковъ, не есть актъ одной познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но актъ всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней глубины живою истиною откровеннаго факта. Вѣра не только мыслится или чувствуется, но мыслится и чувствуется вмѣстѣ; словомъ,—она не одно познаніе, но познаніе и жизнь“.

(Хомяковъ. Т. II. стр. 56). Безъ этой свободной самодѣятельности въ дѣлѣ усвоенія себѣ вѣры, безъ крѣпкой рѣшимости нашей воли сдѣлать религіозную истину своею, обратить ее въ начало жизни,—всѣ эти поиски за вѣрою по распутіямъ знанія и жизни

не приведуть къ желательной цѣли; или, говоря словами преосвященнаго Амвросія, „всѣ (эти) помышленія о вѣрѣ и духовныхъ предметахъ у людей пресыщенныхъ, по выраженію блаженныя памяти митрополита Филарета, (будутъ) похожи на болѣе, какъ, „на паръ, который носится надъ теплыми вунаньями“. Таковъ смыслъ проповѣди преосвященнаго Амвросія, помѣщенной въ первой книжкѣ нашего журнала. Это положительный православный отвѣтъ на жизненный вопросъ нашего современнаго общества. Конечно, въ проповѣди есть и апологетическій и обличительный элементъ, какъ есть и назидательный; но не въ этихъ элементахъ главный смыслъ ея. Преосвященный продолжаетъ дѣло своего великаго учителя, митрополита Филарета, движетъ русскую православную мысль по пути дальнѣйшаго развитія ея и ведетъ своего читателя къ болѣе глубокому и болѣе жизненному пониманію положительнаго ученія православной Церкви, сообразно съ современными потребностями образованнаго общества. Поэтому усвоить этой проповѣди одинъ лишь назидательный, или апологетическій, или обличительный характеръ было-бы большою ошибкою. Но переходимъ ко второй проповѣди преосвященнаго, — помѣщенной во второй книжкѣ нашего журнала.

Въ этой второй проповѣди равнымъ образомъ раскрывается положительное ученіе православной Церкви объ удовольствіяхъ, и тоже примѣнительно къ современнымъ потребностямъ нашего образованнаго общества. Известно, какъ шатко, неопредѣленно и неустойчиво ученіе объ удовольствіяхъ жизни въ различныхъ христіанскихъ обществахъ. Говорятъ, что Лютеръ по началу вовсе не былъ врагомъ удовольствій, онъ говорилъ напр.: „отъ того, что въ театральныхъ пьесахъ допускаются иногда грубыя шутки и дурачества, которые будто-бы заставляютъ насъ забывать о Библии, христіане не должны совершенно убѣгать ихъ. Онѣ, напротивъ, служатъ средствомъ противъ постыднаго безженства и возбуждаютъ въ людяхъ охоту къ супружеству“. Но скоро въ протестантскомъ мірѣ стала развиваться суровый, ригористическій взглядъ на всѣ роды удовольствій; по этому взгляду все пріятное должно быть исключено изъ

жизни христіанна и одно лишь полезное должно служить руководителнымъ началомъ его жизни. Плетисты напр. требовали, чтобы карточные игры были лишаемы Св. Причастія, потому что считали карточную игру запрещенною многими мѣстами Новаго Завѣта (Ефес. V, 16. Флп. II, 12). Подобныя же воззрѣнія усвоили себѣ кальвинисты, гернгутеры, суровые пуритане, квакеры и т. п. Совершенно иначе смотрятъ на это дѣло, покрайней мѣрѣ многіе, въ католическомъ мірѣ. Даже монашескимъ католическимъ орденамъ напр., францисканамъ и капуцинамъ, разрѣшены нѣкоторыя забавы и игры, и запрещенъ лишь денежный выигрышъ, какъ запрещенъ онъ государямъ, которые платятъ за свой проигрышъ, но не пользуются правомъ выигрыша и не принимаютъ денегъ, и безъ того имъ принадлежащихъ. Особенно снисходительны къ удовольствіямъ и радостямъ жизни отцы іезуиты. Выступивши борцами противъ протестантскаго духа, они стали проповѣдниками легкой христіанской морали (*morale aisé*) и выставили на своемъ знамени: „христіанину все прощается изъ-за одной покорности панѣ“. Нельзя сказать, чтобы и наше православное общество отличалось особенною твердостію и опредѣленностію воззрѣній на радости и удовольствія жизни. И у насъ, среди нашего общества, вы можете встрѣтиться съ сужденіями объ удовольствіяхъ, то до крайности снисходительными, то до крайности суровыми и ригористическими. И вотъ преосвященный Амвросій устанавливаетъ правильную, православную точку зрѣнія на эти удовольствія. Въ концѣ своего слова онъ приходитъ къ слѣдующему основному выводу: „такъ какъ и природа есть царство Божіе, и христіане суть народъ Божій, то вмѣстѣ съ дарами духовными и все, что есть лучшаго, чистаго, благороднаго въ мірѣ земномъ — свободою христіанскою открыто намъ для наслажденія, но подъ условіемъ, чтобы наслажденія наши не нарушали нашей внутренней правоты предъ Богомъ, и мира совѣсти, и не дѣлали нашего сердца недостойнымъ и неспособнымъ къ утѣшеніямъ благодати Божіей“.

Впрочемъ, не въ этомъ ученіи состоитъ главное значеніе для

нашего журнала проповѣди преосвященнаго. Установивши православную точку зрѣнія на радости и удовольствія жизни, признавши за обществомъ право на нихъ, преосвященный главнымъ образомъ старается опредѣлить правила, которыми надобно руководствоваться при усвоеніи себѣ удовольствій и радостей жизни. Онъ хочетъ дать обществу руководство, какъ оно можетъ и должно держать себя „въ этомъ, по выраженію преосвященнаго, потокѣ, въ этомъ вихрѣ, въ этомъ чадѣ страстнаго устремленія людей нашего вѣка къ удовольствіямъ и наслажденіямъ всякаго рода“. Въ самомъ дѣлѣ, это общество, такъ страстно гонящееся за удовольствіями и такъ любящее ихъ, дѣйствительно-ли оно наслаждается радостями и удовольствіями жизни? Дѣйствительно ли вкушаетъ чистыя радости жизни? Увы; далеко нѣтъ! При своемъ религіозномъ крушеніи, при потерѣ истинныхъ началъ жизни, самыя радости и наслажденія его превращаются для него въ отраву, въ источникъ смертельной тоски и душевныхъ мукъ. Поразительную картину рисуетъ графъ Л. Н. Толстой, когда онъ, окруженный всеми благами міра, замѣчаетъ приступы этой отравы, этой смертельной тоски и говоритъ о себѣ: „Случилось то, что случается съ каждымъ заболѣвающимъ смертельною внутреннею болѣзнію. Сначала появляются ничтожные признаки недомоганія, на которые больной не обращаетъ вниманія, потому что признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются въ одно нераздѣльное по времени страданіе. Страданіе растетъ и больной не успѣетъ оглянуться, какъ уже сознаетъ, что то, что онъ принималъ за недомоганіе, есть то, что для него значительнѣе всего въ мірѣ, что это—смерть“.

Слово преосвященнаго Амвросія объ удовольствіяхъ именно и предлагаетъ правила разумнаго вкушенія или усвоенія этихъ радостей и удовольствій, при которыхъ можетъ сохраниться гармонія жизни, ритмическое чередованіе труда и отдохновенія, утомленія и успокоенія, тяжелаго напряженія силъ и вкушенія истинныхъ благъ жизни. Слово преосвященнаго есть, такимъ образомъ урокъ православнаго учителя обществу, познающему въ

чаду удовольствій; есть православный отвѣтъ на жизненный вопросъ современнаго намъ общества, столь разочарованнаго и столь недовольнаго при всемъ своемъ увлеченіи удовольствіями. И, конечно, нашъ рецензентъ долженъ согласиться съ нами, что не апологетическій или полемическій характеръ составляетъ существенный элементъ проповѣди, хотя въ ней есть и этотъ элементъ; что сущность проповѣди именно состоитъ въ выясненіи православнаго ученія объ удовольствіяхъ примѣнительно къ живымъ потребностямъ современнаго намъ общества. Но переходимъ къ третьей проповѣди преосвященнаго, помѣщенной въ третьей книжкѣ журнала „Вѣра и Разумъ“.

Возможность болѣе глубокаго и болѣе жизненнаго пониманія православнаго догмата, между прочимъ, можно видѣть и въ догматическомъ ученіи о таинствѣ брака. Догматъ объ этомъ таинствѣ, какъ догматъ, безъ сомнѣнія, всегда остается въ православной Церкви тождественнымъ и неизмѣннымъ; но при этомъ содержаніе его, съ развитіемъ христіанскаго сознанія, постепенно можетъ пониматься и дѣйствительно понимается глубже, всестороннѣе и живниѣе; развивается, слѣдовательно, не догматъ, а лишь христіанское сознаніе въ отношеніи къ пониманію этого догмата. Въ доказательство этой мысли, для нашей цѣли, достаточно будетъ указать лишь въ послѣдовательномъ порядкѣ на ученіе о таинствѣ брака отечественныхъ богослововъ - догматистовъ, какъ-то преосвященныхъ: Антонія, Магарія и Фларета Гумилевскаго. По ученію преосвященнаго Антонія, „бракъ есть таинство, въ которомъ, чрезъ молитвы и благословеніе священника, низводится на два сочетающіяся лица — мужа и жену — благодать, скрѣпляющая и освящающая свободный союзъ ихъ для взаимнаго вспоможенія и законнаго рожденія и воспитанія дѣтей“. („Догматическое богосл. православной католической восточной Церкви“. 1862 г. стр. 236). Очевидно, преосвященный Антоній представляетъ бракъ, какъ свободно-разумное дѣйствіе двухъ человѣческихъ существъ, и ничего не говоритъ о чувствѣ, о любви, какъ основѣ брачнаго союза. Почему же? Мы думаемъ, по неопредѣленности са-

мага ученія о чувствѣ. Когда появилась догматика преосвященнаго Антонія, еще очень не далеко было то время, когда многіе психологи или философы, напр. Кантъ, смотрѣли на чувство, какъ на принадлежность низшей, чувственной природы человѣка, и не хотѣли признать его, послѣ разума и воли, третьею существенною силою человѣческой души. Глубже понимаетъ и излагаетъ православное ученіе о таинствѣ брака преосвященный Макарій. Разсуждая о лицахъ, вступающихъ въ бракъ, онъ говоритъ уже, что брачующіеся „должны имѣть взаимное добровольное согласіе на вступленіе въ бракъ. Это вытекаетъ изъ самаго существа брачнаго союза: *оставитъ человекъ, сказалъ Господь, отца своего и мать, и будетъ оба въ плоть едину* (Мѡ. 19, 5). Такое соединеніе двухъ лицъ возможно только по силѣ свободной воли *движимой любовью*, а отнюдь не по принужденію“. (Православное Догмат. Богословіе 1868 г. т. II стр. 490). Итакъ преосвященный Макарій, хотя и не вводитъ чувства любви въ свое опредѣленіе брачнаго союза, но уже признаетъ эту любовь движущимъ мотивомъ свободной воли вступающихъ въ бракъ. Еще глубже, всестороннѣе и полнѣе говоритъ о супружеской любви преосвященный Филаретъ Гумилевскій въ своемъ опредѣленіи таинства брака. По его ученію, „бракъ есть таинство, въ которомъ при свободномъ общаніи *вѣрной любви* освящается супружескій союзъ жениха съ невѣстою, для чистаго рожденія и воспитанія дѣтей и для взаимнаго вспоможенія во спасеніи“. (Православное Догматич. Богословіе изд. втор. 7, 11, стр. 354). По ученію преосвященнаго Филарета, очевидно, брачный союзъ есть уже выраженіе и осуществленіе любви жениха съ невѣстой. Но спрашивается, о какой-же любви говорятъ наши отечественные догматисты? Говорятъ-ли они о любви, какъ нравственномъ долгѣ, или о любви, какъ естественномъ чувствѣ, вытекающемъ изъ полноты и радости жизни? Отвѣта на этотъ вопросъ вы не найдете у нихъ. Когда преосвященный Филаретъ Гумилевскій полагаетъ цѣли брачнаго союза, между прочимъ, въ восполненіи недостатковъ мужской и женской организаціи, „такъ какъ духъ мужа можетъ сооб-

щитъ свою твердость и силу слабой женской природѣ, а нѣжность и кротость женской природы можетъ умягчать твердый духъ мужа“ (ibid. стр. 340); то, повидимому, онъ говоритъ о любви, какъ естественномъ чувствѣ, необходимо вытекающемъ изъ сознанія полноты и радости жизни. Но въ тоже время онъ называетъ эту любовь обязанностію. „Если, говоритъ онъ, мыслию о великой тайнѣ (*тайна сія велика есть: азъ-же глаголю во Христа и во Церковь. Еф. 5, 32*) апостоль побуждаетъ (вступающихъ въ бракъ) въ выполненію великой обязанности любви: то это значить, что онъ указываетъ въ тайнѣ благодатную силу, нужную для выполненія обязанности. Для него мысль о непрочности и нечистотѣ любви человѣческой—мысль непзбѣжная, также какъ мысль о благодати Божіей, необходимой для немощнаго человѣка“ (ibid. стр. 345). Такимъ образомъ преосвященный Филаретъ колеблется въ своемъ ученіи о супружеской любви; онъ склоненъ назвать ее и чувствомъ и долгомъ, и естественнымъ состояніемъ души и обязанностію. Глубже и многостороннѣе понимаетъ брачный союзъ преосвященный Амвросій; онъ признаетъ его „пріютомъ, гдѣ живетъ и хранится тихое и безмятежное счастье человѣческаго сердца“ и сравниваетъ его „съ раемъ земнымъ, изображеннымъ въ Библии какъ первообразъ земнаго благополучія“. Онъ говоритъ, что вступающіе въ брачный союзъ сживаются сначала первою живсю и ясною любовію, потомъ любовію, по слову апостола, „милосердствующею“, потомъ любовію „долготерпящею“, наконецъ—любовію „вѣрующею“ въ плоды терпѣнія и въ возможность исправленія человѣка,—которое иногда бываетъ и сверхъ ожиданія при особой помощи благодати Божіей (I Кор. XIII, 4—8). Опредѣляя затѣмъ значеніе этой любви для жизни сердечной, преосвященный говоритъ: „полезно вспомнить наставленіе св. Іоанна Златоуста: „въ супружествѣ надо всѣмъ жертвовать и все терпѣть для сохраненія взаимной любви; если она утрачена — все пропало“. А любовь и радующаяся о любимомъ, и скорбящая, и терпящая, все любовь, т. е. единственно прочное *чувство, улаживающее* нашу земную жизнь, и подвижники любви знаютъ, что

любовь *жертвующая* доставляетъ духу несравненно высшее утѣшеніе, чѣмъ *наслаждающая*. Это любовь христіанна, о которой сказано: „мы, сильные, должны сносить немощи безсильныхъ, и не себѣ угождать. Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію; ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ“. (Рим. XV, 1—3). Эта именно любовь и заповѣдана христіанамъ, какъ высшая добродѣтель, создающая благо челоѣчества. Такимъ образомъ, взглядъ преосвященнаго на супружескій союзъ глубже, полнѣе и многостороннѣе, чѣмъ его предшественниковъ и въ то же время остается глубоко вѣрнымъ православному догмату

Рядомъ съ изложеніемъ этихъ мыслей преосвященный Амвросій останавливаетъ вниманіе своихъ слушателей или читателей на тѣхъ условіяхъ, которыя признаются прочнымъ обезпеченіемъ семейнаго счастья, равно какъ на обычаяхъ и предразсудкахъ, которые несогласны съ христіанскими понятіями о супружеской жизни и которые въ наше время вредятъ семейному счастью. Мы не имѣемъ надобности слѣдить за развитіемъ этихъ мыслей преосвященнаго; но мы должны сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ, которыя обыкновенно признаются прочнымъ обезпеченіемъ семейнаго счастья; такъ какъ большею частію лишь на нихъ однихъ думаютъ создать это счастье тѣ люди, которые продолжаютъ смотрѣть на брачный союзъ, какъ на рай земной, а не какъ на тяжелое и невыносимое иго. Какъ смотритъ на это преосвященный Амвросій? По ученію преосвященнаго, этихъ условій обыкновенно признаютъ два: таковы „счастливый выборъ жениха и невесты и предварительно установившаяся вѣрная взаимная склонность, обѣщающая неразсторжимый союзъ въ будущемъ“. И дѣйствительно, можно встрѣчать и въ наше время молодыхъ людей, думающихъ основать свое супружеское счастье на преувеличеніи (идеализаціи) взаимныхъ достоинствъ какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ; обыкновенно эта идеализація начинается съ удивленія красотѣ тѣла и незамѣтно для влюбленныхъ переносится на идеальный образъ ихъ душъ. Но непрочность этой основы супружескаго счастья не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и въ наше время едва-ли много

можно найти мечтателей, которые даже въ Шлегелевской „Люциндѣ“, окруженной всѣми прелестями красоты, граціи, искусства и поэзіи, видѣли-бы прочный залогъ супружескаго счастья. Въ наше время большею частію думаютъ, что любовь имѣетъ другую могущественную подкладку: это счастье согласнаго (гармоническаго) существованія двухъ различныхъ существъ, взаимное восполненіе духовной природы, единство и полнота жизненнаго строя. При этомъ состояніи супруги, по словамъ нашихъ психологовъ (напр. профессора Владиславлева), чувствуютъ поднятіе цѣны своей жизни, возвышеніе достоинства бытія и наслаждаются имъ; при этомъ состояніи „они достигаютъ высокой степени взаимнаго пониманія и согласія, начинаютъ понимать другъ друга съ одного слова и въ иныхъ случаяхъ даже не нуждаются въ обмѣнѣ мыслей, чтобы вполне понять совершающееся въ душѣ любимаго существа и быть увѣреннымъ въ его сочувствіи. Это состояніе, родъ какаго-то психическаго ясновидѣнія, прекрасно изображено Толстымъ въ его романѣ „Война и миръ“, тамъ, гдѣ изображается возвращеніе Пьера Безухова домой къ женѣ“. Это-же состояніе художественно изображено графомъ въ другомъ его романѣ „Анна Каренина“, въ которомъ счастливая невѣста угадываетъ довольно сложную мысль своего жениха по однимъ лишь первымъ буквамъ словъ, служащихъ для выраженія этой мысли. Что-же? Въ самомъ ли дѣлѣ это психическое состояніе супруговъ, безъ нравственныхъ основъ, и въ особенности безъ религіозныхъ или благодатныхъ вліяній на души супруговъ, можетъ упрочить ихъ взаимное счастье? Преосвященный опровергаетъ это; онъ говоритъ, что счастливое супружество есть „рай земной, который надобно еще хранить и воздѣлывать“. Преосвященный, слѣдовательно, не отвергаетъ естественныхъ условій супружескаго счастья, но требуетъ нравственнаго охраненія этого счастья и въ особенности религіозныхъ или благодатныхъ освященій его. И безъ сомнѣнія, лучшимъ доказательствомъ этихъ мыслей преосвященнаго можетъ служить опытъ супружескаго счастья самого графа, нашего гениальнаго писателя, который самъ говоритъ о себѣ, что въ его жиз-

ни были минуты, когда потеря вѣры, жизнь внѣ религіознаго освященія уронили въ глазахъ его всю цѣну супружескаго счастья и возбудили въ душѣ его мучительный вопросъ: „зачѣмъ онъ долженъ исполнять священную обязанность отца въ отношеніи къ сыну и заботиться о воспитаніи его“?

Мы старались показать значеніе проповѣдей преосвященнаго Амвросія для богословской мысли и для современнаго намъ образованнаго общества; и надѣемся, читатель видитъ теперь ясно, насколько правъ рецензентъ, когда говоритъ, что преосвященный Амвросій извѣстенъ лишь какъ проповѣдникъ противъ современнаго невѣрія и социализма; что будто-бы такой-же характеръ носятъ и его три слова, помѣщенные въ первыхъ трехъ книжкахъ журнала „Вѣра и Разумъ“; и что поэтому они весьма разумно поставлены во главѣ каждой книжки, такъ какъ прямо и ясно выражаютъ идею и содержаніе журнала. Конечно, въ проповѣдяхъ преосвященнаго есть и полемическій элементъ противъ современнаго невѣрія и социализма; но не въ этомъ элементѣ состоитъ главный характеръ ихъ. Преосвященный прежде всего излагаетъ положительное ученіе православной Церкви, понимаетъ его какъ глубокую жизненную правду въ отвѣтъ на жгучіе запросы современнаго намъ общества и этимъ движетъ богословскую мысль къ болѣе глубокому, жизненному и цѣлостному пониманію откровенной истины и помогаетъ обществу освободиться отъ разнаго рода предразсудковъ въ своихъ воззрѣніяхъ на православное ученіе. Такимъ образомъ, онъ идетъ по стопамъ своего великаго учителя, митрополита Филарета, который всегда былъ и навсегда остался высокимъ образцомъ глубокаго пониманія духа православной Церкви и притомъ примѣнительно къ живымъ потребностямъ современнаго ему общества.

Если бы рецензентъ усвоилъ себѣ эту точку зрѣнія, если бы увидѣлъ въ журналѣ это развитіе православнаго ученія, то, конечно, онъ совершенно иначе посмотрѣлъ бы на идею и содержаніе самаго журнала, не отождествилъ бы его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ полемическимъ журналомъ „Братское Слово“ и са-

мый разборъ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ, принялъ-бы у него совершенно другой оттѣнокъ или даже совершенно другой характеръ. Представимъ еще нѣсколько примѣровъ.

Изложивши по своему содержанію проповѣдей преосвященнаго Амвросія, рецензентъ говоритъ далѣе: „прекрасное дополненіе къ этимъ мыслямъ составляетъ переводная статья „Основныя начала православія“, гдѣ указывается въ чемъ именно состоитъ истинность Церкви, какъ и почему можно узнать православную Церковь, въ которую должно вступить желающему найти истинное счастье“. Затѣмъ, приступая къ изложенію этой статьи, чрезъ нѣсколько строкъ продолжаетъ: „впрочемъ, эта статья не отличается особенными достоинствами: мысли довольно неясны, нераздѣльны и узки, такъ что православіе не выясняется ими, какъ бы слѣдовало“. Мы отказываемся понять эти голословныя сужденія нашего рецензента. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно понять ту путаницу понятій, по которой выходитъ, что одна и таже статья служитъ *прекраснымъ дополненіемъ* къ (православнымъ) мыслямъ преосвященнаго и наполнена мыслями довольно неясными, нераздѣльными и узкими, такъ что православіе не выясняется ими, какъ-бы слѣдовало? Въ чемъ-же дѣло? Откуда происходитъ эта путаница? По нашему мнѣнію, она происходитъ у него оттого, что рецензентъ свои собственныя неясныя, нераздѣльныя и узкія сужденія (да простятъ намъ это выраженіе рецензентъ) переноситъ на прекрасную, глубокую и жизненную статью о. Владимира Гете. По крайней мѣрѣ, мы не узнаемъ статьи о. Гете въ изложеніи рецензента; въ изложеніи рецензента мы видимъ лишь сборникъ отрывочныхъ положеній, необъединенныхъ между собою ни малѣйшею связью, а потому дѣйствительно представляющихся неясными, нераздѣльными и узкими. Между тѣмъ какъ статья о. Гете, именно отличается замѣчательною ясностію, связностію и послѣдовательностію сужденій, и притомъ выведенныхъ изъ одного основнаго начала строго православнаго. Какое же это начало? Какъ смотрѣть на православіе о. Гете? Самъ авторъ въ началѣ своей статьи го-

ворить: „приступая къ дѣлу, прежде всего установимъ твердо тотъ фактъ, что въ православной Церкви господствованіе не существуетъ. Іисусъ Христосъ сказалъ, что внѣшнія общества основываются на преобладаніи, но что это не должно быть въ обществѣ духовномъ. И Церковь православная навсегда осталась вѣрна этой заповѣди“. Вотъ это начало. Именно этимъ основнымъ началомъ въ связи съ вѣрностію преданному ученію православная Церковь равно отличается какъ отъ католичества, такъ и отъ протестантства; именно это начало затѣмъ съ ясностію и послѣдовательностію проводится писателемъ во всѣхъ сферахъ, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ условіяхъ жизни православной Церкви. Между тѣмъ рецензентъ ни слова не говоритъ объ этомъ началѣ, не видитъ отношенія его къ послѣдующему ряду мыслей и упоминаетъ о немъ, какъ о побочной, дополнительной или случайной мысли. Можно соглашаться или не соглашаться съ этимъ началомъ, можно даже оспаривать его, какъ, конечно, оспариваютъ его въ церквахъ иномыслящихъ; но нельзя признавать выводы и заключенія изъ него, представляемые авторомъ, неясными, нераздѣльными и узкими. Они очень ясно и очень отчетливо охватываютъ собою всю сферу жизни православной Церкви. Полагаемъ, рецензентъ согласится съ нами, что наша отечественная литература не богата статьями по вопросу о православіи. Въ этомъ отношеніи можно указать на отрывочныя мысли или сужденія о православіи Амфитеатрова, Хомякова, Муравьева, преосвященнаго Хрисанова и нѣкоторыхъ другихъ; но указаніе нами писатели не занимаются вопросомъ о православіи спеціально; по крайней мѣрѣ, не рѣшаютъ его съ такою ясностію, полнотою и всесторонностію, какъ дѣлаетъ это о. Владиміръ Гете. Конечно, и самъ о. Гете не пишетъ какого-либо обширнаго сочиненія по вопросу о православіи; конечно, далѣе, каждая отдѣльная глава его статьи (а этихъ главъ всѣхъ пять) могла бы составить собою самостоятельный и обширный предметъ богословскаго изслѣдованія, и изъ всѣхъ этихъ главъ можно бы написать обширную богословскую диссертацию; но о. Гете и не задавался

подобными цѣлями; въ своей литературной статьѣ онъ хочетъ лишь познакомить читателей съ основными началами православія, что, по нашему мнѣнію, и исполнилъ превосходно. Онъ неопровержимо доказалъ, что православіе отличается положительными и притомъ своеобразными характеристическими свойствами или признаками и никакимъ образомъ не должно быть признаваемо, какъ слонны представлять себѣ многіе, чѣмъ-то среднимъ между католичествомъ и протестантствомъ, т. е. недоразвившимся католичествомъ или задержаннымъ протестантствомъ. Впрочемъ, статья о Гете имѣетъ для нашего журнала еще другой, особенный интересъ. На первыхъ же страницахъ своей прекрасной статьи онъ говоритъ: „по возрѣнію православному, вѣра и разумъ не имѣютъ ничего противорѣчащаго другъ другу; они лишь доставляютъ другъ другу взаимную поддержку для возвышенія человѣка на такую высоту, какая только выносима для его ограниченной природы“. Къ этому же самому выводу онъ приходитъ и въ концѣ своей статьи и говоритъ: „хорошо и даже очень полезно для православія выставить въ яркомъ свѣтѣ слѣдующія положенія, безусловно вѣрныя: именно, положенія о томъ, что православіе, чуждаясь всякой наукобоязни, напротивъ того любитъ науку и одушевляетъ ее, что наука не можетъ сталкиваться съ православіемъ; что она безпренятственно все можетъ изслѣдовать и съ полною свободою можетъ стремиться проникать во всѣ тайны природы; что она не встрѣтитъ со стороны православія преградъ своему шествію; и что она столкнется съ православіемъ только тогда, когда, переходя границы разума, посягнетъ на православные догматы для объясненія ихъ при посредствѣ трансцендентальныхъ вопросовъ, не принадлежащихъ къ сферѣ видимой природы“. Таковъ выводъ, къ которому приходитъ въ концѣ своей статьи о. Владиміръ Гете. Это не голословное, бездоказательное и ни на чемъ не основанное положеніе; это прямое непосредственное и необходимое слѣдствіе, вытекающее изъ всей статьи, изъ разсмотрѣнія всѣхъ основныхъ началъ православія. Кто признастъ эти начала несомнѣнными, а ихъ нельзя

не признавать таинми, тотъ долженъ согласиться съ воззрѣніями о. Владимира Гете и на отношеніе православія къ наукѣ, на ихъ взаимную связь и дружелюбный характеръ. Но что особенно важно для нашего журнала, такъ это то, что слѣдствіе это не есть лишь теоретическое соображеніе о. Гете, добытое путемъ логическихъ соображеній, но жизненная правда, принесенная писателемъ изъ непосредственной жизни, изъ личнаго непосредственнаго знакомства съ церквами иномыслящими. Именно онъ, нѣкогда выдающійся дѣятель въ западной Церкви, и путемъ теоретическихъ соображеній и путемъ жизненнаго опыта приходитъ въ заключенію, что одно лишь православіе даетъ полную свободу нашему разуму, что въ вопросахъ, возбуждаемыхъ въ области разума, православный долженъ руководствоваться единственно уваженіями своего разума; въ вопросахъ же, превышающихъ разумъ, онъ долженъ непосредственно отъ Бога принимать рѣшеніе этихъ вопросовъ; между тѣмъ какъ этого нѣтъ и не можетъ быть въ церквахъ иномыслящихъ, потому что въ этихъ церквахъ или разумъ изгоняется и подавляется деспотическою вѣрою іерархіи, или вѣра приносится въ жертву столько-же деспотической (но крайней мѣрѣ во Франціи) и капризной наукѣ. И если-бы нашъ рецензентъ именно съ этой точки зрѣнія посмотрѣлъ на статью о. Владимира Гете, то онъ сразу опредѣлилъ-бы значеніе ея въ журналѣ, усвоившемъ себѣ названіе „Вѣры и Разума“, и ясно понялъ-бы, почему именно она составляетъ, по словамъ рецензента, прекрасное дополненіе къ мыслямъ преосвященнаго Амвросія, изложеннымъ въ его проповѣдяхъ, равно какъ и къ остальнымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ первыхъ трехъ книжкахъ журнала „Вѣра и Разумъ“. Онъ увидѣлъ-бы въ ней дальнѣйшее развитіе православнаго ученія о самомъ же православіи, т. е. объ основныхъ началахъ его; увидѣлъ-бы значеніе этихъ началъ для современной жизни и науки, особенно въ виду нынѣшней разшатанности нашихъ убѣжденій о православіи и нашего блужданія по распутіямъ вѣры; и, конечно, не остановилъ-бы своего вниманія исключительно на полемическомъ или апологетическомъ характерѣ статьи.

Отождествленіе, хотя и не полное, задачъ нашего журнала съ задачами „Братскаго Слова“, усвоеніе журналу одного лишь полемическаго или апологетическаго характера и неудачное примѣненіе къ нему этой ограниченной точки зрѣнія привело рецензента къ ошибочнымъ воззрѣніямъ и на остальные статьи, помѣщенныя въ первыхъ трехъ книжкахъ нашего журнала. Таковы прежде всего его сужденія о статьѣ „Штундизмъ и Нашковщина“ („Вѣра и Разумъ“. Январь кн. II). Рецензентъ почему-то признаетъ эту статью переводною и на автора ея смотритъ лишь какъ на переводчика сочиненія Дальтона, а самого Дальтона считаетъ приверженцемъ папы. Конечно, это случайный недосмотръ или случайная ошибка рецензента, неимѣющая, впрочемъ, особенной важности для насъ. Писатель статьи „Штундизмъ и Нашковщина“ лишь въ одной главѣ излагаетъ воззрѣнія Дальтона, чтобы, на основаніи этого изложенія, прийти къ самостоятельнымъ выводамъ и заключеніямъ. Что же касается самого Дальтона, то его никакимъ образомъ нельзя считать приверженцемъ папы, такъ какъ онъ состоитъ протестантскимъ пасторомъ въ Петербургѣ и извѣстенъ своею дѣятельностію въ пользу протестантства. Но, повторяемъ, это не важно. Гораздо важнѣе для насъ то, что рецензентъ неправильно понимаетъ содержаніе разбираемой статьи и думаетъ, что она написана въ опроверженіе ложныхъ католическихъ воззрѣній о томъ, что „русская православная Церковь все не есть блистающій шаръ, идеально правильный, вполне законченный и неуязвимо крѣпкій,—что философскій анализирующій умъ и въ православіи можетъ найти нѣчто такое, къ чему онъ можетъ прицѣпиться“. Можемъ увѣрить рецензента, ничего подобнаго нѣтъ въ этой статьѣ. Уже въ самомъ началѣ этой статьи писатель говоритъ, что „для избѣжанія самообольщенія, при углубленіи въ себя, необходимо принимать во вниманіе и мнѣнія другихъ. Конечно, мнѣнія о насъ другихъ еще не суть приговоръ, безапелляціонно произнесенный надъ нами. Мнѣнія эти всегда могутъ быть ошибочны, пристрастны, односторонни. Но въ этомъ именно и состоитъ важное, такъ сказать, нравственно-воспитательное

значеніе чужаго мнѣнія о насъ. Односторонность и ошибочность чужаго мнѣнія заставляеть насъ глубже взглянуть на свое собственное и безпристрастно провѣрить его снова, *sine ira et studio*. Съ этой точки зрѣнія писатель интересуется сужденіями западной литературы о нашей церковно-общественной жизни; именно съ этой-же точки зрѣнія онъ интересуется и статьею Дальтона о нашей Церкви. Къ какимъ же выводамъ приходитъ писатель? Въ чемъ видитъ главную причину распространенія штунды? Въ сущности онъ соглашается съ мнѣніемъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (1883 г. № 154) и говоритъ, что причина этого явленія — „все таже разрушающая наружную жизнь (крестьянъ) сила, разбивающая общинное ея начало, дѣлящая сельскія общества на горсть богатыхъ и массу голышей, — сила, именующаяся на нашемъ языкѣ капитализмомъ. Выказавши это положеніе, писатель продолжаетъ: „въ этомъ объясненіи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ еще, правда, не указывается самая причина отдѣленія штундистовъ отъ православной Церкви и изолированія въ отдѣльную секту; но весьма вѣрно опредѣляется та почва или атмосфера, среди которой дѣйствуетъ русское сектанство“... Углубляясь-же въ самыя причины отдѣленія или изолированія штундистовъ, писатель говоритъ: „причины распространенія въ средѣ народа штундизма заключаются, по мнѣнію Четырѣина („Церк. Вѣст.“ 1880, № 47), въ тѣхъ ненормальныхъ житейско-экономическихъ отношеніяхъ, въ какія поставлено духовенство къ своимъ прихожанамъ. Въ этомъ отношеніи горькую правду и глубокую мысль высказалъ преосвященный Виталій, замѣтивъ, что врагъ посягаетъ плевелы, „человѣкомъ спящимъ или бодрствующимъ, но только лишь для неусыпной погони за матеріальными интересами. Вотъ въ этой-то погонѣ духовенства за матеріальными интересами,“ говоритъ Четырѣинъ, и заключается главная причина распространенія штунды“, съ чѣмъ вполне соглашается и писатель статьи. Итакъ, въ этихъ сужденіяхъ писателя можно-ли находить опроверженіе той мысли, что русская Церковь вовсе не есть блистающій шаръ, идеально правильный, крѣпкій и неуязвимый;

что философскій анализирующій умъ можетъ „цѣпляться“ и къ православію? Полагаемъ, ничего подобнаго писатель не имѣлъ въ виду и статья его всего менѣе можно усвоить апологетическій или полемическій характеръ. Писатель остается лишь вѣрнымъ себѣ. Односторонность и ошибочность чужихъ мнѣній о нашей церковно-общественной жизни заставляеть его глубже взглянуть на наши собственные мнѣнія объ этомъ-же предметѣ и провѣрить ихъ безпристрастно, *sine ira et studio*. Правда, рядомъ съ этими мыслями писатель высказываетъ неодобрительныя сужденія о католичествѣ и протестантствѣ, особенно тамъ, гдѣ говоритъ о напковщинѣ, но эти сужденія не имѣютъ у него рѣшающаго значенія и высказываются лишь стороною и мимоходомъ.

Но мы особенно сожалѣемъ о томъ, что рецензентъ, держась своей односторонней точки зрѣнія, не далъ надлежащаго освѣщенія двумъ другимъ статьямъ нашего журнала, именно слѣдующимъ: „Проповѣдническая дѣятельность Василія Михайловича Дроздова, впоследствии митрополита Московскаго“ П. Корсунскаго и „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“, біографическій очеркъ о Буткевича. Рецензентъ думаетъ, что обѣ статьи имѣютъ въ виду доказать, что православная Церковь не можетъ быть предметомъ порицанія, и ея ученіе, или, что тоже—ученіе Христово не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что противорѣчило-бы человѣческому разуму,—что ученіе это возвышаетъ, улучшаетъ человѣка и его отношенія, дѣлая его, особенно при должной преданности Церкви и точномъ исполненіи ея законовъ, несравненно выше другихъ въ нравственномъ отношеніи, живущихъ по своимъ часто ложнымъ принципамъ. Это (будто-бы) ясно видно изъ жизни доблестныхъ истинныхъ пастырей Церкви, даже современныхъ почти намъ, напр. изъ жизни Иннокентія Херсонскаго и Филарета Московскаго. Можемъ увѣрить рецензента, что ничего подобнаго не имѣютъ въ виду обѣ поименованныя статьи; но крайней мѣрѣ, не это составляетъ главную цѣль и главную задачу ихъ. Статья г. Корсунскаго слѣдитъ за развитіемъ проповѣдническаго таланта покойнаго московскаго святителя, начиная съ первыхъ моментовъ

проявленія этого таланта, — и слѣдить за этимъ въ связи съ предшествовавшими ему знаменитыми отечественными проповѣдниками, каковы митрополитъ Платонъ и Анастасій Братановскій. Г. Корсунскій старается выяснитъ характеристическія особенности молодаго таланта, показать, чѣмъ обязанъ былъ своимъ учителямъ и что составляетъ личное достоинствѣ молодаго проповѣдника, какъ выраженіе болѣе глубокаго и болѣе жизненнаго пониманія духа православнаго ученія примѣнительно къ религіозно-нравственнымъ потребностямъ тогдашняго общества. Въ этомъ именно состоитъ высочій интересъ статьи г. Корсунскаго. Читая его статью, вы ясно видите, какъ на смѣну потухающихъ свѣтилъ родной Церкви на ея горизонтѣ восходитъ новое, болѣе яркое и болѣе лучезарное; вы ясно видите, какъ развивается, углубляется и крѣпнетъ русская православная мысль, пролагая новые пути для своего выраженія, проявленія и жизненнаго осуществленія; словомъ, вы ясно видите, какъ православное ученіе не остается какою-то неподвижнымъ и безжизненнымъ сокровищемъ, но подобно евангельскимъ талантамъ растетъ, умножается и приносить плодъ сторицею. По истинѣ, нельзя читать безъ глубокаго чувства разсвѣзъ о томъ, какъ митрополитъ Платонъ дорожитъ развивающимся талантомъ Василія Михайловича Дроздова, слѣдить за его талантомъ, вліяетъ на него и, наконецъ, ему добровольно уступаетъ пальму первенства, онъ — знаменитый въ свое время проповѣдникъ и высочій іерархъ русской Церкви!... И митрополитъ Платонъ не напрасно потратилъ свои труды и заботы!... Кому неизвѣстно, что такое былъ Филаретъ и что такое его проповѣди? Кардиналь Гергенрёттеръ, извѣстный историкъ раздѣленія церквей, говоритъ о сочиненіяхъ великаго патріарха Фотія, что изъ нихъ можно бы составить цѣльную, глубокую и обширную систему догматическаго богословія; это же самое съ полнымъ правомъ должно сказать и о проповѣдяхъ митрополита Филарета; въ нихъ можно находить самое живое, глубокое и всестороннее развитіе ученія православной Церкви; въ нихъ, по выраженію нашего гениальнаго поэта, слышенъ гласъ горняго серафима. Вотъ если-бы имен-

но съ этой точки зрѣнія рецензентъ посмотрѣлъ на статью г. Корсунскаго, а не съ своей полемической, апологетической или какой-то нравственно-назидательной, то, конечно, онъ увидѣлъ-бы въ ней не то, что теперь видитъ; во всякомъ случаѣ онъ не призналъ-бы ее какимъ-то, хотя и назидательнымъ, но чисто школьнымъ примѣромъ на тему: „кто преданъ Церкви и точно слѣдуетъ ей законамъ, тотъ становится *нравственно* несравненно выше другихъ, живущихъ по своимъ часто ложнымъ принципамъ“. Впрочемъ, въ концѣ концовъ рецензентъ отказывается произнести окончательное сужденіе объ этой статьѣ, такъ какъ изъ ней во время печатанія рецензій помѣщено было, по словамъ рецензента, очень мало и сказать о ней что-либо рѣшительно было-бы преждевременно.

То, что мы сказали о статьѣ г. Корсунскаго въ отношеніи къ проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета, тоже самое мы должны сказать о статьѣ о. Буткевича въ отношеніи къ архіепископу Иннокентію. Съ нашей стороны, полагаемъ, не будетъ большимъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что святитель Иннокентій былъ для юга Россіи тѣмъ-же, чѣмъ былъ святитель московскій для ея сѣвера, по крайней мѣрѣ, въ научномъ движеніи православной мысли. Подобно тому, какъ святитель московскій оставилъ послѣ себя цѣлую школу богослововъ, имъ созданную и одушевленную; такъ и Иннокентій тоже организовалъ цѣлую школу богослововъ, имъ вызванную къ жизни, работавшую въ его духѣ и направленіи. Изъ этой то школы вышли архіепископъ Димитрій Муратовъ и митрополитъ московскій Макарій. И кому неизвѣстно, что еще недалеко ушло то время, когда воспитанники Московской и Кіевской академій спорили между собою изъ-за вопроса, какому изъ обоихъ святителей, Филарету или Иннокентію, надобно отдать пальму первенства въ проповѣдническомъ и вообще ученомъ отношеніи; отголоски этого спора можно слышать еще и теперь. На нашъ взглядъ, всѣ эти споры доказываютъ лишь то, какое сильное, глубокое и неотразимое впечатлѣніе производили оба святителя на своихъ почитателей и въ особенности на воспитанниковъ своихъ академій. О. Буткевичъ, равно обязанный по своимъ ученымъ и учеб-

нымъ отношеніямъ обѣимъ академіямъ, взялся представить намъ съ полнымъ безпристрастіемъ свѣтлую личность гениальнаго Иннокентія. Конечно, о. Буткевичъ не дѣлаетъ при этомъ бесполезныхъ и ни для кого ненужныхъ сравненій Иннокентія съ митрополитомъ Филаретомъ; и было-бы преждевременно говорить о тѣхъ выводахъ и заключеніяхъ, къ которымъ приходитъ писатель. Но когда о. Буткевичъ съ необыкновенною живостію, достаточнымъ безпристрастіемъ и глубокимъ знаніемъ дѣла изображаетъ намъ воспитательную, ученую и проповѣдническую дѣятельность Иннокентія, когда наглядно представляетъ намъ, что сдѣлалъ Иннокентій на всѣхъ поприщахъ своей служебной дѣятельности; тогда, такъ сказать, подводитъ своего читателя къ самому очагу православной мысли, постепенно разгорающейся, всѣхъ согрѣвающей и всѣхъ освѣщающей; словомъ, даетъ понять намъ, что православіе есть живая сила, способная къ безграничному развитію и стоящая въ самой непосредственной и благотворной связи со всѣми сферами человѣческой жизни и мысли. Къ глубокому сожалѣнію ничего подобнаго не видитъ нашъ рецензентъ въ этой статьѣ, а видитъ лишь, что *христіанская* Церковь и ея ученіе не могутъ быть предметомъ порицанія и могутъ представить высоко-нравственные образцы, подобные Филарету и Иннокентію. Прекрасная статья о. Буткевича подъ перомъ рецензента, въ его изложеніи ея, теряетъ свой ученый характеръ и свой научный интересъ и превращается въ какой-то школьный назидательный примѣръ на нравственную тему. Но довольно о статьяхъ церковнаго отдѣла первыхъ трехъ книжекъ нашего журнала; мы должны еще сказать нѣсколько словъ о философскихъ статьяхъ этихъ книжекъ, тоже освѣщенныхъ рецензентомъ, по нашему мнѣнію, не вполне правильно, или, по крайней мѣрѣ, не вполне ясно.

Прерывая нашу бесѣду съ читателями, мы желали бы однакоже представить въ нѣкоторой связи и послѣдовательности тѣ главнѣйшія положенія, которыхъ мы касались въ настоящей критической статьѣ и о которыхъ намъ, при слѣдованіи за теченіемъ мыслей нашего рецензента, по необходимости приходилось гово-

рять лишь отрывочно, разбросанно и безъ всякой системы. Полагаемъ, что это поможетъ нашимъ читателямъ вѣрнѣе понять, яснѣе и отчетливѣе опредѣлить задачи и цѣли церковнаго отдѣла нашего журнала. Вотъ эти положенія:

1. Мы думаемъ, что православное ученіе есть живая сила, способная оживотворять собою все сферы человѣческой мысли и жизни и что поэтому напрасно смотрять на него, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, какъ на какое-то сухое, чисто формальное и несовременное ученіе. Въ православіи и только въ немъ одномъ можно находить, говоря словами графа Л. Н. Толстаго, истинный „смыслъ жизни“.

2. Православное ученіе, оставаясь всегда тождественнымъ и неизмѣннымъ, съ постепеннымъ развитіемъ человѣческаго знанія, можетъ быть понимаемо глубже, яснѣе и всестороннѣе; поэтому мысль о его неподвижности и косности, высказываемая католическими и протестантскими писателями, есть ложная мысль, опровергаемая исторіею и жизнью.

3. Болѣе глубокое и болѣе жизненное усвоеніе себѣ православнаго ученія возможно лишь подъ условіемъ большаго и большаго проникновенія духомъ Христовымъ, т. е. духомъ любви; потому что православное ученіе есть выраженіе и осуществленіе любви, любви Божественной въ отношеніи къ грѣшному роду человѣческому и любви благодарной со стороны грѣшнаго человѣка въ отношеніи къ Трїединому Божеству.

4. Православное ученіе не состоитъ въ противорѣчїи ни съ какою наукою, потому что никакая человѣческая наука, если только она заслуживаетъ это названіе, стремясь къ постиженію разума Божія, открытаго въ твореніяхъ, не можетъ противорѣчить тому-же разуму Божію, явленному въ положительномъ откровеніи.

5. Православіе предоставляетъ полную свободу дѣятельности нашего разума и предоставляетъ эту свободу именно тѣмъ, что устанавливаетъ точныя границы между вѣрою и знаніемъ. Тогда какъ среди западныхъ богослововъ, говоря словами о. Владимира Гете, нерѣдко можно встрѣчать людей, которые, изложивши богословскія положенія, говорятъ еще и о многомъ: *это тоже относится къ вѣрѣ*; или тогда какъ среди протестантскихъ бого-

словъ религіозное ученіе очень часто отождествляется съ философскимъ или вообще съ научнымъ и въ немъ теряется, одно лишь православіе во всей цѣлости и неприкосновенности сохраняетъ права разума и вѣры, права религіозной истины и науки. Съ одной стороны, предоставляя полную свободу разуму, оно предохраняетъ его лишь отъ произвола, отъ насильственнаго вторженія въ область вѣры; съ другой—содержа неизблемо и неизмѣнно одни лишь вѣчныя истины, оно спасаетъ разумъ отъ насилія и деспотизма ложно понятой вѣры въ области чисто человѣческихъ или научныхъ изслѣдованій и пысканій.

6. Въ православной Церкви никогда не оскудѣваетъ стремленіе къ болѣе глубокому и болѣе жизненному пониманію ея ученія, потому что въ ней никогда не оскудѣваетъ Духъ Святой, наставляющій и научающій ее на всякую истину. „Какъ Церковь Христова, говоритъ преосвященный Филаретъ Гумилевскій, будетъ существовать до скончанія міра, такъ до скончанія міра будутъ являться въ ней для нуждъ Церкви избранныя орудія Духа Божія. Позволяя дѣйствовать въ мірѣ духу міра, Духъ Божій попускаетъ сему духу измѣнять цѣли и средства его; но вмѣстѣ посылаетъ сильную помощь свою соотвѣтственно нуждамъ времени. Его силою свойство и дарованіе избранныхъ мужей въ скорбяхъ времени очищаются и улучшаются, получаютъ образованіе, соотвѣтственное времени и тѣ стороны преданной Церкви истины, которыя, по нападеніямъ духа времени, требуютъ болѣе яснаго изложенія и болѣе ощутительной твердости, получаютъ то и другое трудами избранныхъ учителей Церкви“ („Историч. ученіе объ Отц. Церкви“, 1859 г. т. 1 стр. XVI). Вотъ задачи и вотъ цѣли, которымъ хотѣлъ-бы служить журналъ „Вѣра и Разумъ“, на сколько это будетъ для него возможно и по своему крайнему разумѣнію. Какъ выполнить свои задачи журналъ, найдетъ-ли достаточно силъ для осуществленія ихъ, это другой вопросъ. Въ этомъ будемъ надѣяться на милость и помощь Божию.

М. Стояновъ.

(Окончаніе будетъ).

НУЖНА-ЛИ ФИЛОСОФІЯ?

(Продолженіе *).

III.

До сихъ поръ мы говорили о значеніи философіи для положительнаго религіознаго ученія о Богѣ и естествознательнаго о природѣ. Теперь на очереди обширный кругъ наукъ, объединяющимъ центромъ которыхъ служить третій главный предметъ человѣческаго вѣдѣнія—самъ человѣкъ въ его разнообразныхъ отношеніяхъ. Какъ и въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ, мы не станемъ разъяснять отношеніе философіи къ каждой изъ многочисленныхъ спеціальныхъ этого круга наукъ, но остановимся лишь на общихъ, болѣе или менѣе однородныхъ группахъ ихъ. Если для группировки ихъ возьмемъ три основныя философскія идеи, опредѣляющія идеальныя стороны человѣческой жизни и дѣятельности,—идеи истины, добра и изящнаго, то мы отличимъ три главныхъ класса наукъ, имѣющихъ отношеніе къ человѣку: историческія, соціально-юридическія и словесно-эстетическія.

Философія, какъ наука универсальная, разсматривающая идеальную сторону всего сущаго, издавна простирала свой испытующій анализъ на содержаніе, входящее въ каждую изъ этихъ трехъ группъ наукъ, и результаты этого анализа пыталась выразить въ трехъ философскихъ наукахъ: философіи исторіи, философіи права и эстетикѣ. Такъ какъ предметъ положительнаго изученія въ каждой изъ упомянутыхъ группъ, повидимому, гораздо ближе къ существенному предмету фило-

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 10.

софіи, чѣмъ природа внѣшняя, потому что идеальная сторона бытія, составляющая этотъ предметъ, гораздо яснѣе и опредѣленнѣе выражается въ мірѣ духовномъ, чѣмъ физическомъ, то и попытки философіи внести философскій элементъ въ познаніе міра человѣческаго не испытываютъ такой вражды и противодѣйствія, какъ подобнаго же рода попытки по отношенію къ познанію міра физическаго. Дѣйствительно, философія исторіи, право, эстетика, повидимому, не встрѣчаютъ въ наше время такого нерасположенія, какъ философія природы или космологія. Но тѣмъ не менѣе и здѣсь значеніе философіи сознается далеко не такъ отчетливо и ясно, чтобы совершенно устранялась необходимость въ болѣе близкомъ выясненіи этого значенія. А въ дѣйствительномъ современномъ движеніи положительныхъ наукъ, касающихся человѣка, мы часто встрѣчаемъ такіа направленія, которыя ясно свидѣтельствуютъ не только о недостаточномъ сознаніи значенія философскаго элемента для истинно научной ихъ постановки, но и о прямо враждебномъ отношеніи къ нему.

1. Истина, по своей эмпирической сторонѣ, есть дѣйствительность; истинно то, что дѣйствительно существуетъ. Представить это реальное осуществленіе истины, какъ эмпирически данной дѣйствительности въ пространствѣ и времени, по отношенію къ отдѣльнымъ (историческимъ) лицамъ, народамъ, человѣчеству—есть дѣло исторіи. Въ этомъ отношеніи исторія, какъ наука положительная, составляетъ дополненіе и другую сторону положительнаго естествознанія, такъ какъ та и другое вмѣстѣ обнимаютъ всю совокупность міроваго бытія по его внѣшнему проявленію. Имѣя въ виду этотъ параллелизмъ, не безъ основанія естествознаніе издревле называли естественною исторіею.

Имѣя въ виду эту параллель, мы, для опредѣленія значенія философіи въ дѣлѣ историческаго знанія, имѣемъ право предложить исторіи тотъ же самый вопросъ, который предложили и естествознанію, именно: рѣшается-ли исторія и можетъ-ли рѣшить при помощи своего метода всѣ вопросы, составляющіе необходимос предположеніе и дополненіе этой науки и рѣшеніе которыхъ однакоже необходимо для основательности, полноты и правильнаго направленія этой науки?

Общій предметъ историческаго знанія есть, конечно, человѣкъ въ разнообразныхъ проявленіяхъ его исторической жизни. Но чисто эмпирическое знаніе дастъ вамъ видѣть только внѣшнія, фактическія обнаруженія человеческой личной и общественной жизни. Самый дѣйствительный, истинный дѣятель и пачало этихъ обнаруженій есть сокровенное, незримое эмпирически пачало,—то, что мы называемъ душею человѣка. Всякая, сколько-нибудь понимающая себя историческая наука, конечно, предполагаетъ это пачало; никто еще не пытался представить исторію, какъ результатъ однихъ чисто внѣшнихъ, матеріальныхъ причинъ, какъ одну изъ комбинацій силъ и законовъ природы физической. Въ принципѣ матеріализмъ, правда, не отвергаетъ возможности и такого пониманія исторической жизни; но на дѣлѣ проведеніе этого принципа оказывается рѣшительно неосуществимымъ. Никому не придетъ въ голову объяснять, напримѣръ, завоеванія Александра Македонскаго, какъ своеобразную комбинацію дѣйствовавшихъ въ то время силъ природы, видѣть въ нихъ только феноменъ такого, а не иного состоянія атмосферы, напряженія электрическихъ токовъ, химическаго состава организмовъ дѣйствовавшихъ лицъ и т. п. Но если существуетъ психическое пачало, долженствующее служить первымъ *предположеніемъ* исторіи, если сама исторія, какъ наука фактическая, ничего не говоритъ намъ о такомъ пачалѣ, да и познаніе его какъ по самому предмету, такъ и по методу его (самонаблюденіе), для нея недоступно; если съ другой стороны, строго научный характеръ каждой науки требуетъ, чтобы ея основоположенія и принципы не были предположеніями, принятыми на вѣру и необоснованными, то для нея возникаетъ очевидная необходимость обратиться, для установленія своего принципа, къ той наукѣ, которая имѣетъ своимъ спеціальнымъ предметомъ изученіе духовнаго пачала въ человѣкѣ—къ психологій, а по тѣсной связи психологическихъ проблемъ съ метафизическими и другими—къ философій вообще. Въ частности, такъ какъ въ исторіи главнымъ факторомъ исторической жизни является та психическая способность, которую мы называемъ волею, а на высшей степени ея обнаруженія—свободою, то

установленіе яснаго понятія объ этой способности, о ея границахъ и законахъ дѣйствія, должно составлять существенную потребность историческаго знанія. Не безызвѣстно, что ученіе о свободѣ воли издавна составляетъ одинъ изъ спорныхъ предметовъ между двумя философскими воззрѣніями, индетерминизмомъ и детерминизмомъ. Какъ ни распространено въ наше время послѣднее, отрицающее свободу воли воззрѣніе, но исторія въ дѣйствительномъ ходѣ своихъ изслѣдованій, въ изображеніи великихъ дѣятелей и дѣлъ, ими совершаемыхъ, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не излагать эти дѣла, какъ свободное произведеніе ихъ желанія, намѣреній, ихъ воли. Есть-ли такой способъ историческаго изложенія одна субъективная фикція, привычная форма выраженія, или и на самомъ дѣлѣ въ теченіи историческихъ событій играетъ существенную роль элементъ свободы,—этотъ вопросъ имѣетъ несомнѣнное значеніе для пониманія и оцѣнки историческихъ дѣятелей и событій. Пока этотъ вопросъ не рѣшенъ въ принципѣ, исторія не можетъ быть названа наукою въ точномъ смыслѣ слова, потому что оставляетъ неразъясненнымъ вопросъ о главномъ предполагаемомъ факторѣ исторической жизни.

Но если мы, какъ и слѣдуетъ, на основаніи философскаго ученія о душѣ, признаемъ свободу главнымъ и кореннымъ дѣятелемъ исторіи, во всякомъ случаѣ и философія и историческій опытъ покажутъ намъ, что это дѣятель не единственный и не безусловный. Философія скажетъ намъ объ ограниченности человѣческой свободы; историческій опытъ покажетъ намъ, что въ дѣйствительности какъ жизнь человѣка, такъ и человечества опредѣляются не одними его желаніями и стремленіями, что на характеръ и направленіе этой жизни имѣютъ сильное вліяніе и внѣ человѣка лежащіе и отъ него независимые дѣятели. Первый и ближайшій изъ этихъ дѣятелей есть, конечно, окружающая его природа. Но достаточно ли и здѣсь, для полнаго уясненія и опредѣленія мѣры дѣйствія этого внѣшняго агента исторіи, одного эмпирическаго и чисто историческаго познанія вліянія природы на человѣка? Повидимому, исторія вправѣ на этотъ вопросъ отвѣчать утвердительно, такъ какъ вліяніе природы мы видимъ на опытѣ и

изучаемъ посредствомъ опыта. Но на опытѣ разнообразныя вліянія природы (напр. на благосостояніе народа, на его образъ жизни, характеръ), какъ независяція отъ человѣка, представляются чисто случайными, а вмѣстѣ съ этимъ и въ историческое движеніе, опредѣляемое отчасти этими вліяніями, вносится неразумный, случайный элементъ. Между тѣмъ тотъ же опытъ показываетъ, что не смотря на самыя разнообразныя то благопріятныя, то неблагопріятныя отношенія природы къ человѣку, то вызывавшія борьбу его съ нею, то подчиненіе ея вліянію, общее развитіе и усовершенствованіе человѣка продолжается безостановочно, что въ результатѣ самыя разнообразныя вліянія природы оказываются одинаково содѣйствовавшими этому развитію. Но такъ какъ природа независима отъ насъ и несравненно могущественнѣе насъ, то это ясно показываетъ, что въ самомъ строѣ природы уже заключалось нѣчто такое, что дѣлало ее пригодною служить высшимъ цѣлямъ человѣческаго бытія и что этой цѣли одинаково служатъ какъ благопріятныя, такъ и кажуціяся намъ враждебными отношенія ея къ человѣку. А такой характеръ ея указываетъ на такъ называемую цѣлесообразность ея и на высшее предназначеніе служить цѣли человѣческаго бытія. Но идея цѣлесообразности, съ точки зрѣнія которой только и могутъ получить истинный смыслъ и значеніе разнообразныя отношенія ея къ человѣку, есть идея по существу философская и предполагаетъ философскій взглядъ на природу и отношеніе ея къ человѣку. Съ этой точки зрѣнія и самая природа представляется намъ не случайнымъ, а разумнымъ дѣятелемъ въ исторіи, точно также какъ и вся исторія природы является вступительнымъ и подготовительнымъ началомъ исторіи человѣка, тѣсно и органически съ ними связаннымъ одною общою, разумною мыслию и цѣлію. Такимъ образомъ философское познаніе природы по ея не эмпирической, а идеальной сторонѣ, даетъ намъ надежное средство къ уразумѣнію не только фактовъ отношенія природы къ человѣку, но и дѣйствительнаго ихъ смысла и значенія для исторической жизни.

Но достаточно-ли двухъ указанныхъ нами дѣятелей, — человѣка и природы, — для объясненія исторической жизни рода

человѣческаго? Мпящаяся стоять на строго фактической почвѣ, современная историческая наука большею частію не задумываясь отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Однакоже въ исторіи встрѣчаются свидѣтельства о многихъ событіяхъ, выходящихъ изъ ряда естественныхъ и предполагающихъ дѣйствіе высшей силы природы и человѣка, сверхъестественной силы,—событіяхъ, которыя мы называемъ чудесными и которыя, для религіозной жизни по крайней мѣрѣ, имѣютъ величайшую важность. Но и независимо отъ этихъ выходящихъ изъ ряда естественнаго теченія событій фактовъ, мы встрѣчаемся съ общимъ несомнѣнно важнымъ для исторіи явленіемъ, которое не можетъ быть объяснено однимъ дѣйствіемъ силъ природы и человѣка,—это разумность въ историческомъ развитіи человѣчества. Не смотря на кажущуюся случайность и зависимость отдѣльных историческихъ явленій то отъ естественныхъ вліяній природы, то отъ личнаго произвола частныхъ дѣятелей, не смотря на кажущуюся необъяснимость, даже бессмысленность многихъ изъ этихъ явленій передъ судомъ разума, безпристрастный изслѣдователь долженъ признать общій разумный ходъ міровыхъ событій, общее движеніе къ усовершенствованію,—словомъ долженъ признать разумность исторіи. Отчего происходитъ это явленіе? Что природа, какъ безсознательное и по неизмѣннымъ механическимъ законамъ движущееся цѣлое, не можетъ его произвести, это само собою понятно. Но можетъ-ли быть достигнута эта разумность однимъ только самостоятельнымъ дѣйствованіемъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ родъ человѣчскій? Конечно, человѣкъ не есть тоже, что безсознательный предметъ природы; онъ одаренъ разумомъ и волею, можетъ полагать себѣ цѣли и осуществлять ихъ. Но предѣлы дѣйствія этого разума и воли большею частью ограничиваются сферою личной дѣятельности. Каждый человѣкъ въ отдѣльности, не исключая и великихъ историческихъ дѣятелей, дѣйствуетъ по большей части по своимъ частнымъ личнымъ, по крайней мѣрѣ временнымъ побужденіямъ и цѣлямъ. Ни одинъ дѣятель, самый гениальный, не имѣетъ и не можетъ имѣть въ виду общихъ цѣлей человѣчества и со-

зпательно служить ихъ осуществленію. Еслибы даже онъ и имѣлъ ихъ въ виду, еслибы его понятія объ этихъ цѣляхъ были всегда вѣрны и ясны, то и въ такомъ случаѣ, при безчисленномъ множествѣ противодействующихъ интересовъ и побужденій другихъ лицъ, онъ не въ силахъ былъ-бы найти лучшихъ и наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ для осуществленія своихъ предназначеній, тѣмъ болѣе привести ихъ въ исполненіе одною собственною волею. Но на самомъ дѣлѣ подобныя дѣятели, съ ясно сознаваемымъ для блага человѣчества идеалами и съ полною энергіею провести ихъ въ жизнь, очень рѣдки. Въ дѣйствительности мы видимъ постоянную игру самыхъ мелкихъ, самыхъ эгоистическихъ, изрѣдка благонамѣренныхъ, но за то одностороннихъ побужденій. Каждый преслѣдуетъ свои личныя цѣли, и величайшіе умы несвободны отъ вліянія этихъ личныхъ побужденій. Изъ постоянного столкновения безчисленнаго множества этихъ разрозненныхъ, враждебныхъ другъ другу частныхъ интересовъ, не только личныхъ, но и народныхъ, повидимому, въ итогѣ исторической жизни рода человѣческаго не могло-бы ничего выходить кромѣ сдѣленія событій случайныхъ, кромѣ явленій неразумныхъ и безсвязныхъ. Но на самомъ дѣлѣ не такъ; не смотря на разрозненность побужденій частныхъ дѣятелей, въ общемъ ходѣ исторической жизни оказывается разумность, правильность, порядокъ. Результаты извѣстныхъ событій въ общемъ часто выходятъ не тѣ, какихъ-бы можно ожидать; то, что казалось на первый разъ зломъ или бѣдствіемъ, въ послѣдствіи оказывается явленіемъ цѣлесообразнымъ и благотворнымъ; что представлялось безразличнымъ, не важнымъ, оказывается имѣющимъ громадное значеніе. Отсюда видно, что общій ходъ исторіи, такъ какъ онъ не имѣлся въ виду никѣмъ изъ ея частныхъ дѣятелей, направляется высшею, невидимою силою, направляющею событія къ какой-либо разумной цѣли.

Если-же, кромѣ природы и человѣка, каждый безпристрастный и нетендеціозный историкъ долженъ предположить, для объясненія хода исторической жизни, третьяго, высшаго дѣятеля, то вотъ въ этомъ предположеніи мы имѣемъ третье основаніе исторической науки, которое существеннымъ

образомъ связываетъ ее съ философіею и съ высшимъ предметомъ ея—ученіемъ объ абсолютномъ началѣ бытія. Но если бы даже историкъ, исходя изъ предвзятыхъ воззрѣній, упорствовалъ въ отрицаніи этого высшаго дѣятеля въ исторіи, то онъ, для самой раціональности своего отрицанія, долженъ-бы философски обосновать его, доказать невозможность вліянія какого-либо вѣснаго, сверхъестественнаго пачала на ходъ міровыхъ событій,—долженъ обратиться къ философіи.

Если, такимъ образомъ, основные принципы исторической жизни: человекъ, природа и высочайшее начало того и другой—Богъ, не могутъ быть обоснованы и раскрыты при помощи одного чисто фактическаго изученія событій, а если съ другой стороны ясное пониманіе основоположеній науки необходимо для полной научности и раціональности ея, чтобы она не была агрегатомъ фактовъ, а основалась на твердо установленныхъ началахъ знанія, то мы должны признать важное значеніе философіи для научнаго историческаго знанія.

Кромѣ обоснованія принциповъ исторической науки, другое требованіе, которое мы можемъ предъявить къ ней, есть *полнота* историческаго знанія. Какъ естествознанію, такъ и исторіи мы можемъ предложить вопросъ: всѣ-ли, касающіеся исторической судьбы человека, вопросы рѣшаются и могутъ быть рѣшены при помощи опыта, и не нуждается-ли и здѣсь фактическое знаніе въ дополненіи его философіею? Эти вопросы касаются какъ начала, такъ продолженія и затѣмъ конца или цѣли исторической жизни человека.

Откуда и какъ произошелъ родъ человѣческой и каковы были первые шаги его развитія? Вотъ вопросъ, который неизбежно представляется любознательности нашего ума при изученіи исторіи человека. Строго держащійся фактической почвы историкъ, конечно, можетъ отстранить отъ себя подобный вопросъ, назвавъ его неисторическимъ; для него исторія начинается тамъ, гдѣ появляются первые памятники ея:—лѣтоисписи, зданія, археологическія данныя. Но такое произвольное самоограниченіе едва-ли возможно для исторіи, какъ науки. Каждая историческая эпоха имѣетъ свои корни въ до-исторической и не можетъ быть надлежащимъ образомъ понята,

будучи оторвана отъ послѣдней. Современная наука вполне понимаетъ это значеніе до-исторической, такъ сказать, исторіи для исторической и потому съ особеннымъ вниманіемъ пытается объяснить при помощи естествознанія жизнь до-историческаго человѣка. Но ни археологія, ни естествознаніе далеко не доводятъ насъ до перваго человѣка и не рѣшаютъ вопроса о его происхожденіи. Къ дѣйствительному рѣшенію его на помощь той и другому должна быть призвана философія съ ея общимъ ученіемъ о происхожденіи міра.

И въ изображеніи дальнѣйшаго теченія собственно исторической жизни нашъ умъ далеко не удовлетворяется однимъ фактическимъ познаніемъ ея. Здѣсь по отношенію къ этому познанію мы можемъ различать три точки зрѣнія: эмпирическую, разсудочную и идеальную или философскую, отъ которыхъ зависитъ степень научнаго достоинства исторіи. Эмпирическая точка зрѣнія состоитъ въ простомъ фактическомъ изложеніи событій, причемъ руководственнымъ началомъ такого изложенія служитъ съ одной стороны послѣдовательность ихъ во времени, съ другой—отношеніе ихъ къ данному мѣсту или народу. Высшая точка зрѣнія на историческія событія состоитъ не въ простомъ только изслѣдованіи ихъ, но раціональномъ пониманіи и сближеніи ихъ не по внѣшней, а по внутренней связи, что сообщаетъ прагматическій характеръ исторіи. Исторія излагаетъ событія не какъ случайные факты, объединенные только мѣстомъ и преемствомъ времени, но старается изложить ихъ, частью по объективно данному въ самомъ историческомъ матеріалѣ, частью по субъективно самимъ историкомъ начертанному плану или системѣ, съ извѣстною опредѣленною мыслию или намѣреніемъ, которое выступаетъ въ выборѣ, группировкѣ и способѣ изложенія историческихъ событій. Соотвѣтственно двумъ источникамъ, откуда берется руководствующая изложеніемъ историческихъ фактовъ мысль, объективному и субъективному, прагматическій историкъ или обращаетъ вниманіе на общую причинную связь явленій, на то, какія историческія причины вызвали данное событіе и какое опредѣленное дѣйствіе оно имѣло на теченіе исторической жизни,—или, независимо отъ этой задачи, группируетъ

историческіе факты примѣнительно къ субъективно установленной имъ спеціальной цѣли историческаго изслѣдованія; такою цѣлью могутъ быть различныя частныя стороны исторической жизни, напр. религія, промышленность, образованіе, военное искусство и проч. Но какъ перваго, такъ и втораго рода прагматизмъ уже предполагаетъ выходъ историка за предѣлы чисто положительнаго знанія въ область раціональную. Для того, чтобы при объясненіи дѣйствительныхъ причинъ явленія не растеряться въ массѣ историческихъ фактовъ и подробностей, чтобы оцѣнить ихъ по степени относительнаго значенія, отличить второстепенное и случайное отъ дѣйствительно важнаго, чтобы сгруппировать и освѣтить одною общемою мыслию частныя факты, необходимо значительное развитіе мыслительной его способности, которое лучше всего достигается философскимъ образованіемъ ума, привычкою обобщать факты не по внѣшнимъ и случайнымъ признакамъ, а по внутреннему ихъ смыслу и по логическому, причинному взаимоотношенію. Для того, чтобы объединить факты съ цѣлію уяснить извѣстную, частную сторону исторической жизни (прагматизмъ субъективный), необходимо имѣть ясное представленіе объ этой именно сторонѣ, чтобы выдѣлить ее изъ соприкосновенныхъ и выяснить ея значеніе въ общей связи историческихъ событій. Такъ напр. для спеціальной исторіи религіи, законодательства даннаго народа, чтобы вполне выяснить значеніе и внутреннюю связь изложенныхъ фактовъ, необходимо имѣть вѣрное и точное понятіе о религіи, о правѣ; установленіе-же этихъ понятій принадлежитъ философѣ.

Но и прагматическое пониманіе исторіи не есть послѣдній идеаль историческаго знанія. Не говоримъ о субъективномъ прагматизмѣ, односторонность котораго видна уже изъ того, что онъ беретъ во вниманіе только одну, избранную сторону исторической жизни: и объективный прагматизмъ большею частию лишенъ характера универсальности, такъ какъ разсматриваетъ только ограниченныя части историческаго цѣлаго, — исторію данной эпохи, народа, и въ объясненіи причинъ историческихъ явленій ограничивается указаніемъ ближайшихъ историческихъ ихъ мотивовъ и результатовъ. Но нашъ разумъ

не удовлетворяется ни частнымъ изложеніемъ событій, хотя съ раціональной, прагматической точки зрѣнія, ни изъясненіемъ ихъ изъ частныхъ и ближайшихъ причинъ. Какъ въ природѣ физической, за разнообразною тканью явленій и ихъ ближайшихъ причинъ, онъ ищетъ и находитъ всеобщіе міровые законы, господствующіе надъ всѣмъ теченіемъ природы и дѣлающіе ее однимъ законосообразнымъ цѣлымъ, такъ и въ области исторіи онъ ищетъ и предполагаетъ разумно дѣйствующій законъ,—законъ единый и постоянный, не зависящій отъ разнообразія частныхъ причинъ историческихъ явленій. Объединить всѣ историческія событія и уразумѣть ихъ съ точки зрѣнія этого высшаго универсальнаго закона исторической жизни,—и составляетъ высшую, идеальную или философскую задачу исторіи.

Но существуетъ-ли на самомъ дѣлѣ этотъ предполагаемый разумомъ законъ? Или, не смотря на все наше предрасположеніе найти его, осмыслить и объединить при помощи его историческія событія, онъ не болѣе какъ субъективное *prim desiderium*, а въ дѣйствительности вся исторія не болѣе какъ сплѣтенье случайныхъ событій, имѣющихъ каждое, конечно, свои ближайшія причины, но въ общей сложности не представляющихъ никакого объединеннаго извѣстною мыслию цѣлаго? Если существуетъ, то въ чемъ онъ состоитъ и въ чемъ поэтому заключается высшее объединяющее начало историческихъ событій? На этотъ, капитальной важности для исторической науки, вопросъ мы не можемъ получить какого-либо твердаго и удовлетворительнаго отвѣта, если ограничимся одними фактами и положительнымъ изученіемъ ихъ,—не можемъ уже потому одному, что эмпирически, не смотря на тысячелѣтія исторической жизни, мы ограничены въ сущности только небольшимъ отрывкомъ всемірной исторіи, заключать отъ котораго индуктивно къ общему закону исторической жизни не имѣемъ логическаго права. Эмпирически мы можемъ открывать и выводить общіе законы, какъ-то и бываетъ въ установленіи законовъ физическихъ, но или при полномъ знаніи всѣхъ или большей части фактовъ даннаго круга явленій, или на основаніи ихъ однообразія и постоянной повторяемости. Но очевидно, ни

того, ни другаго мы не имѣемъ передъ собою въ исторіи. Намъ неизвѣстны факты ни происхожденія человѣка и его до-исторической жизни, ни подлежащаго еще, если не безграничнаго, то во всякомъ случаѣ неопредѣленнаго продолженія его исторической жизни. Съ другой стороны историческія событія вовсе не представляютъ собою однообразнаго повторенія тѣхъ же дѣйствій отъ тѣхъ-же причинъ, какъ явленія физическія; но, въ силу присущаго имъ элемента человѣческой свободы, являются крайне разнообразными и не подчиняющимися, повидимому, гнету какого-либо неизбѣжнаго закона. При этой особенностях историческихъ фактовъ, если-бы опытъ и далъ намъ указаніе на существованіе общаго закона историческаго движенія, то это указаніе по своему логическому значенію не восходило-бы далѣе очень слабой и шаткой гипотезы. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на самый общій и всѣми признаваемый законъ исторической жизни,—законъ постепеннаго развитія или прогресса. Можетъ показаться, что къ признанію всеобщности этого закона мы приходимъ путемъ эмпирическимъ, наблюдениемъ, что до сихъ поръ человѣчество постоянно развивалось. Но тоже наблюденіе показываетъ, что это развитіе никогда не было неизмѣннымъ и безусловнымъ, что были эпохи замедленія, упадка, даже часто попятнаго движенія. Что можетъ ручаться, что въ будущемъ эти элементы застоя и разрушенія не пріобрѣтутъ перевѣса надъ прогрессивнымъ движеніемъ, не остановятъ и не разрушатъ его? Что можетъ ручаться, что сила зла, которая несомнѣнно дѣйствуетъ въ исторіи на ряду съ силою добра, не восторжествуетъ когда-либо надъ послѣднимъ? Но если-бы этого и не случилось, то не ослабѣетъ-ли и не остановится прогрессивное движеніе само собою, по аналогіи жизни рода человѣческаго съ жизнью каждаго организма, сначала развивающагося, а потомъ дряхлѣющаго и умирающаго? При этихъ недоумѣніяхъ, устранить которыя мы не въ силахъ на основаніи фактическаго изученія того сравнительно ограниченнаго отрывка исторической жизни, который намъ доступенъ, единственнымъ основаніемъ дѣйствительности историческаго закона прогресса можетъ служить только *вѣра* въ этотъ прогрессъ. Но наука, основанная на субъек-

тивной вѣрѣ или предположеніи, не можетъ быть истинною наукою. Для того, чтобы эта вѣра получила характеръ научнаго понятія, нужно изъ области положительнаго историческаго знанія обратиться къ философіи, которой задача—подвергнуть философскому анализу научныя предположенія и показать степень ихъ состоятельности. И дѣйствительно, философія даетъ здѣсь исторіи то, чего не могутъ дать одни факты. Въ идеѣ высочайшей разумной Причины міра, въ понятіи духа человѣческаго, какъ существа по природѣ способнаго къ безконечному развитію, въ понятіи промысла, содѣйствующаго этому развитію и полагающаго преграду злу, въ мысли о высшемъ назначеніи человѣка, разумъ найдетъ достаточныя основанія къ оправданію предполагаемаго исторіею закона развитія и даже къ опредѣленію въ частности, въ чемъ должно выражаться это развитіе.

Дѣйствительно, для правильнаго понятія о законѣ историческаго развитія всего важнѣе опредѣленіе цѣли его, а вмѣстѣ съ цѣлью и послѣдней судьбы человѣчества. Но если начало этого развитія,—происхожденіе рода человѣческаго и первобытная жизнь его,—лежитъ внѣ предѣловъ положительной науки, то тѣмъ болѣе цѣль и конецъ его. Индуктивныя заключенія объ этомъ предметѣ, на основаніи, сравнительно, можетъ быть, кратковременнаго еще существованія рода человѣческаго, могутъ привести только къ гадательнымъ предположеніямъ. И здѣсь твердое и опредѣленное понятіе о назначеніи человѣчества можетъ дать только философія, исходя изъ общаго понятія о существѣ и назначеніи человѣческаго духа. Въ этой философской идеѣ о назначеніи человѣка мы найдемъ руководственное начало не для предположеній о будущей исторіи человѣческаго рода, потому что философія, опредѣляя назначеніе человѣка, не можетъ конечно сказать намъ о томъ, какъ фактически оно осуществится, но она сообщитъ намъ правильное понятіе о томъ, въ чемъ долженъ состоять законъ истинно прогрессивнаго движенія человѣчества и тѣмъ предотвратитъ многія ложныя и одностороннія воззрѣнія на историческое движеніе. Она напр. укажетъ намъ, что ни матеріальное благосостояніе, ни усовершеніе однихъ формъ общежитія, ни цинили-

зація, понимаемая только какъ умственное развитіе, не могутъ быть истинною цѣлью человѣчества, но осуществленіе въ жизни идей правды и добра, въ приближеніи чрезъ то къ высочайшему Началу этихъ идеальныхъ совершенствъ, причемъ достиженіе вышеуказанныхъ цѣлей является не главнымъ, а только содѣйствующимъ для достиженія главной цѣли элементомъ. Признаніе-же этой истины устранитъ одностороннія построенія исторіи и дастъ основную идею, съ точки зрѣнія которой должны быть разсматриваемы, оцѣниваемы и объединяемы историческія событія.

Сообщивъ исторіи истинно научный характеръ чрезъ рациональное обоснованіе ея принциповъ, истинно научную полноту и всесторонность чрезъ болѣе глубокое проникновеніе въ начало, законъ и цѣль историческаго движенія, философія тѣмъ самымъ укажетъ и вѣрное *направленіе* историческимъ изслѣдованіямъ. Въ принципѣ исторія также, какъ и естествознаніе, отрекается отъ какихъ-бы то ни-было, тѣмъ болѣе отъ образовавшихся, подъ вліяніемъ философскихъ „предзавятыхъ идей“, направленій; какъ наука фактическая, она часто тщеславится своимъ безпристрастіемъ и чисто объективнымъ характеромъ. Но на самомъ дѣлѣ, какъ и въ естествознаніи, этотъ принципъ въ ней далеко не осуществляется, да и не можетъ быть осуществленъ въ виду неискоренимой потребности нашего разума не только знать факты, какъ таковые, но и понять ихъ истинный смыслъ, значеніе и отношеніе къ рѣшенію другихъ важнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго знанія и жизни,—потребность, которую въ сущности можемъ назвать потребностію философскаго знанія. Но какъ въ естествознаніи это мнимое и неосуществимое отреченіе отъ философіи на дѣлѣ, какъ мы видѣли, оканчивается тѣмъ, что въ изслѣдованіи природы получаетъ значеніе и пользуется сочувствіемъ односторонняя, материалистическая философія, такъ и въ исторіи отчужденіе отъ философіи, въ видахъ змимаго безпристрастія, кончается обыкновенно безотчетно-тенденціознымъ подборомъ и изложеніемъ фактовъ съ точки зрѣнія какой-либо односторонней теоріи или извѣстной политической, религіозной, соціальной партіи. И въ исторіи эта тенденціозность тѣмъ удобнѣе и легче,

что при безчисленномъ множествѣ и разнохарактерности фактовъ, вслѣдствіе свободы и индивидуализаціи человѣка, всегда возможна искусственная подборка ихъ для оправданія самыхъ противоположныхъ воззрѣній.

Предотвратить эту легкую возможность односторонняго употребленія, даже злоупотребленія историческаго матеріала можетъ не отреченіе отъ философіи, но напротивъ только руководство истинной философіи и правильныхъ философскихъ воззрѣній. Это руководство необходимо уже на нижней стадіи исторической науки, которую мы назвали эмпирическою и которой задача состоитъ въ простомъ установленіи историческихъ фактовъ въ ихъ достовѣрности. Но указаніе правилъ логической достовѣрности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правилъ исторической критики, всегда составляло одну изъ задачъ логики. Одно знаніе и соблюденіе этихъ правилъ часто можетъ гарантировать историческую науку отъ крайностей какъ излишняго довѣрія къ сомнительнымъ фактамъ, такъ и отъ особенно распространеннаго въ наше время недовѣрія (гиперкритика) къ фактамъ, не подходящимъ подъ извѣстное философское воззрѣніе. по которому предполагаемая невозможность какого-либо событія (наприм. выходящаго изъ ряда естественныхъ), считается достаточнымъ доказательствомъ его педѣйствительности, вопреки всѣмъ правиламъ исторической достовѣрности. Еще болѣе нетипная философія необходима для правильнаго научнаго прагматизма, не дозволяя нашему уму останавливаться на однихъ внѣшнихъ эмпирическихъ причинахъ даннаго явленія или односторонне преувеличивать ихъ значеніе. Занимаясь изслѣдованіемъ высшей идеальной стороны бытія, она укажетъ истинное значеніе и силу идей и ихъ реальное, хотя и не указуемое эмпирически, вліяніе на ходъ исторической жизни, а этимъ самымъ наведетъ историка на мысль, что не въ однихъ только психологическихъ мотивахъ историческихъ дѣятелей и не въ одномъ сцѣпленіи историческихъ событій, но въ господствѣ въ то или другое время извѣстныхъ идей нужно искать ключа къ объясненію многихъ историческихъ явленій,—таковы наприм. идеи религіозныя, нравственныя, правовыя, идеи патріотизма, долга и пр. Не говоримъ о само собою понятномъ значеніи

философіи для правильнаго направленія высшей, философской исторіи. Такая исторія въ сущности возможна и понятна только при идеальномъ міросозерцаніи, которое въ эмпирической дѣйствительности, будетъ ли то дѣйствительность природы или исторіи, видитъ обнаруженіе высшаго идеальнаго закона и законосообразное стремленіе къ осуществленію извѣстной идеальной цѣли. Для матеріалистическаго міросозерцанія собственно не можетъ быть философіи исторіи, такъ какъ для него историческіе факты суть дѣйствія тѣхъ-же неизбѣжныхъ законовъ природы, какъ и явленія физическаго міра. Но для бессознательно дѣйствующихъ силъ и законовъ природы не можетъ быть ни прогресса, ни разумной цѣли, ибо понятіе цѣли, точно также какъ и понятіе совершенства, для матеріализма суть чисто субъективныя понятія, незаконно переносимыя на природу человѣческія воззрѣнія. Но иной смыслъ и значеніе получаютъ историческіе факты при освѣщеніи ихъ идеальнымъ свѣтомъ. Вмѣсто неразумнаго, ни къ чему не ведущаго, механически опредѣляемаго сцѣпленія фактовъ мы получаемъ законосообразно развивающееся во времени стройное цѣлое, указывающее на единую, все объединяющую и приводящую все въ гармонію высочайшую Причину. Какъ естествоиспытатель, при руководствѣ философіи, въ книгѣ природы уразумѣваетъ Творца и Его безкопечную мудрость, такъ философія научаетъ и историка въ мертвыхъ памятникахъ исторіи узнавать вѣчно-живущій Разумъ, который языкомъ фактовъ и событій открываетъ свою вѣчную мудрость, благость и правду. Какъ въ исторіи міра физическаго разумное міросозерцаніе видитъ не слѣпую игру механически дѣйствующихъ силъ и законовъ природы, но исполненіе предначертаннаго высшею мудростію плана, по которому законосообразное развитіе природы должно служить высшимъ духовнымъ интересамъ человѣческаго рода; такъ и въ исторіи міра нравственнаго оно укажетъ не случайное сцѣпленіе событій, но дѣйствіе божественнаго Провидѣнія, ведущаго человѣчество къ высшимъ цѣлямъ его бытія. Міроуправляющій божественный Разумъ проникаетъ собою историческое движеніе и даетъ себя знать и чувствовать какъ нравственный міровой порядокъ, въ которомъ такъ умѣетъ сочетать

свободу и необходимость, что даже самая противорѣчающая этому порядку свобода, злая воля человѣка, должна содѣйствовать достиженію высшей міровой цѣли, которая состоитъ въ осуществленіи царства Божія на землѣ.

Опредѣляемое правильнымъ философскимъ міросозерцаніемъ направленіе исторіи даетъ надежное средство и къ правильной оцѣнкѣ историческихъ событій и ихъ дѣятелей. Такая оцѣнка, которая невольно возникаетъ у каждаго при мыслящемъ взглядѣ на нихъ, не есть, какъ иногда думаютъ, совершенно чуждый исторіи, привходящій, субъективный элементъ историческаго знанія. Мы видѣли, что даже при изученіи болѣе далекихъ отъ человѣка по существу предметовъ и явленій видимой природы, онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не судить о нихъ и не оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія идей истины, добра, изящества, и мы нашли, что такая оцѣнка имѣетъ свое научное право во всестороннемъ изученіи природы не только самой въ себѣ, но и по отношенію ея къ человѣку. Тѣмъ болѣе такая оцѣнка должна имѣть мѣсто въ исторіи, содержаніе которой составляютъ факты и явленія, столь близкія къ жизненнымъ интересамъ человѣка. Въ этой оцѣнкѣ выражается преимущественно то практическое, жизненное значеніе исторіи, какъ примѣра и руководства для нашей отчасти личной, а особенно общественной дѣятельности, которое всегда признавали за нею лучшіе историки, называя ее учительницею народовъ. Но чтобы она могла быть такою учительницею, а не лжеучительницею, историку нужно имѣть высшій руководительный критерій для оцѣнки историческихъ событій и лицъ. А гдѣ онъ найдетъ этотъ критерій, какъ не въ идеяхъ правды и добра, рacionales разъясненіе которыхъ опять можетъ дать только философія? Безъ этого критерія, останавливая свое вниманіе на однихъ только фактахъ, мы легко можемъ принять временный успѣхъ, временный благопріятный исходъ извѣстнаго факта за мѣрило его достоинства, по пословицѣ: все то хорошо, что кончается хорошо, или, что еще хуже, — оцѣнивать историческихъ дѣятелей и событія съ узкой и предзанятою точки зрѣнія какой-либо теоріи или политической партіи. Невѣрующій напр. историкъ не въ состояніи будетъ оцѣнить значе-

ніе всѣхъ тѣхъ явленій и историческихъ дѣятелей, которые имѣли мѣсто и дѣйствовали въ области жизни религіозной. Истинно философскій взглядъ на историческое движеніе и цѣль его научить цѣнить событія съ точки зрѣнія осуществленія этой цѣли, а историческихъ дѣятелей кромѣ того и съ точки зрѣнія правды и нравственности. Его не обманетъ временная сила и кажущійся успѣхъ неправды и зла. Это кажущееся несоотвѣтствіе идеямъ правды и истиннаго прогресса заставитъ его ближе войти въ оцѣнку ихъ дѣйствительнаго историческаго значенія и убѣдить, что все истинно прочное и содѣйствующее высшимъ цѣлямъ человѣческаго бытія достигается не эгоистическими, а идеальными побужденіями, что зло, если и получаетъ по волѣ Промысла историческое значеніе, то не зиждительное, а разрушительное и отрицательное, разлагающее и уничтожающее то, что отжило свое время и оказалось недостойнымъ историческаго существованія. Оцѣнивая событія и лица съ высшей, идеальной точки зрѣнія, исторія сдѣлается истинною учительницею человѣка, не въ томъ узко практическомъ смыслѣ, чтобы въ прошедшемъ указывать образцы и примѣры для подражанія (хотя и въ этомъ значеніи ей отказать нельзя), но въ томъ, чтобы указаніемъ на окончательное торжество въ историческомъ ходѣ событій идей правды и добра надъ силою зла подкрѣпить нашу вѣру въ божественное міроуправляющее Провидѣніе, чтобы въ историческихъ дѣятеляхъ и событіяхъ научить насъ цѣнить не случайный успѣхъ и внѣшнее величіе, но истинное человѣческое достоинство и истинно благотворные результаты, хотя бы они и закрывались на первый взглядъ декоративною стороною внѣшнихъ событій.

2. Хотя историческія науки, по общей связи науки съ жизнью, и могутъ имѣть практическое приложеніе, предлагая образцы для общественной и частной дѣятельности, но вообще посятъ болѣе теоретическій характеръ, опредѣляясь въ своемъ ходѣ преимущественно идеею истины. Болѣе практическое значеніе и болѣе обширный кругъ пракческаго примѣненія имѣетъ другой классъ наукъ, общимъ началомъ которыхъ служить, какъ и для исторіи, духъ человѣческій въ его раз-

нообразныхъ проявленіяхъ. Сюда относятся науки юридическія, соціально-государственныя и камеральныя. Такъ какъ направление и цѣль многихъ изъ входящихъ сюда наукъ опредѣляется практическою дѣятельностью человѣка и законами ея, данными въ опытѣ, то, конечно, не всѣ онѣ одинаково имѣютъ отношеніе къ философіи и нуждаются въ ней для обоснованія своихъ принциповъ и для расширенія и углубленія своего содержанія; но нѣтъ почти ни одной изъ нихъ, для которой не было бы полезно, приобретаемое при помощи философіи, общее философское направленіе, какъ средство для предотвращенія одностороннихъ направленій и возрѣній и для указанія высшей цѣли практической дѣятельности, опредѣляемой этими науками.

Ближайшее отношеніе къ философіи имѣютъ, конечно, науки юридическія. Признаніе такого отношенія и его важности для научной постановки спеціальныхъ юридическихъ наукъ давно сознало этими науками и выразилось въ общепризнанномъ научномъ значеніи философіи права. Дѣйствительно, основной принципъ правовѣдѣнія заключается въ философіи, такъ какъ оно, чтобы быть основанною не на предположеніи, а на рационально обоснованномъ понятіи наукою, должно изслѣдовать и установить общее начало и общій источникъ всякаго права и отсюда вывести какъ естественное, такъ и историческое право. Этимъ общимъ источникомъ всякаго права можетъ быть только идея абсолютной (или что то же—божественной) правды, которая одинаково открывается какъ въ фактахъ разума, такъ и въ фактахъ исторіи. Поэтому, ни правильно понятое естественное право не можетъ противорѣчить историческому праву, ни это послѣднее, будучи понимаемо въ его основѣ,—первому, такъ какъ оба они служатъ идеальнымъ и реальнымъ откровеніемъ одной вѣчной идеи правды. Естественное право есть фактъ практическаго разума, который для людей, въ ихъ отношеніяхъ сосуществованія, ищетъ всеобщей обязательной нормы для высшей дѣятельности съ требованіемъ, чтобы каждый ограничилъ свою индивидуальную свободу настолько, чтобы вмѣстѣ съ его свободою могла существовать и свобода всѣхъ другихъ. Такъ какъ этотъ фактъ представ-

лжаетъ нѣчто противоположное физическому порядку, гдѣ господствуетъ законъ естественной необходимости, и низшему психологическому порядку, гдѣ господствуетъ произволь и желаніе отстоять свою индивидуальность, то очевидно, что законность и общеобязательность права не могутъ быть обоснованы эмпирически, но онѣ должны имѣть свое начало въ высшей, идеальной натурѣ человѣка, какъ норма его дѣятельности. Отсюда видно, что только философія можетъ объяснить истинное начало и происхожденіе права, какъ факта и проявленія разумной природы человѣка. Точно также только она можетъ дать и болѣе глубокое обоснованіе и историческому праву и показать внутреннюю связь его съ естественнымъ, потому что историческое право въ сущности есть не что иное, какъ примѣненное къ даннымъ въ опытѣ потребностямъ соціальной жизни человѣка тоже естественное право. Какъ идеальное (естественное), такъ и положительное (историческое) право, оба сходятся въ высшемъ единствѣ абсолютной или божественной правды, идея которой составляетъ принадлежность человѣческаго разума. На это высшее единство ихъ указываетъ и Платонъ, когда говоритъ, что право и законъ происходятъ отъ Бога; на этотъ источникъ указываетъ и преданіе всѣхъ народовъ, производящее первые основные законы общежитія изъ божественнаго вдохновенія и установленія, и самое тѣсное единеніе, въ которомъ первоначально находились законодательство и религія. Съ этой философской точки зрѣнія ясно, что право имѣетъ болѣе высокое и благородное происхожденіе, чѣмъ страхъ или пользу, въ чемъ обыкновенное эпикурейское воззрѣніе на жизнь думаетъ видѣть ихъ единственное начало; что право точно также, какъ наука, искусство, добродѣтель, религія,—и вмѣстѣ съ ними проистекаетъ изъ самой глубины человѣческаго духа, изъ сознанія достоинства разумной человѣческой природы и ея соціального назначенія *).

Правильное философское пониманіе сущности права и вза-

*) Greit u. Ulber, Einl. in d. Philosophie, p. 100. Подробнѣе объ отношеніи правотѣвнія къ философіи, — частнѣе къ немцѣ, см. A. Lasson. System d. Rechtsphilosophie. 1882. 2—8.

имнаго отношенія права естественнаго и историческаго не только сообщить твердое научное основаніе наукамъ юридическимъ, но и дать руководственное начало для практическаго примѣненія юридическихъ понятій въ жизни общественной. Будучи наукою идей, пріучая умъ человѣка не останавливаться на одной только видимости и вѣннемъ фактѣ, всегда отыскивая смыслъ и разумъ вещей, философія вмѣстѣ съ тѣмъ пріучитъ и юриста въ своей практической дѣятельности болѣе обращать вниманіе на смыслъ и духъ закона, чѣмъ на его мертвую букву, безусловное господство которой производитъ иногда то явленіе, что *summum jus* бываетъ часто *summa iniuria*,—явленіе, которое могло-бы показаться крайне удивительнымъ, если-бы мы не знали, что письмо убиваетъ, а духъ животворитъ. Но съ другой стороны философія, устанавливая истинное понятіе о правѣ, не допустить и другой крайности—подъ предлогомъ предпочтенія буквѣ закона его духа,—вносить тенденціозный характеръ въ примѣненіе законовъ подъ вліяніемъ ложныхъ философскихъ теорій. Такова напр. матеріалистическая теорія, отрицающая свободу воли и защищающая детерминизмъ человѣческихъ дѣйствій, вліяніе которой столь замѣтно въ современномъ расширеніи понятія о невмѣняемости и въ оправданіи преступныхъ дѣйствій силою вѣннихъ обстоятельствъ,—теорія, которая, если бы была проведена послѣдовательно, разрушила-бы самое основаніе юридическихъ наукъ, которыя могутъ имѣть дѣйствительное, а не фиктивное значеніе только при истинномъ понятіи о свободѣ.

Какъ идея права служить основоположеніемъ наукъ юридическихъ, такъ точно идеи общества и государства служатъ принципами наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ законовъ и формъ жизни соціальной и государственной. Какъ въ наукахъ юридическихъ, такъ и здѣсь эти принципы не могутъ быть выведены изъ однихъ только фактовъ вѣннихъ и историческаго опыта, но должны быть основаны на началахъ философскихъ. Опытъ говоритъ только о томъ, что есть и что было, но не говоритъ о томъ, что должно быть необходимо и всегда. Чтобы соціальныя и государственныя науки поэтому были не простымъ только историческимъ и фактическимъ изло-

женіемъ данныхъ общественныхъ формъ, но науками. основанными на твердыхъ началахъ, онѣ должны искать въ сущности человѣческой природы, въ назначеніи человѣка и въ его нравственной задачѣ основныхъ понятій о семействѣ, обществѣ, государствѣ, о нормальныхъ цѣляхъ и законахъ ихъ развитія. Только философія, а не внѣшній опытъ укажетъ намъ, что семейство, и по своему существу, и по происхожденію, и по нравственной цѣли, есть нѣчто гораздо высшее, чѣмъ простое сожительство, основанное на фізіологическомъ родствѣ,—аналогіи чему мы найдемъ и въ животномъ мірѣ. Только философія можетъ указать истинное начало общественной жизни въ разумно-соціальной природѣ человѣка, въ нравственномъ характерѣ ея, а не въ эгоистическомъ, сознательномъ или безсознательномъ соединеніи людей для лучшаго достиженія внѣшнихъ, утилитарныхъ цѣлей. Только философія, исходя изъ понятія о назначеніи человѣка, можетъ рѣшить, что такое государство само по себѣ и по своей идеѣ, какъ оно произошло, въ чемъ его высшая цѣль и какія поэтому могутъ быть правильныя средства къ наилучшему ея осуществленію.

Вѣрное понятіе о правѣ, обществѣ, государствѣ не останутся безъ благотворнаго, хотя и косвеннаго вліянія и на тѣ науки, главный предметъ которыхъ—изученіе законовъ и указаніе наилучшей организациі частной дѣятельности человѣка для достиженія цѣлей его матеріальнаго благосостоянія—науки камеральныя, напр. политическая экономія, сельско-хозяйственныя, промышленныя науки и пр. Это вліяніе скажется главнымъ образомъ въ томъ, что философія, установивъ правильное понятіе о высшей цѣли и назначеніи человѣка, объ отношеніи къ этой цѣли общества и государства, укажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и степень значенія для достиженія ея и матеріальнаго благосостоянія. Она приучитъ мысль, при обсужденіи способовъ этого благосостоянія, всегда имѣть въ виду эту главную и высшую цѣль и подчинять постоянному контролю ея обсужденіе чисто экономическихъ теорій и направленіе практическихъ мѣръ къ ихъ осуществленію. Это предотвратитъ опасность односторонняго эмпирическаго и чисто

утилитарнаго направленія наукъ, имѣющихъ въ виду вышнее благосостояніе человѣка, причемъ легко возможно не только столкновеніе низшихъ матеріальныхъ интересовъ съ высшими, духовными, но и незаконное иногда пожертвованіе послѣдними для достиженія исключительно вышняго благосостоянія.

Установленіе, подъ руководствомъ истинной философіи, основныхъ принциповъ наукъ соціально-государственныхъ и тѣсно связанныхъ съ ними экономическихъ тѣмъ важнѣе и необходимѣе, чѣмъ усиленіе въ наше время повсюду выражается стремленіе къ улучшенію соціального и экономического строя и чѣмъ болѣе въ ходѣ этихъ улучшеній принимаютъ участіе одностороннія, чисто теоретическія воззрѣнія. „Наше время“, по справедливому замѣчанію Гизо, „представляетъ довольно странное явленіе. Тогда какъ наука болѣе и болѣе пристращается къ опыту и убѣждается, что началомъ познанія должны служить опытные данныя, что никакая общая идея не можетъ имѣть значенія, если она не оправдывается фактами,—въ жизни общественной высказывается направленіе противоположное; здѣсь господствуетъ владычество идей, общихъ началъ, теорій, убѣжденій. Столѣтіе назадъ было совершенно иначе: въ наукѣ факты были худо изучаемы и мало уважаемы, умствованіе и воображеніе тамъ были на просторѣ и носились въ морѣ гипотезъ; въ жизни общественной, напротивъ, традиція, порядокъ, установленный вѣками, факты были всемогущи; напрасно разсудокъ во имя общихъ идей сталъ-бы возставать противъ существующаго положенія дѣлъ“.

„Какъ ни опасно такое направленіе, если оно вдается въ крайности, но въ существѣ своемъ оно истинно. Оно вытекаетъ изъ положенія человѣка въ мірѣ. Здѣсь онъ и зритель и дѣйствователь. Человѣкъ застаетъ въ мірѣ физическомъ все устроеннымъ прежде него; въ немъ онъ ничего не творитъ и не изобрѣтаетъ. Итакъ онъ долженъ принимать его и изучать какъ фактъ, ибо онъ существуетъ впѣ насъ, независимо отъ насъ. Другое дѣло, когда мы являемся дѣйствителями, творцами въ мірѣ нами самими созданномъ, мірѣ общественномъ. Здѣсь подъ вліяніемъ высшихъ идей мы призваны преобразо-

вывать, усовершенять то, что есть; мы призваны дѣйствовать на этотъ міръ и дѣйствовать разумомъ“.

Но если, такимъ образомъ, разумъ по праву является дѣйствующимъ началомъ въ жизни общественной и если это право въ наше время съ особенною настойчивостію старается заявить о себѣ независимо отъ фактовъ, созданныхъ историческимъ прошедшимъ, то тѣмъ настоятельнѣе необходимость правильного образованія разума тою наукою, которая по преимуществу и не безъ основанія называетъ себя, въ противоположность эмпириі, наукою разума, философіею. И если въ наше время дѣйствительно замѣчается увлеченіе односторонними теоріями съ неуваженіемъ къ законнымъ правамъ историческаго опыта и традиціи, то исправленія этого недостатка можно ожидать только отъ здоровой философской теоріи, которая должна служить вѣрнымъ компасомъ среди разнообразія мнимо раціональныхъ теорій общественной жизни и благоустройства,—теорій, мнимая раціональность которыхъ заключается единственно въ отрицаніи исторически сложившагося строя общественной жизни. Истинная философія покажетъ намъ, что въ глубинѣ духа человѣческаго заключаются вѣчныя и необходимыя идеи, составляющія существенную принадлежность его высшей, разумной природы, которая должна служить неизмѣннымъ руководящимъ началомъ всѣхъ возможныхъ измѣненій и улучшеній общественнаго быта. Она покажетъ намъ, что религія, семья, право, нравственность, государственная власть, собственность составляютъ необходимое выраженіе этихъ идей и что, отрицая эти понятія или поставляя выше ихъ идеи матеріальнаго довольства, мы идемъ вопреки своей природѣ и своему назначенію. Философія покажетъ намъ, что эти идеи, какъ необходимая и существенная принадлежность человѣческой природы, всегда должны находить свое осуществленіе въ исторической жизни человѣка; что какъ вся исторія человѣчества не есть сдѣяніе случайныхъ событій, но законосообразный процессъ развитія подъ высшимъ руководствомъ Промысла, такъ и историческія формы, въ которыхъ сложились религіозныя, нравственныя, юридическія, соціальныя понятія человѣка, не есть произведеніе причинъ

случайныхъ, напр. неразвитости его, злоупотребленій, предразсудковъ и т. п., но выраженіе необходимыхъ требованій историческаго разума, къ которымъ мы не вправѣ относиться съ легкомысленнымъ пренебреженіемъ. Она покажетъ намъ также, что историческая жизнь и ея развитіе не совершается отрывочно и скачками, но путемъ логическаго, законосообразнаго развитія, что настоящее имѣетъ свои корни въ прошедшемъ и не можетъ быть насильственно оторвано отъ него безъ вреда для цѣлаго общественнаго организма. А все это приучитъ насъ смотрѣть на исторически сложившіяся формы религіознаго, государственнаго, общественнаго быта съ тѣмъ уваженіемъ, какому онѣ заслуживаютъ, какъ выраженія разумной природы человѣка, а на частныя измѣненія и улучшенія этихъ формъ, въ силу закона усовершенствованности, свойственнаго человѣческой природѣ, не какъ на отрицаніе ихъ или на радикальное измѣненіе, но какъ на послѣдовательное развитіе заключающагося въ нихъ вѣковѣчнаго и разумнаго содержанія, которое само собою отразится и въ постепенномъ измѣненіи ихъ внѣшней, исторической оболочки, безъ всякаго болѣзненнаго потрясенія и ломки.

3. Глубочайшее основаніе историческихъ и соціально-юридическихъ наукъ, изъ которыхъ первыя носятъ по преимуществу теоретическій характеръ, послѣднія имѣютъ ближайшее отношеніе къ практической дѣятельности человѣка, составляютъ, какъ мы видѣли, идеи истины и добра, что составляетъ ихъ въ тѣсную связь съ философіею, какъ наукою идей, которая должна дать твердые принципы и вѣрное направленіе этимъ наукамъ. Третья основная идея человѣческаго духа—идея красоты или изящнаго, въ своемъ осуществленіи въ области чувства и фантазіи, создаетъ новый міръ искусства и наукъ, имѣющихъ въ виду уразумѣть законы и начертать формы художественной дѣятельности человѣка. Но если дѣйствительно созданія искусства не суть произведенія произвольной игры фантазіи, если, не смотря на безконечное разнообразіе своихъ формъ, они имѣютъ смыслъ, значеніе, служатъ выраженіемъ одной изъ идеальныхъ сторонъ нашей природы, то тѣмъ самымъ уже указываютъ, какъ и перваго рода науки, на ближайшее отно-

шеніе свое къ философіи. Ясное сознаніе и признаніе необходимости такого отношенія и создало науку объ изящномъ — эстетику, которая издавна включалась въ составъ наукъ философскихъ.

Въ наше время преобладанія чисто фактическихъ и эмпирическихъ знаній, эстетика, какъ извѣстно, не пользуется особеннымъ почетомъ. Одни вооружаются преимущественно противъ философскаго характера этой науки, другіе — противъ практическаго значенія и пользы ея въ дѣлѣ искусства.

Что историческія, даже археологическія изслѣдованія памятниковъ искусствъ и словесныхъ произведеній, изученіе внѣшнихъ условій ихъ появленія и біографіи важнѣйшихъ дѣятелей въ этой области имѣютъ важное значеніе для науки, это несомнѣнно. Но какъ въ другихъ областяхъ знанія, такъ и здѣсь неизбежно возникаетъ вопросъ: рѣшаютъ-ли эти фактическія и эмпирическія изслѣдованія всѣ вопросы, касающіеся искусства? Но какъ тамъ, такъ и здѣсь, мы должны отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Основнымъ предположеніемъ всѣхъ этихъ изслѣдованій служитъ понятіе изящнаго или прекраснаго; это понятіе съ одной стороны опредѣляетъ самое содержаніе подобныхъ изслѣдованій и отграничиваетъ ихъ отъ области другихъ наукъ, съ другой оно даетъ критерій для сравнительной оцѣнки произведеній искусства и литературы. Только подъ вліяніемъ этого понятія мы можемъ отвѣтить на вопросы: какія именно словесныя произведенія принадлежатъ къ области изящной литературы, какія къ области науки и какія не имѣютъ ни того, ни другаго значенія; почему мы называемъ одни произведенія художественными, другія нѣтъ и устанавливаемъ градаціи достоинствъ между ними? Но чтобы отвѣты на эти вопросы имѣли общеобязательное значеніе, чтобы наука о художественныхъ и литературныхъ произведеніяхъ была истинною наукою, а не выраженіемъ субъективныхъ мнѣній, она, какъ и другія науки, должна исходить не изъ предположеній или субъективныхъ убѣжденій и понятій, но изъ началъ твердо обоснованныхъ при помощи научнаго анализа ихъ. Но можетъ-ли открытъ намъ такія научныя начала одно чисто эмпирическое познаніе и изученіе произведеній искусства?..

Не говоримъ о томъ, что самая большая часть современныхъ историческихъ, философскихъ, біографическихъ, археологическихъ изслѣдованій, касающихся словесныхъ и художественныхъ произведеній, представляя массу цѣннаго фактическаго матеріала, имѣетъ очень отдаленное, чтобы не сказать болѣе, — никакого, — отношеніе къ уразумѣнію собственнаго, внутренняго смысла этихъ произведеній, какъ эстетическихъ, и для оцѣнки ихъ именно съ этой точки зрѣнія, и носитъ поэтому характеръ историческаго, а не эстетическаго матеріала. Если мы, имѣя въ виду, какъ и слѣдуетъ, внутреннюю и эстетическую сторону художественныхъ произведеній, обратимся къ простому, эмпирическому изученію ихъ, можемъ-ли мы, слѣдуя однимъ этимъ путемъ, достигнуть полнаго разъясненія этой стороны и уразумѣнія законовъ развитія изящнаго? Произведенія, которыя въ разные вѣка, у различныхъ народовъ, лицъ удовлетворяли эстетической потребности человѣка, чрезвычайно разнообразны, часто противоположны. То, что одному народу, одно время, казалось прекраснымъ и изящнымъ, другому представлялось не только лишеннымъ всякаго эстетическаго достоинства, но даже безобразнымъ. Не говоримъ о различіи вкусовъ и направленій, измѣнчивыхъ съ теченіемъ времени, даже у народовъ цивилизованныхъ и въ высшихъ культурныхъ слояхъ. Стоя на почвѣ фактовъ и однихъ только фактовъ, какое мы имѣемъ право произносить свое сужденіе объ этихъ разнообразныхъ произведеніяхъ творческой фантазіи, называть одни изъ нихъ прекрасными, другія — безобразными? Эмпирически всѣ они равноправны, какъ скоро удовлетворили нашему чувству, вызвали въ немъ извѣстнаго рода пріятное ощущеніе. Какъ объ истинѣ выражались софисты: „подлинной истины нѣтъ; истинно то, что каждому кажется истиннымъ“, — такъ и объ изящномъ мы должны будемъ сказать: прекрасно то, что каждому кажется прекраснымъ, что кому нравится. Если-же подобное воззрѣніе разрушило-бы все значеніе наукъ, разсуждающихъ объ изящномъ, обратило-бы всѣ изслѣдованія, сюда относящіяся, въ праздную потерю времени и труда на изученіе предметовъ, не имѣющихъ никакого объективнаго значенія и цѣнности, то очевидно, въ нашемъ умѣ, независимо

сть фактовъ, существуетъ идея изящнаго или норма, по которой мы понимаемъ и оцѣниваемъ достоинство данныхъ на опытѣ изящныхъ произведеній, которая ихъ объединяетъ, и большая или меньшая близость ихъ къ которой опредѣляетъ ихъ относительное значеніе. Такая идея и дѣйствительно всегда предносится уму каждаго изслѣдователя въ области искусства, точно также какъ она предносится и уму самого художника или поэта, но предносится безотчетно, какъ его личный вкусъ и тактъ, какъ его личное мнѣніе. Сужденія, основанныя на этой идеѣ, конечно, могутъ быть правильными, но чтобы онѣ были не личными мнѣніями или мнѣніями современнаго большинства, но истинно научными сужденіями, необходимо, чтобы самая эта идея, независимо отъ эмпирическаго ея обнаруженія, была изслѣдована въ ея существѣ и въ ея отношеніи и связи съ другими основными идеями человѣческаго духа. А это необходимо требуетъ философской постановки науки объ изящномъ, такъ какъ только философія можетъ указать независимую отъ частныхъ и случайныхъ проявленій идею изящнаго, указать истинную сущность ея, а отсюда, при помощи конечно историческаго изученія художественныхъ произведеній, вывести неизмѣнныя, общеобязательныя условія, законы и формы искусства.

Установивъ основной принципъ изслѣдованія произведеній искусства и чрезъ то сообщивъ истинно-научную основательность наукамъ, занимающимся ихъ изученіемъ, философія, какъ и въ другихъ областяхъ знанія, будетъ содѣйствовать и внутреннему расширенію ихъ содержанія, полнотѣ научнаго ихъ изслѣдованія. Мы не станемъ входить здѣсь въ анализъ каждаго изящнаго искусства съ цѣлію показать, что каждое изъ нихъ, кромѣ общаго основоположенія—идеи изящнаго, имѣетъ свою, собственно себѣ свойственную, идеальную, философскую сторону и вызываетъ вопросы, которые не могутъ быть рѣшены эмпирически, безъ помощи философіи. Остановимся на одномъ изъ нихъ,—словесномъ искусствѣ, и въ немъ—на одной только внѣшней сторонѣ его, на самомъ органѣ или средствѣ, которое служитъ для выраженія разнообразнаго содержанія этого искусства. Мы разумѣемъ человѣческое слово. Не

смотря на громадныя успѣхи, которыми можетъ похвалиться въ послѣднее время лингвистика, а особенно сравнительное языкознаніе, можемъ-ли мы сказать, что, оставаясь на чисто фактической почвѣ, мы въ состояніи рѣшить всё и притомъ принципиальные вопросы, касающіеся человѣческаго языка и разъяснить вполне этотъ столь важный феноменъ психической жизни, происхожденіе котораго, по справедливому замѣчанію Гердера, есть величайшее чудо земнаго творенія послѣ происхожденія живыхъ органическихъ существъ? Какимъ образомъ впечатлѣнія нашихъ чувствъ, преимущественно зрѣнія, мы можемъ воплощать и выражать въ совершенно, повидимому, отличныхъ отъ нихъ звукахъ голоса, и какимъ образомъ эти звуки могутъ передавать другимъ, возбуждать и выражать не только впечатлѣнія чувствъ, но и абстрактныя понятія и мысли? Вибрація голосовыхъ звуковъ, черты, начертанныя рукою на бумагѣ, становятся образомъ міра, типомъ нашихъ мыслей и чувствованій, способнымъ возбуждать и собственныя наши мысли и передавать ихъ другимъ. Какъ объяснить то, что при помощи немногихъ звуковъ и ихъ разнообразнаго сочетанія мы можемъ представить себѣ и передать другимъ все, что находится въ насъ, внѣ насъ и выше насъ, что постоянно движется, исчезаетъ, живетъ? Откуда вибрирующій воздухъ или мертвая буква, начертанная нашею рукою на бумагѣ, получаетъ силу нисходить въ глубину духа и тамъ вызывать то тихія движенія сердца, то бурю страстей, то возвышать его до божественнаго, то унижать до животнаго? Какъ объяснить значеніе слова для нашего собственнаго, внутренняго развитія, ибо мы видѣли, что для нашего разума почти не существуютъ тѣ идеи и понятія, для которыхъ мы не находимъ выраженія въ словѣ, и самое сильное и живое созерцаніе ума остается темнымъ и смутнымъ чувствомъ, пока душа не фиксируетъ его въ словѣ? Всѣ эти и подобныя вопросы для эмпирической филологіи—неразрѣшимая загадка; только философія, путемъ изученія разумной человѣческой природы и отношеній ея къ міру физическому и сверхчувственному, можетъ надѣяться на разрѣшеніе этой загадки и указать связь, существенно соединяющую слово съ разумомъ.

И многія животныя имѣютъ голосъ, но не могутъ выражать имъ мыслей и понятій; только человѣкъ имѣетъ способность рѣчи, т. е. способность въ членораздѣльныхъ звукахъ и ихъ законосообразныхъ сочетаніяхъ выражать мысли и чувства. Отсюда видно, что способность рѣчи самымъ тѣснымъ образомъ соединена съ способностію мышленія—разумомъ, и только потому, что человѣкъ обладаетъ разумомъ, онъ въ состояніи создать въ языкѣ правильную систему членораздѣльныхъ звуковъ, какъ отображеніе своей внутренней системы мыслей и понятій. Отсюда видно, что природа языка можетъ быть понята только изъ природы разума; тотъ и другой взаимно себя предполагаютъ и условливаютъ и на это соотношеніе указалъ еще Платонъ, говоря (въ Тэтетѣ), что мышленіе есть внутренній разговоръ души самой съ собою, а слово—внѣшнее отображеніе мысли.

Установленіемъ твердаго принципа научнаго знанія въ области искусства, расширеніемъ его границъ и углубленіемъ содержанія не ограничивается значеніе философіи въ этой области. По общей тѣсной связи науки съ жизнью, мы имѣемъ право предположить а priori, что такой или иной характеръ теоріи искусства долженъ необходимо отразиться въ практическомъ осуществленіи эстетическаго идеала въ искусствѣ и литературѣ и сообщить имъ извѣстное направленіе. Правда, противъ такого вліянія или „вмѣшательства“ философіи—эстетики въ живое дѣло искусства сильно и, повидимому, не безъ основанія возстаютъ защитники полной его свободы и самостоятельности. Къ чему, говорятъ, здѣсь философія? Геній и самая способность наслаждаться произведеніями искусства и ихъ оцѣнивать врождены намъ и не могутъ быть даны никакимъ наученіемъ, никакою теоріею. Прежде чѣмъ явился Аристотель съ своею пѣтикою и риторикою, какъ судья и теоретикъ искусства, давно существовали Гомеръ, Пиндаръ, Софокль, Аристофанъ и другіе поэты и ихъ пѣсни и стихи жили въ устахъ одаренныхъ художественнымъ смысломъ грековъ. Время высшаго цвѣта изящныхъ искусствъ уже прошло, когда начала образовываться теорія искусства, и она не была въ состояніи ни оживить его, ни даже исправить испорченность художественнаго вкуса.

Что изящныя произведенія существовали прежде, чѣмъ явилась философія искусства, это конечно также вѣрно, какъ и то, что существовало звѣздное небо прежде, чѣмъ явилась астрономія, общественныя и юридическія отношенія прежде, чѣмъ явилась философія права, добрыя нравы прежде, чѣмъ ионка. Но очевидно также мало и по тѣмъ-же основаніямъ можетъ говорить противъ значенія и вліянія теоріи искусства, какъ и противъ значенія другихъ наукъ, то обстоятельство, что всѣ онѣ явились долго спустя послѣ фактическаго существованія ихъ содержанія. Какъ астрономія, науки социальныя, юридическія, нравственныя, какъ скоро онѣ явились и достигли извѣстной степени развитія, имѣютъ несомнѣнное обратное вліяніе на практическое приложеніе своихъ понятій, такъ и эстетика, и вообще теорія словесности и искусства. Конечно, это вліяніе не въ томъ состоитъ и должно состоять, чтобъ учить человѣка создавать художественныя произведенія. Философія не имѣетъ притязанія посредствомъ эстетики образовывать поэта или художника; для этого прежде всего нуженъ независимый отъ науки талантъ или гений. Но она можетъ содѣйствовать развитію существующаго и даннаго природою таланта путемъ общаго эстетическаго образованія его творческой способности. Мысль, будто для художественнаго творчества нуженъ одинъ только талантъ и такъ называемое вдохновеніе, есть не болѣе, какъ предразсудокъ. Какъ въ области науки, такъ и въ области искусства таланту и вдохновенію принадлежитъ многое, но не все. Въ средѣ дикарей, не смотря на природныя таланты многихъ изъ нихъ, также не можетъ возникнуть Шекспира или Шиллера, какъ Ньютона или Коперника, Платона или Канта. Только на почвѣ широкаго умственнаго развитія и усвоенія всего научнаго міросозерцанія даннаго времени можетъ развиться и принести плодъ врожденный талантъ, даже гений. И мы знаемъ, что всѣ великіе поэты, также какъ и ученые, были высоко и широко образованными людьми своего времени, достигнувшими высокаго интеллектуальнаго уровня своего вѣка, если не путемъ школы и теоріи, то путемъ собственнаго саморазвитія и опыта жизни. Но если это такъ, если для развитія литературнаго таланта и художественнаго чув-

ства нужно значительное умственное образованіе, то этимъ самымъ уже обеспечивается законное вліяніе философіи искусства въ дѣлѣ практическаго осуществленія его. Ибо помимо общаго научнаго образованія, здѣсь конечно особенное значеніе должна имѣть та именно сторона его, которою оно ближе соприкасается съ предметомъ спеціальныхъ занятій дѣятеля на полѣ искусства. Философія искусства не только уяснить для литератора-художника ту идею изящнаго, которою онъ безотчетно и инстинктивно руководствуется въ своей дѣятельности, но и предохранить его отъ увлеченія не всегда эстетическимъ вкусомъ большинства. Сверхъ того, она окажетъ ему несомнѣнную помощь и при изученіи художественныхъ образцовъ что не менѣе общаго теоретическаго образованія необходимо для развитія природнаго художественнаго таланта, потому что только эстетика можетъ дать истинную норму для сравнительной оцѣнки изящныхъ произведеній и для отличенія въ нихъ вѣчнаго и истинно-художественнаго отъ случайнаго наслоенія временныхъ, мѣстныхъ и личныхъ элементовъ, имѣющихъ лишь историческое и преходящее значеніе.

Но несравненно больше чѣмъ на художественное образованіе дѣятелей искусства, философія можетъ имѣть вліянія на его развитіе, распространеніе не только правильныхъ эстетическихъ идей, но вообще здраваго философскаго міросозерцанія въ обществѣ чрезъ поднятіе уваженія къ искусству вообще, чрезъ устраненіе одностороннихъ воззрѣній на него, ведущихъ къ общему пониженію уровня эстетическаго чувства и косвенно содѣйствующимъ упадку литературы и искусства. Только истинная философія, признающая самостоятельное значеніе и не эмпирическое происхожденіе идей и высшее, вслѣдствіе этого, ихъ нравственное и соціальное значеніе, можетъ обезпечить за изящными искусствами ихъ мѣсто среди высшихъ стремленій и обнаруженій человѣческаго духа. Только она можетъ указать связь идеи изящнаго съ другими высшими идеями человѣческаго духа и съ тою высочайшею идеею абсолютнаго, въ которой объединяются всѣ прочія идеи и которая сообщаетъ имъ характеръ идеальной истины и достовѣрности, а отсюда объяснить и оправдать то громадное значеніе, которое искусство

имѣло и должно имѣть для образованія не только отдѣльныхъ лицъ, но и народовъ. Оторванное отъ этой живой связи съ высшими стремленіями нашего духа, враждебное религіи, чуждое нравственныхъ началъ, искусство зачахнетъ и завянетъ какъ растеніе, оторванное отъ своей естественной почвы. И дѣйствительно, мы видимъ на опытѣ, что упадокъ въ обществѣ раціональной философіи, распространеніе матеріалистическихъ воззрѣній въ теоріи, а въ жизни матеріалистическаго утилитаризма всегда было губительно для процвѣтанія искусства. Матеріализмъ до сихъ поръ не создалъ никакой научной теоріи искусства, не произвелъ ничего прочнаго и истинно великаго въ области поэзіи. Этого мало; онъ неизбежно долженъ привести къ полному упадку изящной литературы и искусства, потому что отвергаетъ высшее значеніе идей его одушевляющихъ и назначеніе его видитъ только въ сообщеніи внѣшней пріятной формы выраженія для чисто эмпирическаго содержанія, которое одно для него имѣетъ истину и цѣнность. Отсюда литература и искусство получаютъ грубо реалистическій характеръ такъ называемаго подражанія природѣ, значительно суживающей область искусства и лишаящей его высшаго идеальнаго элемента, который одинъ дѣлаетъ искусство не пріятнымъ только занятіемъ и развлеченіемъ, но могучею силою, служащею высшимъ цѣлямъ человѣческаго духа. Но можетъ быть шагъ еще дальше по пути пониженія уровня искусства подъ вліяніемъ идей ложной философіи. Это тогда, когда, подъ вліяніемъ грубо матеріалистическаго воззрѣнія, что только внѣшнее, осязательно полезное имѣетъ для человѣка истинную реальность и значеніе, теряется даже сознаніе безотносительнаго достоинства изящной формы, когда искусство становится безразличною для внутренняго содержанія оболочкою, имѣетъ привлекательность и цѣнность только для мало развитыхъ людей. При такомъ въ сущности пренебрежительномъ взглядѣ на искусство, оно легко и часто сознательно обращается въ средство прельщенія умовъ, въ орудіе для распространенія, при помощи его, чуждыхъ ему превратныхъ теорій и убѣжденій. Литература и искусство, теряя всякое самостоятельное образовательное значеніе, получаютъ тенденціозный характеръ, окончательно ихъ губящій и обращаю-

щій въ унизительное рабство служенія чуждымъ имъ цѣлямъ. Предотвратить такое искаженіе искусства, возвратитъ ему свойственное ему высокое и самостоятельное положеніе и должно быть одною изъ задачъ не только философіи искусства, но и вообще истинной философіи, которая, возвышаясь надъ внѣшней эмпирическою дѣйствительностію, занимаясь идеальною стороною бытія, тѣмъ самымъ и въ области искусства покажетъ высокое значеніе идеала, какъ духовнаго элемента, оживляющаго внѣшнюю форму его и сообщающаго истинную цѣнность и значеніе произведеніямъ искусства.

В. Кудрявцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *)

II.

Важнѣйшія основанія и выводы философіи Платона.—Въ чемъ сходится Платонъ съ атомистами?—Главный отличительный пунктъ (сравнительно съ атомистами) въ его ученіи о сущемъ.—Исторія Платоновскаго понятія о матеріи.—Анаксимандръ, пифагорейцы, Гераклитъ, Зенонъ, Анаксагоръ.—Ученіе Анаксагора объ умѣ, какъ началъ невещественномъ, духовномъ.—Неудовлетворительность, съ точки зрѣнія атомистической, ученія Анаксагора объ умѣ и матеріи.

Платонъ вполне соглашался съ тѣмъ утвержденіемъ атомистовъ, что сущее не одно, а есть много сущаго ¹⁾. Онъ далѣе удерживаетъ во всей силѣ и тѣ опредѣленія сущаго, которыя впервые были высказаны элейскою школою, а затѣмъ были признаны также и усвоены атомистами. Платонъ также, какъ и атомисты, полагалъ, что хотя сущее не едино, а множественно, однакожъ каждая отдѣльная, такъ сказать, часть сущаго, каждый отдѣльный членъ этого множества есть единая, неизмѣнная, полная, всецѣло заключенная въ себѣ, сущность. Но при этомъ атомисты признавали таковыя неизмѣнныя недѣлимыя сущности или части неограниченнаго множества—тѣлами. По Платону-же эти сущности безтѣлесны, невещественны ²⁾. Здѣсь очевидно, мы имѣемъ дѣло съ новою и

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 11.

¹⁾ Есть цѣлый діалогъ (*Парменидъ*), содержаніе котораго состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что показывается необходимость мыслить какъ единое, такъ и многое, т. е. разъясняется, что въ единое немыслимо безъ множества, ни множество безъ единства. Что бытіе не одно, а множественно, это доказывается также (противъ элеатовъ) въ діалогѣ *Софистъ* 244—245.

²⁾ Въ томъ-же діалогѣ *Софистъ*, въ которомъ доказывается, что бытіе множественно—доказывается также (противъ атомистовъ), что кромѣ тѣлеснаго есть еще бытіе безтѣлесное. „Тѣ, которые утверждаютъ рѣшительно, что только то есть,

весьма важною характерною особенностію идеализма, съ тѣмъ именно кореннымъ его предположеніемъ, что кромѣ тѣлеснаго, вещественнаго бытія есть еще высшая, доступная только умозрѣнію, а не чувствамъ область бытія духовнаго безтѣлеснаго. ¹⁾ Необходимо показать происхожденіе этой новой и важнѣйшей черты древняго идеализма.

Для Платона имѣлъ важное значеніе вопросъ: могутъ-ли быть тѣла (все равно большія-ли или малыя, хотя-бы и малѣйшія, каковы атомы) неизмѣняемы и неразрушимы? Вопросъ-же этотъ необходимо возникаль вслѣдствіе того, что еще ранѣе атомистической теоріи было выражено и затѣмъ довольно прочно установилось совершенно иное понятіе о веществѣ, или матеріи, вопляѣ отличное отъ того, какое предполагается атомистикою. Прежде всего *Анаксимандръ*, какъ говорятъ, ученикъ и другъ перваго греческаго философа *Талеса*, для котораго, какъ и для самого Анаксимандра, не существовало еще никакой иной природы кромѣ вещественной,—этотъ Анаксимандръ высказаль ту важную мысль, что основнымъ началомъ всего существующаго необходимо признать нѣчто *безграничное*, способное производить изъ себя все; нимало при этомъ не истощаясь, и снова поглощать въ себѣ все изъ него происшедшее. ²⁾ Но, конечно, умъ греческій, всегда искавшій представ-

что можно схватить и взять въ руки, полагая такимъ образомъ, что существовать значить быть тѣломъ (*ταὐτὸν σῶμα καὶ οὐσίαν ὀρίζόμενος*), должны однако согласиться, что есть одушевленное тѣло (*σῶμα ἐμψυχον*), что слѣд. и душа также существуетъ, а не только тѣло; а если скажутъ, что и душа тѣлесна, то уже никакъ нельзя признать тѣлесными и самыя свойства, принадлежащія душѣ, каковы справедливость и несправедливость, разумность и неразумность, а между тѣмъ все это есть, существуетъ, ибо все могущее дѣйствовать на другое или испытывать дѣйствіе другаго и есть существующее. 246 с.—248.

¹⁾ Въ *Тимей* Платонъ раздѣляетъ слѣдующіе виды сущаго: одинъ видъ есть происходящее, другой составляетъ то, въ чемъ происходящее происходитъ и третье есть то, по подобію чего все происходящее происходитъ (*τὸ μὲν γιγνόμενον, τὸ δ' ἐν, ᾧ γίγνεται, τὸ δ' ὅθεν ἀφομοιοῦμενον φύεται τὸ γιγνόμενον* 50 с.). Одинъ изъ этихъ родовъ сущаго, именно тотъ, по подобію котораго все происходитъ, не рожденъ и непреходящъ, недоступенъ чувствамъ, а постижимъ только для ума (52 а). Итакъ съ одной стороны идеи (первообразы всего существующаго), а съ другой—души (см. предыдущее примѣч.) вотъ область бытія безтѣлеснаго, духовнаго.

²⁾ *Ἀναξίμανδρος... ἀρχὴν τε καὶ στοιχεῖον εἶρηκε τῶν ὄντων το ἄπει-*

леній ясныхъ и точно опредѣленныхъ, и потому признававшій не совершеннымъ все неимѣющее опредѣленныхъ очертаній и границъ, не могъ надолго остановиться на такомъ недостаточномъ опредѣленіи основосущаго. И дѣйствительно, *пифагорейцы* къ безграничному Анаксимандра присоединили другое начало, — *границу*, или *ограничивающее* (το πέρας, το περάσιον) и это есть число ¹⁾. Правда, пифагорейцы, повидимому, разумѣли число, какъ начало вещественное. Все вещественное опредѣляется мѣрою, вѣсомъ и числомъ, причемъ и мѣра и вѣсъ также выражается числомъ, но подобно тому какъ первые философы, полагая въ основу вещей какое-либо стихійное начало, видѣли въ этомъ пачалѣ и матеріаль, изъ котораго все образуется, и вмѣстѣ силу образующую, формирующую матеріаль, — такъ и первые пифагорейцы еще не различали числа отъ исчисляемаго, а потому и раздѣленіе началъ — неограниченнаго и границы или ограничивающаго они переносили на самое число, полагая эти начала существующими въ самыхъ числахъ (четное и нечетное). При всемъ томъ само по себѣ различіе двухъ началъ: *неограниченнаго* и *ограничивающаго* было крайне важно по своимъ послѣдствіямъ. Пусть пифагорейцы и неограниченное и ограничивающее — оба эти начала представляли, какъ начала вещественныя, однако-же необходимо было выяснитъ различіе между этими началами, опредѣлитъ, такъ сказать, отличительную природу каждаго; слѣдовало оправдать самое различіе

ρον, πρῶτος τοῦτο τοῦνομα κομίσας τῆς, ἀρχῆς, λέγει δ' αὐτῆν μήτε ὕδωρ μήτε ἄλλο.... Mullach. 1, 240. Doxographi 277.

¹⁾ Аристотель о пифагорейцахъ выражается такъ: они полагали, что въ числахъ заключается много сходнаго съ сущимъ и происходящимъ въ дѣйствительности больше, чѣмъ въ огнѣ, и землѣ и водѣ (ἐν δὲ τοῖς ἀριθμοῖς ἐδόχουσι θεωρεῖν ὁμοιώματ' ἀπολλὰ τοῖς οὖσι καὶ γιγνομένοις...). Вообще они находили, что все прочее со всѣмъ своимъ существомъ образовано по подобію числа, а какъ число предшествуетъ всему (οἱ δ' ἀριθμοὶ πάσης τῆς φύσεως πρότεροι), то они признали элементы числа элементами всего сущаго. Метаф. 1, V. 985, 6. Изъ этихъ словъ Аристотеля, повидимому, слѣдуетъ, что пифагорейцы отличали числа, какъ Платонъ идеи, отъ вещей. Но въ другомъ мѣстѣ (ibid XIV, 3. 1090. a) онъ прямо говоритъ, что пифагорейцы не раздѣляли чиселъ отъ чувственнаго бытія вещей. Въ *Филебѣ* Платонъ, въ духѣ пифагорейской философіи, различаетъ слѣдующіе роды сущаго: неограниченное (ἄπειρον), граница (πέρας), смѣшанное изъ того и другаго (ἐξἄμφοῖν ζυμμισγόμενον) и причина смѣшенія, 25, а и дал.

этихъ началъ, а что-же другое можетъ быть признакомъ неограниченнаго начала, какъ не безмѣрная измѣняемость? Неограниченность въ виду ограничивающаго начала можно было понимать только, какъ постоянное стремленіе къ порожденію все новыхъ и новыхъ перемѣнъ безъ мѣры и числа; но этому неудержимому стремленію къ перемѣнамъ полагаетъ границу другое начало, и вслѣдствіе того, вмѣсто неудержимо слѣдующихъ одна за другою перемѣнъ и ни на чемъ опредѣленномъ не останавливающихся, мы видимъ рожденіе вещей и существъ съ опредѣленными свойствами, въ которыхъ потокъ измѣняемости представляется какъ-бы задержаннымъ въ нѣкоторой мѣрѣ.

Къ такому понятію о неограниченномъ началѣ, какъ имѣющимъ въ своей природѣ неудержимое стремленіе къ измѣненію, приводило уже ученіе *Гераклита* о всеобщей измѣняемости вещей. По Гераклиту, измѣняемость эта такъ велика, что нѣкоторое замѣчаемое нами постоянство есть не болѣе, какъ призракъ. На самомъ дѣлѣ все существующее въ мірѣ также измѣнчиво, какъ въ рѣкѣ постоянно смѣняется одна волна другою, такъ что „невозможно дважды вступить въ одинъ и тотъ же потокъ“ ¹⁾.

Если-же неограниченное есть начало, подверженное непрерывной перемѣнѣ, то другое начало, ограничивающее, какъ противоположное неограниченному, очевидно, должно быть неизмѣннымъ, всегда равнымъ самому себѣ. Вопросъ теперь въ томъ, — какъ разграничить одно начало отъ другаго, что должно признать неограниченнымъ и что ограничивающимъ? По видимому и атомистическая теорія даетъ разрѣшеніе этого вопроса; и по этой теоріи измѣняемость вещей безпредѣльна, но только атомисты такую безграничную измѣняемость относили къ сложнымъ тѣламъ; простыя-же тѣла, атомы, напротивъ, не-

¹⁾ „Нельзя, говорить Гераклитъ, дважды вступить въ тотъ-же потокъ, ни смертную сущность воспріять въ томъ-же состояніи дважды (*οὐδέ θνητῆς οὐσίας δις ἄψαθαι κατὰ ἕξιν*), ибо сила и скорость измѣненія разсѣиваетъ и вновь собираетъ, притомъ не дѣлаетъ одно послѣ другаго, а вмѣстѣ все и слагается и разлагается, и присоединяется и отлагается; потому то рождаемое никогда не достигаетъ устойчиваго бытія, ибо никогда не прекращается и не останавливается самое рожденіе (*οὐδεν οὐδ' εἰς τὸ εἶναι παύειν τὸ γινόμενον αὐτῆς, τῷ μηδέποτε λήγειν μηδ' ἴστασθαι τῇ γένεσιν*). Mallach. 1, 317 (21 fragm).

измѣняемы по атомистической теоріи. Итакъ, и по этой теоріи также выходитъ, что есть измѣняемое безъ конца, но есть и неизмѣнное, и притомъ, что въ особенности важно, эту теорію совершенно ясно разграничивается одно отъ другаго,—измѣняемое отъ неизмѣннаго. Измѣнное—атомы, измѣняемое-же это разнообразныя, *безконечныя*, по числу и виду, сочетанія атомовъ; сложное измѣняемо, простое-же неизмѣнно. Но тутъ возникаетъ новый вопросъ: можетъ-ли быть тѣлесное или вещественное простымъ, недѣлимымъ, а потому и неизмѣннымъ? Одиъ-ко-жъ еще *Зенонъ*, одинъ изъ представителей элейской школы, показалъ, что дѣлимость всего сложнаго простирается въ безконечность, чѣмъ онъ оправдывалъ отрицаніе множества и движенія ¹⁾.

Итакъ матерія, вещество, предполагаетъ безконечную дѣлимость, а потому и безграничность вещества должна быть не только качественною, но и количественною, т. е. вещество допускаетъ не только безконечный переходъ изъ одного состоянія въ другое, но и безконечное дробленіе сложнаго на части. Такое именно понятіе о матеріи мы находимъ у *Анаксагора*. По Анаксагору, во всемъ, т. е. во всякой хотя-бы и малой вещи, содержатся частицы всего, слѣдовательно безконечное множество частицъ. ²⁾ При такомъ понятіи о веществѣ ясно, что уже нельзя было и начало ограничивающее представлять, какъ вещественное, ибо вещество ни въ какомъ смыслѣ само въ себѣ не заключаетъ ограниченія, слѣдовательно это ограниченіе можетъ исходить только отъ иного начала, отличнаго отъ самой матеріи или вещества. Такое начало, ограничивающее вещество, по Анаксагору, есть *умъ*. Что-жъ такое

¹⁾ Зенонъ, извѣстный діалектикъ, доказывалъ невозможность *движенія и множества* тѣмъ, что, допуская первое, приходится признать, что движущееся тѣло въ опредѣленное время проходить *безконечное* множество частей пространства, а допуская второе необходимо признать все состоящимъ изъ безконечнаго множества частей, такъ какъ при существованіи множества, это множество, будетъ-ли то пространство или вещь, находящаяся въ пространствѣ, должно быть безконечно дѣлимымъ, слѣд. ни что никогда не можетъ быть вполнѣ раздѣленнымъ и исчерпаннымъ по своимъ составнымъ частямъ.

²⁾ Понятіе Анаксагора о матеріи точно такое, какое предполагается аргументаціею Зенона противъ существованія множества. См. предъидущ. примѣч., а также слѣдующ. за симъ.

умъ Анаксагора? Важно прежде всего то, что Анаксагоръ рѣшительно и ясно раздѣляетъ умъ отъ вещества, и слѣдовательно рассматриваетъ его, какъ начало невещественное, духовное ¹⁾. Умъ не могъ-бы владычествовать надъ всѣмъ, слѣдовательно не былъ-бы творческимъ мірообразующимъ началомъ, если-бы онъ не былъ чистъ, свободенъ отъ всякой примѣси, если-бы т. е. онъ былъ неразрывно связанъ съ матеріею, а не былъ началомъ духовнымъ, невещественнымъ. Какъ начало невещественное, нематеріальное, разумъ хотя находится повсюду, но притомъ остается недѣлимимъ (дѣлимость свойство матеріи), ибо и малая часть ума равна бѣльшей, т. е. во всемъ не часть ума присутствуетъ на самомъ дѣлѣ, а весь умъ (какимъ образомъ иначе онъ могъ-бы все знать?), будучи во всемъ своемъ существѣ однороденъ и этимъ различаясь отъ матеріи, которая есть смѣсь разнородныхъ частицъ и никогда качественно простою, однородною не бываетъ ²⁾. Что дѣйствительно умъ Анаксагора недѣлимъ, это видно изъ того, какъ Анаксагоръ понималъ дѣлимость. Во всемъ есть частицы всего, но эти

¹⁾ Τὰ μὲν ἄλλα παντὸς μοῖραν μετέχει, νόος δὲ ἐστὶ ἄπειρον καὶ αὐτοκρατὴς καὶ μέμικται οὐδενὶ χρήματι, ἀλλὰ μόνος αὐτὸς ἐφ' ἑωυτοῦ ἐστὶ. Εἰ μὴ γὰρ ἐφ', ἑωυτοῦ ἦν, ἀλλὰ τεφ' ἐμέμικτό τεφ' ἐν παντὶ γὰρ παντὸς μοῖρα ἔνεστι καὶ ἐκώλυε ἄν αὐτὸν, τὰ συμμειγμένα, ὥστε μηδενὸς χρήματος κρατέειν ὁμοίως ὡς καὶ μόνον ἔόντα ἐφ' ἑωυτοῦ. Ἔστι γὰρ λεπτότατον τε πάντων χρημάτων καὶ καθαρώτατον, καὶ γνώμην γε, ὑπερὶ παντὸς πᾶσαν ἰσχει καὶ ἰσχύει μέγιστον. Т. е. все другое имѣетъ въ себѣ часть всего; умъ-же неограниченъ и самовластенъ и ни съ чѣмъ не смѣшивается, но самъ по себѣ существуетъ. Ибо если бы онъ не былъ независимъ отъ всего, тогда онъ смѣшиваясь бы со всякою вещью, такъ какъ во всемъ есть часть всего, и смѣшанное съ нимъ препятствовало-бы ему господствовать надъ каждою вещью такъ, какъ онъ господствуетъ, будучи ни съ чѣмъ не смѣшанъ. Ибо онъ есть изъ всего чистѣйшее и тончайшее и обладаетъ знаніемъ всего и имѣетъ власть величайшую. Mullach. 1,249 (6 fragm.) Читатель конечно замѣтилъ, что здѣсь умъ называется *безграничнымъ* (ἄπειρον), но это очевидно въ томъ смыслѣ, что будучи началомъ ограничивающимъ, умъ самъ ни чѣмъ не ограничивается по своей силѣ и могуществу. Дѣло въ томъ, что матерія въ соединеніи съ ограничивающимъ ее началомъ уже не есть безграничное, т. е. по дѣйствительному своему состоянію, она остается неограниченною только по возможности, т. е. по тому, чѣмъ она *можетъ быть*, какъ это разъяснено потомъ Аристотелемъ.

²⁾ Νόος δὲ πᾶς ὁμοίος ἐστὶ καὶ ὁ μέζων καὶ ὁ ἐλάσσων. Ibid.

частицы остаются *неразличимыми*, т. е. въ скрытомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока умъ не сдѣлаетъ ихъ различимыми, явными ¹⁾. Итакъ раздѣленіе условливается различеніемъ, которое есть дѣйствіе ума. Но въ самомъ умѣ ничего различнаго нѣтъ; онъ *подобенъ* во всемъ своему существу. Такимъ образомъ умъ, будучи самъ въ себѣ неразличимымъ и потому недѣлимымъ, производитъ въ матеріи раздѣленіе, коль скоро приводитъ ее въ движеніе, такъ что умъ прежде всего есть начало движущее; матерія, слѣдовательно, безъ содѣйствія ума сама по себѣ оставалась-бы неподвижною ²⁾.

Если предположить, что *Демокритъ* жилъ и философствовалъ, когда философія Анаксагора была уже извѣстною (точныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется), то столь неудовлетворительное понятіе, выраженное Анаксагоромъ о *дѣятельности* ума, могло послужить для него достаточнымъ поводомъ къ отрицанію ума, какъ начала самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ вещества. Ибо движеніе, по Демокриту, какъ мы видѣли, есть свойство необходимо присущее атомамъ, по причинѣ ихъ тяжести, и потому нѣтъ необходимости предполагать отдѣльную отъ атомовъ причину ихъ движенія. Съ другой стороны и самое понятіе Анаксагора о матеріи могло представляться Демокриту неудовлетворительнымъ, ибо по этому понятію въ матеріи господствуетъ различіе, такъ какъ матерія есть смѣсь всего и все въ ней различно, между тѣмъ какъ по общепринятому тогда мнѣнію только подобное можетъ дѣйствовать на подобное (Анаксагоръ это мнѣніе оспаривалъ), а атомы именно подобны, ибо качественно атомы не различаются (различаются только по формѣ своей, природа же ихъ всѣхъ одинакова). Итакъ хотя атомистическая теорія возникла равнѣ философіи

¹⁾ Ὁμοῦ πάντα χρήματα ἦν, ἄπειρα καὶ πλῆθος καὶ μικρότητα καὶ γὰρ τὸ μικρὸν ἄπειρον ἦν. Καὶ πάντων ὁμοῦ, ἔόντων οὐδὲν ἑνὸς ἦν ὑπὸ μικρότητος.

²⁾ Ἐπεὶ ἤρξατο ὁ νόος κινεῖν, ἀπὸ τοῦ κινουμένου παντὸς ἀπεκρίνετο, καὶ ὅσον ἐκίνησε ὁ νόος, πᾶν τοῦτο διεκρίθη (frag. 1, 7).

³⁾ Τῆς δὲ κινήσεως καὶ τῆς γενέσεως αἴτιον ἐπέστησε τὸν νοῦν ὁ Ἀναξαγόρας, ὑφ' οὗ διακρινόμενα, τοὺς τε κόσμους καὶ τὴν τῶν ἄλλων φύσιν ἐγέννησεν. (Theophrast) Doxographi 479.

Анаксагора, но Демокритъ имѣлъ основаніе отстаивать эту теорію, хотя-бы философія Анаксагора и была ему извѣстна.

Не смотря на то, мысль Анаксагора объ умѣ, какъ началѣ самостоятельномъ, отличномъ отъ всего матеріальнаго, а потому невещественномъ, духовномъ, — эта мысль была въ высшей степени плодотворною, и вліяніе ея на всю послѣдующую греческую философію было обширно и рѣшительно. Понятіе-же его о дѣятельности разума было недостаточно собственно потому, что все его вниманіе, какъ и прежнихъ философовъ, было устремлено на изъясненіе переменъ происходящихъ въ природѣ и самаго происхожденія вещей, которое впрочемъ также представляется, какъ послѣдовательный рядъ измѣненій, а всякая замѣтная переменна въ природѣ является въ видѣ движенія и всегда происходитъ вслѣдствіе движенія. Отсюда и умъ, какъ начало мірообразующее, представлялся Анаксагору лишь движущею силою и не болѣе.

П. Линицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО XXXI *).

УСЛОВІЯ, ПРИ КОТОРЫХЪ БОЛѢ ВСЕГО ВОЗМОЖНО НРАВСТВЕННОЕ УСОВЕР-
ШЕНСТВОВАНИЕ.

Я замѣчаю, Луцилій, что я не только *нравственно* исправился, но преобразился. Я не обѣщаю уже тебѣ и не надѣюсь на то, чтобы во мнѣ не осталось ничего, что должно измѣнить. Какъ не быть во мнѣ еще многому, что должно исправить, умѣрить и уничтожить? Но это-то и есть доказательство того, что духъ мой приведенъ въ лучшее состояніе, такъ какъ онъ видитъ свои недостатки, которыхъ доселѣ не замѣчалъ. За нѣкоторыхъ больныхъ радуются, когда они сами приходятъ къ заключенію, что они (дѣйствительно) больны. Я желалъ-бы, поэтому, подѣлиться съ тобою этою внезапно совершившеюся во мнѣ переменою; тогда-бы было больше увѣренности въ прочности нашей дружбы, той истинной дружбы, которую не уничтожаетъ ни надежда, ни страхъ, ни забота о собственной пользѣ,—той дружбы, съ которою и за которую люди умираютъ. Я назову тебѣ многихъ, у которыхъ не доставало не друга, а дружбы. Этого не можетъ случиться, если сердца связываетъ одинаковое стремленіе къ добродѣтели. Да и какъ-же иначе можетъ быть? Вѣдь они (друзья) знаютъ, что у нихъ все общее—а болѣе всего неприятное—общее. Ты не можешь представить себѣ, какую перемену (въ нравственномъ отношеніи) замѣчаю я въ себѣ съ каждымъ днемъ. „Такъ по-

*) Ер. VI.

шли, скажешь ты, и мнѣ то, что ты призналъ столь дѣйствительнымъ“. По истинѣ я желаю перенести въ тебя все это и въ этомъ *отношеніи* радъ научиться чему-либо, чтобы только учить (тебя). Ни что, даже самое превосходное и спасительное, не будетъ доставлять мнѣ удовольствія, если буду узнавать это только для одного себя. Если-бы мудрость давалась съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы владѣть *ею*, *скрывая отъ другихъ*, и не высказывать, то я отвергъ-бы ее. Обладаніе всякимъ благомъ теряетъ свою пріятность, если нѣтъ сообщника. Я буду поэтому посылать тебѣ самыя книги и, чтобы тебѣ не тратить много труда, отыскивая въ разныхъ мѣстахъ полезное для тебя, буду дѣлать помѣтки, чтобы ты тотчасъ находилъ то, что я одобряю и къ чему отношусь съ уваженіемъ. Впрочемъ, живая рѣчь и совмѣстная наша жизнь принесетъ тебѣ гораздо болѣе пользы, нежели заочныя бесѣды. Нужно, чтобы ты былъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія, во-первыхъ потому, что люди болѣе довѣряютъ глазамъ, нежели ушамъ; а во-вторыхъ потому, что путь наставленій—путь продолжительный, а кратокъ и дѣйствителенъ путь примѣровъ. Клеанѣ не отобразилъ-бы въ себѣ такъ Зенона *), если-бы только слушалъ его; *нѣтъ*, онъ жилъ съ нимъ, проникъ въ его сердце, наблюдалъ за нимъ, живетъ ли онъ по *проповѣдуемымъ* имъ правиламъ. Платонъ, Аристотель и вся толпа мудрецовъ, которая готовилась разойтись въ разныя стороны, извлекли для себя болѣе пользы изъ характера Сократа, нежели изъ его словъ **). Метродора, Эрмарха и Полиэна ***)) сдѣлали великими людьми не наставленія Эпикура, а сожителство съ нимъ. Я призываю тебя не для того

*) Зенонъ, философъ стоической школы, родился въ Циціи, на островѣ Кипрѣ около 340 г. Р. Х.

Клеанѣ былъ ученикомъ Зенона и его преемникомъ въ качествѣ представителя стоической школы.

**)) Платонъ, знаменитый греческій философъ, былъ ученикомъ Сократа; родился въ 429 г., а умеръ въ 348 г. до Р. Х. Аристотель, также знаменитый греческій философъ, былъ ученикомъ Платона.

Подъ толпою мудрецовъ должно разумѣть учениковъ Сократа и его послѣдователей, которые потомъ положили начало разнымъ философскимъ школамъ или направленіямъ.

***)) Метродоръ, Эрмархъ и Полиэнь—ученики Эпикура. Объ Эпикурѣ см. въ 8 кн. „Вѣра и Разумъ“ письмо XXII, стр. 450.

только, чтобы ты преуспѣвалъ, но чтобы приносить и мнѣ пользу; вѣдь очень много мы принесемъ хорошаго другъ другу. Между прочимъ, такъ какъ я долженъ дать тебѣ дневную маленькую награду, сообщу тебѣ то мѣсто изъ Гекатона, которое сегодня доставило мнѣ удовольствіе *). „Ты спрашиваешь, говоритъ онъ, что я приобрѣлъ? Я начинаю быть себѣ другомъ“ Много приобрѣлъ онъ; онъ никогда уже не будетъ одинокъ. Кто другъ себѣ, тотъ, знай, другъ для всѣхъ **).

*) Гекатонъ, философъ стоической школы, былъ уроженецъ острова Родоса и жилъ около 140 г. до Р.Хр. Онъ пользовался большаго уваженіемъ какъ въ свое, такъ и позднѣйшее время.

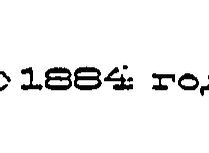
***) По взгляду стоиковъ тотъ, кто себя любитъ, т. е. совершенствуетъ себя нравственно и стремится къ мудрости, любитъ и другихъ также, какъ и себя.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Іюня № 12. 1884 года.

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода. — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ правленія Харьковской духовной семинаріи. — Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній, бывшихъ въ маѣ и іюнѣ 188³/₄ учебнаго года. — Списокъ учениковъ Харьковского духовнаго училища за 188³/₄ учебный годъ. — Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, составленный правленіемъ училища послѣ годичныхъ экзаменовъ за 188³/₄ учебный годъ. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 27-го апрѣля—11-го мая 1884 года, за № 859, по вопросу о приглашеніи хоровъ военной музыки при погребеніи частныхъ лицъ, никогда не служившихъ въ военной службѣ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 29-го марта 1884 г. за № 60, по вопросу о приглашеніи хоровъ военной музыки при погребеніи частныхъ лицъ, никогда не служившихъ въ военной службѣ. Приказали: изъ настоящаго предложенія видно, что по военному вѣдомству объявленъ приказъ военнаго министра за № 68, слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: не допускать впредь употребленія военной музыки при погребеніяхъ лицъ не военнаго званія, и затѣмъ относительно наряда воинскихъ командъ и хоровъ музыки на погребеніе, войскамъ руководствоваться приказомъ по военному вѣдомству 1883 г. за № 245 и 3-мъ отдѣломъ главы IX устава о службѣ въ гарнизонѣ, изданія 1872 г.“ Равнымъ образомъ и по гражданскому вѣдомству сдѣлано соответственное по сему предмету циркулярное разъясненіе. Вслѣдствіе сего, признавая необходимымъ означенныя распоряженія сдѣлать извѣстными и по духовному вѣдомству, Святѣйшій Синодъ опре-

дѣлаетъ: объявить о семъ чрезъ напечатаніе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, пригласивъ при этомъ епархіальныхъ преосвященныхъ и въ особенности приходскихъ священниковъ къ тому, чтобы они въ предѣлахъ принадлежащей каждому церковной власти, устранили употребленіе музыки при совершеніи погребенія, разъясняя, что музыка, не имѣющая мѣста въ православномъ богослуженіи, не должна быть употребляема и при совершеніи религіознаго обряда погребенія. Для исполненія сего опредѣленія выписку изъ онаго сообщить редакціи упомянутаго журнала по принятому порядку.

Епархіальныя извѣщенія.

Государь Императоръ, согласно удостоенію кавалерской думы, въ 3-й день февраля 1884 года, Высочайше соизволилъ наградить *орденомъ Св. Анны 3-й степени* по статуту сего ордена, города Волокъ, соборной Преображенской церкви, священника Іоанна Голяховскаго.

— Награждены похвальными листами церковные старосты: Успенской церкви сл. Мальковки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ Гавріиль Стещенко; Покровской цер. слоб. Городища, Старобѣльскаго уѣзда, Сергѣй Коноваловъ; Святодуховской цер. слоб. Кононовки, того же уѣзда, крестьянинъ Григорій Гуць; Спасской цер. Стрѣлецкаго коннаго завода отставной нарядчикъ Кирилль Тищенко; Зміевскаго уѣзда—Богородице-Рождественской церкви села Алексѣевки крестьянинъ Даніиль Малаховъ; Николаевской—села Мѣловой крестьянинъ Михайль Ключевъ, Вознесенской—села Береки крестьянинъ Игнатъ Бобинъ и Христорожественской, того же села, крестьянинъ Константинъ Зубковъ.

— Священнику Вознесенской церкви села Лизина, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилу Согину разрѣшено употреблять черную скуфью при требоисправленіяхъ внѣ храма.

— Настоятель Христорожественской церкви села Боровой, Зміевскаго уѣзда, священникъ Автономъ Крыжановскій опредѣленъ настоятелемъ къ Богородицерожественской церкви села Масловки, того же уѣзда.

— Псаломщикъ Валковской Георгіевской церкви, діаконъ Петръ Никитинъ опредѣленъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви заштатнаго города Чугуева, Зміевскаго уѣзда.

— Бывшій причетникъ церкви села Богодарова, Зміевскаго уѣзда, Иванъ Чаумовъ опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Екатеринбургской церкви села Полпчовки, Богодуховскаго уѣзда.

— Исправляющій должность псаломщика Іоанно-Предтеченской церкви села Ново-Ивановки, Зміевского уѣзда, Эрастъ Жуковъ переименъ п. д. псаломщика къ Архангело-Михайловской церкви слоб. Лымана, того же уѣзда, а бывший ученикъ Ахтырскаго духовнаго училища Яковъ Бородаевскій опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Ново-Ивановской Іоанно-Предтеченской церкви.

— Сверхштатный исправляющій должность псаломщика Знаменской церкви села Знаменскаго, Валковскаго уѣзда, Василій Ходоковскій утверждень штатнымъ исправляющимъ должность псаломщика при означенной церкви.

— Сверхштатный исправляющій должность псаломщика Алексѣевского Николаевскаго прихода, Зміевского уѣзда, Александръ Пересыкинъ утверждень штатнымъ п. д. псаломщика въ томъ же приходѣ.

— П. д. псаломщика Николаевской церкви села Городнаго, Богодуховскаго уѣзда, Іосифъ Куницынъ опредѣленъ п. д. псаломщика къ Архангело-Михайловской церкви заштатнаго города Краснокутска, того же уѣзда.

— Псаломщическое мѣсто при Покровской церкви слоб. Городища, Старобѣльскаго уѣзда, предоставлено безимѣстному п. д. псаломщика Николаю Оедоровскому.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Николаевской церкви села Замостья, Зміевского уѣзда, крестьянинъ Петръ Тамозянскій; къ Архангело-Михайловской церкви, того же уѣзда, слоб. Малиновой отставной унтеръ-офицеръ Михайль Трофимовъ и къ Троицкой церкви села Михайловки, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій Кетелевцевъ.

— При Іоанно-Предтеченской церкви слоб. Евсуга, Старобѣльскаго уѣзда, учреждено церковно-приходское попечительство.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Харьковской духовной семинаріи, по случаю усиливающейся съ каждымъ годомъ дороговизны на всѣ предметы содержанія, ходатайствовало предъ высшимъ начальствомъ объ увеличеніи ассигнуемой нынѣ на содержаніе семинарскихъ зданій суммы въ 8,000 руб. до 12,000 р. въ годъ. Вслѣдствіе этого ходатайства Св. Синодъ, указомъ отъ 16 апрѣля 1884 года за № 1149, добавивъ, съ 1 января сего года, на содержаніе зданій и вообще на хозяйственную часть Харьковской семинаріи по 2,000 руб. въ годъ изъ духовно-учебнаго капитала, вмѣстѣ съ симъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы семинарское правленіе вошло въ соображеніе

объ увеличеніи съ своекоштныхъ воспитанниковъ платы за содержаніе ихъ въ семинаріи и объ отдѣленіи изъ оной на содержаніе семинарскихъ зданій и хозяйственные расходы такой части, которая, вмѣстѣ съ ассигнуемыми нынѣ 8,000 руб. и вновь добавленными изъ духовно-учебнаго капитала 2,000 руб., была бы вполнѣ достаточна на содержаніе зданій и вообще на хозяйственную часть.

Имѣя въ виду, что въ истекшемъ учебномъ году годовая плата за содержаніе въ семинаріи неполныхъ пансіонеровъ увеличена на 9 руб. въ годъ (именно 105 руб. вмѣсто 96 р.), а съ полныхъ пансіонеровъ на 15 руб. (именно 135 р. вмѣсто 120 р. въ годъ), что для полученія съ пансіонеровъ 2,000 р. недостающихъ на содержаніе семинарскихъ зданій, необходимо было бы еще увеличить ежегодную плату до 132 руб. въ годъ, а при такомъ увеличеніи плата съ пансіонеровъ для многихъ отцевъ ихъ можетъ быть обременительною, для нѣкоторыхъ же и совсѣмъ непосильною; но принимая при этомъ къ исполненію распоряженіе высшаго начальства объ увеличеніи платы съ пансіонеровъ для вышеозначенной цѣли, — правленіе семинаріи журнальнымъ постановленіемъ, утвержденнымъ Его Преосвященствомъ, опредѣлило увеличить годовую плату съ пансіонеровъ съ начала наступающаго 188⁴/₅ учебного года еще на 9 руб. въ годъ, назначивъ вмѣсто 105 р. — 114 руб. въ годъ, а съ полныхъ пансіонеровъ на 15 руб., назначивъ вмѣсто 135 р. — 150 р. въ годъ, о чемъ правленіе симъ и объявляетъ родителямъ своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи. Отъ такого увеличенія платы съ пансіонеровъ можетъ образоваться ежегодно сумма до 650 руб., которая и имѣетъ быть употребляема на содержаніе семинарскихъ зданій. Для восполненія же недостающей суммы въ количествѣ 1,350 руб. правленіе семинаріи имѣетъ обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ епархіальному съѣзду, имѣющему собраться въ Харьковѣ въ сентябрѣ сего 1884 года, не найдетъ ли съѣздъ возможнымъ изыскать средства для покрытія расходовъ по содержанію семинарскихъ зданій въ совершенномъ порядкѣ. Правленіе семинаріи находило бы весьма желательнымъ, чтобы съѣздъ принялъ на общія епархіальныя средства и тѣ 650 руб., которые ожидаются отъ увеличенія платы съ пансіонеровъ, и чтобы такимъ образомъ съ начала 1885 г. можно было взимать прежнюю плату: за содержаніе полнаго пансіонера 135 р. въ годъ, а за содержаніе неполнаго пансіонера 105 руб.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а :

Священническое—въ слободѣ Боровой, Зміевского уѣзда.

Исаломитицкое—въ селѣ Гіевкѣ, Харьковскаго уѣзда.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи, составленный послѣ годовыхъ испытаній, бывшихъ въ маѣ и іюнѣ 188³/₄ учебнаго года.

VI-го класса, окончившіе курсъ семинаріи. Разрядъ I-й: 1. Юшковъ Алексѣй, Вышешірскій Антонъ, Стеллецкій Николай, Грековъ Ипполитъ—за отличные успѣхи и поведеніе награждаются медалями; 5. Поповъ Гавріиль, Владыковъ Дмитрій, Недѣлька Семень—награждаются книгами; Петрусенко Иванъ, Ѳедоровскій Петръ, 10. Василевскій Василій, Матвѣевъ Николай.

Разрядъ II-й: Пономаревъ Алексѣй, Щербина Василій, Сильванскій Николай, 15. Литкевичъ Оедоръ, Стефановъ Петръ, Оглоблинъ Василій, Коробчанскій Тимофей, Жуковъ Илларионъ, 20. Крохатскій Иванъ, Базилевичъ Иванъ, Лонгиновъ Михайль, Виноградскій Стефанъ, Власовъ Николай, 25. Школьникскій Михайль, Свѣщниковъ Михайль, Нигровскій Егоръ, Насѣдкинъ Константинъ. Безъ причисленія къ разряду — 20. Назаревскій Григорій, діаконъ.

V-го класса переводятся въ VI классъ. Разрядъ I-й: 1. Арефьевъ Василій, Пономаревъ Иванъ — награждаются книгами; Скубачевскій Петръ, Бѣлоусовъ Гавріиль, 5. Никулищевъ Дмитрій, Вахнянъ Григорій, Евцкскій Александръ, Ковалевскій Григорій.

Разрядъ II-й: Торанскій Иванъ, 10. Покровскій Василій, Бѣляевъ Александръ, Николаевскій Григорій, Кохановъ Михайль, Павловскій Александръ, 15. Тимошеевъ Павелъ, Мухинъ Петръ, Яковлевъ Иванъ, Мартиновичъ Яковъ, Москалевъ Ѳедоръ, 20. Дюковъ Павелъ. Безъ причисленія къ разряду Ревскій Иванъ, діаконъ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Агнивцевъ Павелъ—по Священному Писанію, Подольскій Иванъ—по греческому языку, Лихницкій Иванъ, 25. Шосте Николай и Лукашевъ Петръ по экзаменному сочиненію; оставляются въ томъ же классѣ по бѣльши; Ковалевскій Владиміръ, 28. Шигиловъ Николай.

IV-го класса переводятся въ V классъ. Разрядъ I-й: 1. Филевскій Иванъ, Жадановскій Андрей, Стапславскій Алексѣй—награждаются книгами; Дашкиевъ Леонидъ, 5. Рудинскій Егоръ.

Разрядъ II: Пономаревъ Михайль, Доброславскій Алексѣй, Краснокутскій Алексѣй, Леонтовичъ Павелъ, 10. Грековъ Василій, Царевскій Василій

Доброславскій Николай, Мощенковъ Николай, Флоринскій Василій, 15. Лавденковъ Сергѣй, Чебановъ Владиміръ. Допускаются къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ: Навродскій Александръ, Рубинскій Петръ, Филевскій Александръ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: 20. Рудинскій Алексѣй, Стефановъ Яковъ—по физикѣ; послѣдній—съ написаніемъ упражненія на латинскомъ языкѣ и русскаго экзаменнаго сочиненія. Пестряковъ Филиппъ—по Священному Писанію, Полтавцевъ Алексѣй, Самойловъ Николай, по Священному Писанію и греческому языку, 25. Ждаповскій Алексѣй, Ильинскій Стефанъ, Флоринскій Викторъ, Оедоровъ Иванъ — къ письменной переэкзаменовкѣ по латинскому языку, а послѣдній сверхъ сего и къ написанію экзаменнаго русскаго сочиненія. Увольняются изъ семинаріи по прошенію: Дюковъ Иванъ, 30. Поповъ Михаилъ.

III-го класса переводятся въ IV классъ. Разрядъ I-й: 1. Поповъ Лавентій, Ооминъ Петръ—награждаются книгами.

Разрядъ II-й: Каплуненко Дмитрій, Стеллецкій Петръ, 5. Петровъ Моисей, Поповъ Михаилъ, Посельскій Сергѣй, Сапухнинъ Иванъ, Жуковскій Константинъ, 10, Бугуцкій Иванъ, Колосовскій Иванъ, Любарскій Яковъ 2-й, Артемьевъ Стефанъ, Крохатскій Стефанъ, 15. Грековъ Оедоръ, Бондаревъ Илья, Липицкій Владиміръ, Навродскій Дмитрій, Сукачевъ Василій, 20. Пономаревъ Леонидъ, Евецкій Яковъ, Поповъ Иванъ, Гладковъ Зиновій, Ковалевскій Иванъ, 25. Рубинскій Николай, Торанскій Александръ, Сушковъ Василій, Крутьевъ Митрофанъ, Горбачевскій Оедоръ, 30. Касьяновъ Иванъ. Допускаются къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ: Дикаревъ Александръ, Кирилловъ Александръ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Котляревскій Иванъ—по Священному Писанію, Гумилевскій Николай, 35. Трипольскій Полякарпъ, Черняевъ Антонъ,—по логикѣ, Браиловскій Иванъ, Любарскій Яковъ 1-й—по латинскому языку, послѣдній съ написаніемъ латинскаго упражненія; Рогальскій Михаилъ — по греческому языку, 40. Десницкій Сергѣй — по гражданской исторіи и нѣмецкому языку, Дмитріевъ Сергѣй — по логикѣ и латинскому языку съ написаніемъ латинскаго упражненія, Лазаревскій Митрофанъ—по логикѣ и математикѣ, Оедоровскій Андрей—по русскому сочиненію. Оставляются въ томъ же класѣ по малоуспѣшности: Данилевскій Дмитрій, 45. Кузнецовъ Григорій, Подольскій Митрофанъ, Синеевъ Петръ, Томашевскій Василій, Хижняковъ Павелъ. Увольняется изъ семинаріи по малоуспѣшности, 50. Рогальскій Алексѣй.

II-го нормальнаго класса переводятся въ III-й классъ. Разрядъ I-й: 1. Раевскій Иванъ — награждается книгою:

Разрядъ II-й: Соколовскій Дмитрій, Никулпцевъ Егоръ, Протопоповъ

Стефанъ, 5. Слюсаревъ Дмитрій, Соколовъ Николай, Любарскій Алексѣй, Александровъ Григорій, Гончаревскій Аполонъ, 10. Тимоосевъ Павелъ, Никулицевъ Николай, Пестряковъ Поликарпъ, Чижевскій Лука. Допускаются къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ: Рубинскій Егоръ, 15. Сукачевъ Василій, Юрченко Василій. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Орловъ Михайлъ — по греческому языку съ написаніемъ греческаго упражненія, Павловъ Иванъ — по словесности, Клементьевъ Тихонъ — къ написанію экзаменнаго греческаго упражненія. Оставляются въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: 20. Ильинскій Павелъ, Мигуличъ Константинъ, Ракшевскій Евгеній. Увольняются изъ семинаріи по болѣзни Шишкинъ Николай, 24. Орловъ Николай.

II-го параллельнаго класса переводятся въ III-й классъ. Разрядъ I. 1. Чебановъ Григорій — награждается книгою, Гогинъ Иванъ.

Разрядъ II-й: Мураховскій Стефанъ, Ковалевъ Михайлъ, 5. Чаговцевъ Андрей, Пономаревъ Иванъ, Перцовъ Сергѣй, Самойловъ Павелъ, Яковлевъ Александръ, 10. Поповъ Владиміръ, Клечковъ Михайлъ, Полтавцевъ Антонъ, Твердохлѣбовъ Николай, Щербина Петръ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: 15. Вертеловскій Павелъ — по греческому языку съ написаніемъ греческаго упражненія, Колосовскій Михайлъ, Рокитянскій Иванъ, Юшковъ Михайлъ, — по математикѣ. Оставляются въ томъ же классѣ по болѣзни: Быковъ Адрианъ, по малоуспѣшности. 20. Василевскій Иванъ, Васелевскій Николай, 22. Волобуевъ Егоръ.

I-го нормальнаго класса переводится во II-й классъ. Разрядъ I-й. 1. Горбуповъ Василій — награждается книгою, Приходьковъ Арсеній, Соколовскій Василій.

Разрядъ II-й: Лобковскій Иванъ, 5. Лукашевъ Василій, Артюховскій Алексѣй, Щеплинскій Александръ, Матвѣевъ Тимофей, Стаховскій Алексѣй, 10. Анисимовъ Ипкандръ, Арефьевъ Николай, Полянскій Никифоръ, Бѣликовъ Аристархъ, Панкратьевъ Оедоръ, 15. Горанинъ Иванъ, Кибальниковъ Константинъ, Посельскій Порфирій. Допускается къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ. Давидовскій Алексѣй. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Лашенко Оедоръ — по математикѣ и греческому языку съ написаніемъ греческаго упражненія, 20. Панкратьевъ Евгеній — по математикѣ, Илларионовъ Ксенофонтъ, — по греческому языку, Оружнискій Венедиктъ, Кибальниковъ Оедоръ — по русскому сочиненію. Оставляются въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Войтовъ Михайлъ, 25. Стахевичъ Яковъ, Мухинъ Андрей, Найдовскій Яковъ. Увольняются изъ семинаріи по малоуспѣшности: Колесниковъ Яковъ, Корнильевъ Евграфъ, Любарскій Василій, по болѣзни — 31. Рыбчинскій Гавриилъ.

I-го параллельнаго класса переводятся во II-й классъ. Разрядъ I-й 1. Мухинъ Николай — награждается книгою, Акимовъ Иванъ.

Разрядъ II. Смирнскій Александръ, Котляревскій Михаилъ, 5. Васильковскій Михаилъ, Юрченко Александръ, Титовъ Петръ, Мощенко Александръ, Мухинъ Федоръ, 10. Навродскій Алексѣй, Яновскій Александръ, Левандовскій Алексѣй. Допускаются къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ: Ветуховъ Михаилъ, Загурскій Веніаминъ, 15. Ястремскій Николай, Шебатинскій Петръ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Бутковскій Стефанъ — по греческому языку, Гревизирскій Стефанъ — по русскому сочиненію, Филевскій Евсигней — по русской словесности и по французскому языку, 20. Евфимовъ Викторъ — по французскому языку и по греческому упражненію. Оставляются въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Смирновъ Михаилъ, Десницкій Іосифъ, Щербина Тимофей. Увольняются изъ семинаріи по малоуспѣшности: Бутковскій Тимофей, Коробчанскій Василій, 26. Ястремскій Иванъ.

СПИСОКЪ

учениковъ Харьковскаго духовнаго училища за 1883/4 учебный годъ.

IV класса. Разрядъ I-й: 1. Эвенховъ Иванъ — награждается книгою; Оеденко Оеоктистъ, Григоренко Михаилъ, Оаворовъ Николай, 5. Смирнскій Виссаріонъ, Субботинъ Александръ. Разрядъ II-й: Чудновскій Семень, Волобуевъ Владиміръ, Бутковскій Александръ, 10. Пипенко Федоръ, Григоревичъ Андрей, Логвиновъ Василій, Чиркинъ Стефанъ, Загурскій Владиміръ, 15. Рогальскій Василій, Дзюбановъ Николай, Оомишъ Павелъ, Щепинскій Николай, Поповъ Иванъ, 20. Шебатинскій Яковъ, Червонецкій Владиміръ — всѣ эти ученики признаются достойными перевода въ первый классъ семинаріи, на основаніи опред. Св. Синода отъ 9 — 18 декабря 1883 г. и журнальнаго постановленія правленія училища, утвержденного Его Преосвященствомъ 2 мая 1884 г., — Прядкинъ Леонидъ, Пономаревъ Петръ, Тимоѣевъ Федоръ, 25. Ступницкій Федоръ — эти четыре ученика не признаются достойными перевода въ первый классъ семинаріи, но предоставляется имъ право или получить свидѣтельства объ окончаніи училищнаго курса или остаться еще въ IV кл. на повторительный курсъ. — Корнильевъ Петръ, и Краснокутскій Александръ — эти два ученика не признаются достойными перевода въ первый классъ семинаріи и не предоставляется имъ права остаться въ IV кл. на повторительный курсъ, но получаютъ свидѣтельства объ окончаніи училищнаго курса. — Тимоѣевъ Петръ — оставляется въ IV — кл. на повторительный курсъ по болѣзни, и

29. Мартыновъ Иванъ увольняется изъ училища, какъ не бывшій во второмъ полугодіи и неявившійся на экзамень, на основаніи опр. Св. Синода ^{20 октября} 1876 г., безъ предоставленія ему правъ, присвоенныхъ окончившимъ ^{5 ноября} полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ (§ 129 устав. дух. училищъ).

III-го класса. Разрядъ I-й 1. Шепелевскій Георгій—награждается книгою; Пономаревъ Захарій, Жадановскій Антонинъ, Евецкій Θεодоръ, 5. Чудновскій Александръ, Черняевъ Петръ, Яновскій Петръ. Разрядъ II-й: Дьяковъ Константинъ, Θεодоровъ Иванъ, 10. Будянский Павелъ, Мураховскій Θεодоръ, Поповъ Николай, Лобковскій Николай, Лихницкій Леонидъ, 15. Кузьминъ Θεодоръ, Слѣпцовъ Евфремъ, Якубовичъ Лука, Поповъ Александръ, Крутьевъ Георгій, 20. Кутеповъ Платонъ — эти ученики переводятся въ четвертый классъ.—Дюковъ Алексѣй, Чаговцовъ Стефанъ, Власовскій Петръ, Золотаревъ Θεодоръ, 25. Покровскій Иванъ, Павловъ Михаилъ. Разрядъ III-й: Адамовичъ Николай, Христіановскій Θεодоръ, Захарьевъ Иванъ, 30. Поповъ Василій, Панченко Иванъ—изъ этихъ учениковъ также могутъ быть переведены въ четвертый классъ, если передержать экзамень слѣдующіе: Дюковъ и Чаговцевъ по арифметикѣ, Власовскій и Покровскій по русскому языку, Золотаревъ по латинскому и Павловъ по Греческому; Христіановскій по Греческому и арифметикѣ, Захарьевъ по Русскому и катихизису, Поповъ по русскому и арифметикѣ и Данченко по русскому и латинскому яз., Адамовичъ-же увольняется изъ училища, согласно прошенію его матери. Жилинъ Иванъ, Омянъ Иванъ, Никитскій Викторъ, 35 Невирягинъ Петръ, Мартыновъ Яковъ — эти ученики оставляются на повторительный курсъ за малоуспѣшность; Муханъ Алексѣй увольняется изъ училища, согласно заявленію отца, и 38. Обуховъ Семень увольняется также изъ училища, какъ не бывшій въ теченіи втораго полугодія и не державшій экзамень, на основаніи опред. Св. Синода отъ ^{20 октября} 1876 года. ^{5 ноября}

II-го класса. Разрядъ I-й: 1. Дюковъ Афанасій, Курасовскій Сергѣй—эти два ученика награждаются книгами. — Бѣлоусовъ Василій, Котляровъ Алексѣй, 5. Энеидовъ Михаилъ, Голубовъ Иванъ, Толмачевъ Иванъ. Разрядъ II-й: Чиркинъ Василій, Червонецкій Александръ, 10. Пересыпкинъ Павелъ, Добрецькій Андрей, Ковалевскій Павелъ, Лобковскій Александръ, Захарьевъ Александръ, 15. Цокдайлловъ Дмитрій, Македонскій Владиміръ, Романовскій Семешъ, Селезневъ Порфирій, Твердохлѣбовъ Владиміръ — эти ученики переводятся въ III кл. 20. Соколовъ Григорій, Бутковскій Θεодоръ, Краснокутскій Анатолій, Полтавцевъ Иларіонъ. Разрядъ III-й: Баженовъ Михаилъ, Будянский Θεодоръ, Дикаревъ Иванъ, Ведринскій Θεодоръ, — эти ученики также могутъ быть переведены въ III классъ, если передержать экзамень. Соколовъ и

Полтавцевъ по латинскому языку, Бутковский и Краснокутскій по арифметикѣ, Будянский и Ведринскій по латинскому и греческому яз., Баженовъ по русскому и латинскому, Дикаревъ по греческому и арифметикѣ; Сукачевъ Иванъ, Жадановскій Николай, 30. Поповъ Николай, Павловъ Антоній—эти четыре ученика оставляются на повторительный курсъ за малоуспѣшность. Васильковский Порфирій, 33. Салаевъ Афанасій—эти два ученика увольняются изъ училища, какъ оставшіеся на повторительный курсъ въ первомъ классѣ и неуспѣвшіе во 2-мъ кл. на основаніи журнала учебнаго при Св. Синодѣ Комитета 1874 г. стр. 207—208.

I-го класса. Разрядъ I-й: 1. Никаноровъ Иосафъ, Дьяковъ Александръ, эти два ученика награждаются книгами; Дейнеховскій Теофанъ, Копьевъ Павелъ, 5. Пономаревъ Викторъ. Соколовскій Василій, Вербицкій Астѣонъ Пономаревъ Митрофанъ, Подлущкій Иванъ, 10. Татаринковъ Иванъ, Богославскій Евгений, Булдовскій Венедиктъ, 13. Степурскій Павелъ. Разрядъ II-й: Будянский Теодоръ, 15. Иваницкій Григорій, Пиненко Александръ, Краснокутскій Иванъ, Калустинъ Николай, Вугуцкій Іоакимъ, 20. Брайловскій Теодоръ, Домницкій Теодоръ, Дюковъ Афанасій, Добронцкій Петръ, Бондаревъ Иванъ, 25. Ковалевскій Семень, Любарскій Василій—эти ученики переводятся во второй классъ. — Корнильевъ Дмитрій — оставляется на повторительный курсъ.—Посельскій Василій, Дюковъ Ириней, 30. Корнильевъ Иванъ, Григоревичъ Михаилъ, Стеллецкій Дмитрій, Власовскій Игнатій. Разрядъ третій: Бородаевскій Павелъ, 35. Кобыляцкій Василій, Поповъ Василій — эти ученики также могутъ быть переведены во второй классъ, если Посельскій, Дюковъ и Власовскій пердержатъ экзаменъ по арифметикѣ, Корнильевъ Иванъ и Стеллецкій по русскому языку, Григоревичъ по священ. исторіи, Бородаевскій по русскому языку и арифметикѣ, Кобыляцкій и Поповъ по русскому и латинскому языкамъ. Саворовъ Михаилъ, Кармановъ Николай, 39. Теодоровъ Александръ—эти три ученика оставляются на повторительный курсъ за малоуспѣшность.

Приготовительный классъ. Разрядъ I-й: 1. Ковалевъ Петръ, Полтавцевъ Георгій — эти два ученика награждаются книгами. Рубинскій Тихонъ, Жадановскій Александръ, 5. Вышемирскій Иванъ, Василевскій Николай, Давиловъ Павелъ, Дейнеховскій Ипполитъ, Рубинскій Андрей, 10, Быковъ Макарій, Краснокутскій Евгений; разрядъ II-й: Мищенко Яковъ, Македонскій Василій, Измайловъ Владиміръ, 15. Петинъ Константинъ, Мухинъ Антонъ, Евфимовъ Иванъ, Власовскій Павелъ, Олѣйниковъ Александръ, Бутковский Иванъ, 20. Ильинскій Иванъ, Мартыновъ Михаилъ, Теодоровъ Сергій, Оеденко Валеріанъ, Твердохлѣбовъ Харлампій, 25, Поповъ Иванъ,

Николаевскій Михаилъ, Насѣдкинъ Михаилъ, Сергѣевъ Яковъ, 30. Поповъ Александръ — эти ученики переводятся въ первый классъ; Жадановскій Павелъ, Рудневъ Дмитрій—эти два ученика могутъ быть переведены также въ первый классъ, если Жадановскій передержитъ экзаменъ по арифметикѣ, а Рудневъ по русскому языку. Разрядъ III-й: Андреевковъ Александръ, Андроновъ Гавріиль, 35. Брайловскій Симонъ, Григоревичъ Василій, Григоревичъ Георгій, Поповъ Антоній, Рудневъ Андрей, 40. Рудневъ Михаилъ, Филевскій Антоній — эти ученики остаются на повторительный курсъ за малоуспѣшность. — Власовъ Евгений, 43. Зубаревъ Василій—эти два ученика оставляются на повторительный курсъ по болѣзни.

Переэкзаменовки будутъ произведены 3 и 4, пріемные экзамены 7 и 8 августа, начало ученія 9 августа.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, составленный правленіемъ училища послѣ годовыхъ экзаменовъ за 188³/₄ учебный годъ и утвержденный Его Преосвященствомъ 15 Іюня сего 1884 года.

Ученики IV класса окончившіе полный курсъ ученія. Признанные достойными перевода въ I-й классъ духовной семинаріи, разрядъ I-й: 1. Капустинъ Николай, Лисенко Яковъ, Оседоровъ Константинъ, Слюсаревъ Илья, 5. Макухинъ Сергій и Бѣлковъ Петръ; разрядъ II-й: Торанскій Георгій, Ильинскій Иванъ, Сукачевъ Василій, 10. Фисенко Владиміръ, Лазаревскій Сергій, Агнивцевъ Евлампій, Черняевъ Елеазаръ, Бурганскій Иванъ, 15. Склабинскій Петръ, Поповъ Георгій, Титовъ Владиміръ, Щербина Митрофанъ, Даневскій Яковъ, 20. Сулима Оседоръ, Чебановъ Георгій, Мухинъ Николай. Непризнанные достойными перевода въ I-й классъ духовной семинаріи: Макаровскій Гавріиль—оставляется на повторительный курсъ по просьбѣ отца, Павловскій Яковъ, Косминъ Георгій—оставляются на повторительный курсъ по просьбѣ отца; разрядъ III-й: Татариновъ Василій, Бѣлковъ Оседоръ, Павловъ Николай и Юшковъ Павелъ, оставляются на повторительный курсъ по прошенію отца и недержавшіи экзамена по болѣзни—Ковалевъ Александръ.

Ученики III-го класса—назначаются къ переводу въ IV-й классъ—разрядъ I-й: 1. Нестеровъ Николай, Полтавцевъ Петръ, Уманцевъ Сергій и Александровъ Θεоктистъ; разрядъ II-й: 5. Торанскій Митрофанъ, Бугуцкій Валентинъ, Гогинъ Михаилъ, Оседоровъ Пароеній, Анисимовъ Олимпій, 10. Яновскій Николай, Финогеновъ Леонидъ, Уманцевъ Адрианъ—подъ условіемъ передержки экзамена по арифметикѣ и Чугаевъ Сергій—подъ ус-

ловіемъ передержки экзамена по греческому языку; разрядъ III-й: Жуковъ Даниль—подъ условіемъ передержки экзамена по греческому языку, 15. Оаворовъ Василій—подъ условіемъ передержки экзамена по русскому языку и географіи, Бутковъ Константинъ—подъ условіемъ передержки экзамена по ариѳметикѣ и географіи. Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Петровъ Яковъ, Инноковъ Николай, Пантелеимоновъ Николай, 20. Флоринскій Николай и Полетика Иванъ, по болѣзни: Слюсаревъ Алексѣй и Торанскій Георгій; увольняется изъ училища Погорѣловъ Яковъ—по прошенію отца.

Ученики II-го класса. Назначаются къ переводу въ III-й; разрядъ I-й: 1. Васютинъ Іосифъ, Войтовъ Ѳедоръ и Туранскій Семенъ; разрядъ II-й: Ковалевскій Дмитрій, 5. Щелоковскій Павелъ, Склабинскій Дмитрій, Обрѣзковъ Георгій, Самойловъ Владиміръ, Бѣлоусовъ Анатолій, 10. Труфановъ Василій, Любарскій Сергій, Чебановъ Павелъ, Лисенко Иванъ, Слюсаревъ Семенъ, 15. Ѳedorовскій Маркіанъ, Григоревичъ Сергій—подъ условіемъ передержки экзамена по латинскому языку, Феневъ Яковъ подѣ условіемъ передержки экзамена по ариѳметикѣ, Козловскій Ѳедоръ, Булгаковъ Павелъ, 20. Жуковъ Тихонъ и Павловъ Василій подѣ условіемъ передержки экзамена по латинскому языку; разрядъ III-й: Посельскій Маркъ—подѣ условіемъ передержки экзамена по русскому и греческому языкамъ, Торанскій Николай—подѣ условіемъ передержки экзамена по греческому и латинскому языкамъ, Евфимовъ Ѳедоръ—подѣ условіемъ передержки экзамена по русскому и латинскому языкамъ. Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: 25. Косьминъ Григорій, Самойловъ Павелъ и Мураховскій Прокофій; по болѣзни—Грековъ Максимъ и Чугаевъ Иванъ.

Ученики I-го класса. Назначаются къ переводу во II-й классъ; разрядъ I-й: 1. Васютинъ Гавріиль съ награжденіемъ книгою, Воскобойниковъ Михаилъ, Жуковскій Павелъ, Гогинъ Владиміръ, 5. Лисенко Семенъ, Ветуховъ Александръ, Шишловъ Павелъ, Чувичинскій Александръ и Баумановъ Ѳедоръ; разрядъ II-й: 10. Камарновскій Александръ, Войтовъ Николай, Григоревичъ Александръ, Поповъ Анатолій, Келебердинскій Григорій, 15. Сулима Порѣній, Ѳedorовъ Митрофанъ, Анисимовъ Михайлъ, Яновскій Василій, Обрѣзковъ Александръ и 20. Поповъ Павелъ—подѣ условіемъ передержки экзамена по латинскому языку, Власовъ Валентинъ—подѣ условіемъ передержки экзамена по русскому языку, Сѣнцовъ Андрей и Торанскій Михаилъ—оба подѣ условіемъ передержки экзамена по латинскому языку, Галкинъ Георгій, 25. Кореневъ Георгій и Сулима Григорій—всѣ три подѣ условіемъ передержки экзамена по русскому языку,

Щепинскій Николай — подѣ условіемъ передержки экзамена по латинскому языку; разрядъ III-й: Кореневъ Николай — подѣ условіемъ передержки экзамена по русскому и латинскому языкамъ, Вѣлоусовъ Александръ — подѣ условіемъ передержки экзамена по русскому языку и арифметикѣ, 30. Юшковъ Николай и Федоровскій Леонидъ — оба подѣ условіемъ передержки экзамена по русскому и латинскому языкамъ. Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Поповъ Григорій и Поповъ Тимоѳей; по болѣзни: Смирнскій Алексѣй, 35. Титовъ Александръ и Поповъ Петръ; увольняются изъ училища Погорѣловъ Михаилъ по прошенію отца; Макухинъ Адрианъ, Березовскій Василій и 40. Кулишъ Михаилъ — всѣ три по несостоянію на мѣстѣ ученія въ теченіи цѣлаго года.

Ученики приготовительнаго класса. Назначаются къ переводу въ I-й классъ; разрядъ I-й: 1. Поповъ Θεоктистъ, Пивоваровъ Платонъ, Драновскій Григорій, Феневъ Михаилъ, 5. Самойловъ Михаилъ, Сулижа Максимъ, Скляръ Павелъ; разрядъ II-й: Вулгаковъ Яковъ, Трегубовъ Петръ, 10. Мухинъ Василій, Ветуховъ Дмитрій, Грековъ Георгій, Макаровскій Дмитрій, Власовъ Яковъ, 15. Галкинъ Сергій, Ильинскій Евлампій, Поповъ Николай 1-й, Самойловъ Александръ, Кожуховъ Владиміръ, 20. Пономаревъ Владиміръ, Рыбчинскій Григорій, Толмачевъ Тимоѳей, Чалый Яковъ, Даневскій Яковъ, 25. Инноковъ Григорій, Лонгиновъ Софроній, Финоменовъ Николай, Землянскій Тихонъ, Твердохлѣбовъ Алексѣй, 30. Косьминъ Іосифъ, Шантелеямоновъ Тихонъ, Федоровскій Александръ; разрядъ III-й: Ильяшевъ Хрисанфъ — подѣ условіемъ передержки экзамена по арифметикѣ. Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Краснокутскій Викторъ, 35. Поповъ Николай 2-й, Жуковъ Тимоѳей, Анисимовъ Петръ, Кореневъ Гаврилъ, Цавродскій Петръ и 40. Моисеевъ Николай; по болѣзни: Щелоковскій Иванъ, Юшковъ Александръ и Мухинъ Яковъ. Допускается къ экзамену послѣ вакацій передержавшій экзамена по болѣзни 44, — Балабановъ Николай.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Чудесное исцѣленіе.—Воспоминаніе объ А. К. Горбатовскомъ.—Братство св. ап. Іоанна Богослова въ г. Калугѣ.—Церковно-приходскія школы.—Мѣры для огражденія восковыхъ свѣчей отъ фальсификаціи церзипомъ.—Измѣненія въ сводѣ законовъ, вызываемыя дарованіемъ раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ.— По поводу этого закона.—Отношеніе между православными и штундистами.

-- Съ 1689 года въ Каплуновскомъ Рождество - Богородичномъ храмѣ (Богодуховскаго уѣзда) находится образъ Казанской Божіей Матери, прославленной многими чудесами, каковыя „Харьковскою академіею“ въ 1774 году вписаны были въ одну книгу подъ названіемъ: „Описаніе чудесъ Каплуновской иконы Божіей Матери“. На поклоненіе къ этой святынѣ изъ разныхъ мѣстъ стекаются богомольцы, которыхъ особенно много бываетъ въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ каждаго года. И вотъ въ одинъ изъ сихъ мѣсяцевъ настоящаго года, именно 28 мая, во второй день праздника св. Троицы, по окончаніи утрени, изъ толпы молящихся выходитъ одинъ крестьянинъ и проситъ меня отслужить молебенъ съ акаѳистомъ Божіей Матери и освятить воду для его десятилѣтняго сына, страдающаго глазами и на одинъ глазъ даже ослѣпшаго; при этомъ глаза у больнаго завязаны были платкомъ для защиты отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Просьба его была тотчасъ-же исполнена: предъ литургіею отслуженъ былъ молебенъ съ акаѳистомъ Пр. Богородицѣ всѣхъ скорбящихъ радости и совершенно водосвятіе, при чемъ мною предложено было каплями воды, ниспадающими съ св. креста, омочить глаза больному. Черезъ недѣлю послѣ этого, именно 4 іюня, означенный крестьянинъ опять прибылъ въ Каплуновскій храмъ съ тѣмъ-же десятилѣтнимъ своимъ сыномъ, у котораго глаза на этотъ разъ были уже безъ всякой повязки, и проситъ отслужить для него благодарственный молебенъ Пр. Богородицѣ за избавленіе его отъ тяжелой глазной болѣзни и дарованіе ему зрѣнія. При этомъ онъ заявилъ слѣдующее: „я государственный крестьянинъ Валковскаго уѣзда слоб. Коломака, Назарій Евстафіевъ Андрусенко; имѣю трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшій Іоаннъ 10 лѣтъ болѣе трехъ лѣтъ страдалъ глазами. Два раза ѣздилъ въ Харьковъ къ спеціалистамъ, по глазнымъ болѣзнямъ, но никакого не получалъ облегченія, даже сдѣлалось хуже; тогда я рѣшился обратиться за помощію къ Царицѣ Небесной, единой Заступницѣ всѣхъ христіанъ. 25 мая отправился я со всѣмъ семействомъ на крестный ходъ въ г. Ахтырку, а оттуда 27 числа пошелъ въ Каплу-

новку, куда и прибылъ вечеромъ того-же дня; 28 числа, т. е. на другой день, предъ литургіею выслушалъ молебенъ съ водоосвященіемъ для моего больного сына, чего не могъ сдѣлать въ Ахтыркѣ, по причинѣ большого стеченія народа. По выходѣ изъ Каплуновскаго храма больной сынъ мой сказывалъ, что видѣлъ въ церкви красныя рѣшетки, а на третій день послѣ этого, по возвращеніи уже домой, будучи съ своей бабушкой въ комнатѣ (семья со мною была на дворѣ), онъ самъ снялъ повязку съ глазъ и когда я вошелъ, то увидѣлъ сына Іоанна уже смотрѣвшимъ на оба глаза, какъ слѣдуетъ. Это меня и все семейство сильно поразило и мы такое чудесное прозрѣніе всецѣло приписываемъ милости Царицы Небесной; предъ чудотворнымъ образомъ, Которой со слезами молились о страждущемъ сынѣ нашемъ. О такомъ чудѣ мы заявили своему приходскому священнику, который посоветовалъ намъ отправиться въ Каплуновку и отслужить благодарственный молебенъ Пресвятой Богородицѣ за ниспосланіе на насъ грѣшныхъ такой милости“.

Кромѣ словеснаго показанія объ этомъ чудѣ и собственноручной записи въ книгѣ чудесъ, находящейся въ архивѣ Каплуновской церкви, крестьянинъ Андрусенко представилъ еще на имя настоятеля Каплуновскаго прихода письменное заявленіе о случившемся чудесномъ исцѣленіи его сына и—удостовереніе Коломакскаго волостнаго правленія, отъ 3 іюня 1884 года за № 1040, о подлинности представленнаго заявленія.

Села Каплуновки, Богодухов. у., священникъ *В. Масловъ.*

— 20 марта сего года послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, скончался въ г. Купянскѣ смотритель духовнаго училища Артемій Кононовичъ Горбатовскій. Покойный былъ настолько замѣчательный человекъ и педагогъ, что заслуживалъ-бы подробной біографіи, но за неимѣніемъ достаточнаго матеріала для нея, мы должны ограничиться только своимъ малымъ воспоминаніемъ его жизни. Артемій Кононовичъ, сынъ бѣднаго сельскаго причетника, родился въ с. Родовица Кролевецкаго уѣзда Черниговской губерніи. По окончаніи курса въ духовной семинаріи, онъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ по 2 разряду. Въ семинаріи и академіи ему приходилось терпѣть недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ, такъ какъ его отецъ, бѣдный причетникъ, не могъ много давать сыну. Это время было самымъ для него тяжелымъ и не осталось безъ благотворнаго вліянія на его жизнь. Хорошо зная науку, онъ во всю свою жизнь всегда готовъ былъ помочь бѣдному человеку; едва только онъ устро-

ился на мѣстѣ своего служенія, какъ тотчасъ взялъ къ себѣ на воспитаніе одного изъ своихъ племянниковъ, который, благодаря ему, могъ окончить курсъ въ училищѣ и духовной семинаріи. Затѣмъ онъ воспиталъ еще двухъ племянниковъ. Одинъ изъ его племянниковъ теперь священствуетъ, другой занимаетъ должность секретаря съѣзда мировыхъ судей; немало помогалъ онъ и другимъ своимъ родственникамъ и всегда находилъ возможность удѣлать на пользу ихъ нѣчто изъ своихъ скромныхъ достатковъ. Не смотря на самую скромную жизнь, какую проводилъ покойный, онъ ничего послѣ себя не оставилъ, кромѣ небольшого деревяннаго дома. Доброта покойнаго проявлялась во всѣхъ его дѣлахъ и въ особенности въ отношеніи его къ своимъ питомцамъ онъ никогда не употреблялъ строгихъ мѣръ наказанія, а старался какъ можно болѣе дѣйствовать на чувства учениковъ, такъ что много недостатковъ своихъ питомцевъ онъ исправилъ убѣжденіями и своимъ обращеніемъ съ ними. За 15-ти лѣтнюю свою службу въ Куплянскомъ духовномъ училищѣ онъ, какъ смотритель, не исключилъ ни одного ученика за шалость, да и случаи исключенія за малоуспѣшность при немъ были очень рѣдки. Если-же онъ замѣчалъ, что ученикъ или плохо учится, или себя дурно ведетъ, то дѣлалъ ему внушенія; а если это не помогало, то приглашалъ родителей для того, чтобы совмѣстно съ ними рѣшить, какія мѣры надо принять для исправленія ихъ дѣтей. Такія совѣщанія почти всегда приводили къ желаннымъ результатамъ и дѣти исправлялись. Своими бесѣдами съ родителями Артемій Кононовичъ достигъ того, что жалобъ на училище не было и всѣ были имъ довольны. При дѣтскихъ столкновеніяхъ (что впрочемъ случалось весьма рѣдко) учениковъ духовнаго училища съ учениками другихъ училищъ покойный всегда являлся умиротворителемъ и ходатаемъ за дѣтей передъ ихъ начальствомъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ покойный держалъ себя прекрасно и старался устранять случавшіяся между ними недоразумѣнія своимъ вліяніемъ. Такое же миролюбіе покойный проявлялъ и въ думѣ, гдѣ онъ былъ гласнымъ, и въ почетельномъ совѣтѣ, женской прогимназіи и въ своей частной жизни. Больше всего покойный обращалъ вниманія на свою педагогическую дѣятельность, которой былъ преданъ всей душою. Рѣдко можно встрѣтить человѣка, который такъ добросовѣстно относился къ своему дѣлу, какъ покойный.

По окончаніи курса въ академіи въ 1849 году Артемій Кононовичъ былъ назначенъ инспекторомъ и учителемъ высшаго отдѣ-

ленія въ Купянское духовное училище. Молодой и энергичный инспекторъ сразу съумѣлъ заслужить всеобщую любовь и черезъ 2 года получаетъ уже благодарность отъ своего начальства, а черезъ 4 года (1854 г.) получаетъ уже награду за полезную службу и особые труды 30 р. въ годъ квартирнаго пособія изъ духовно-учебнаго капитала, по распоряженію оберъ-прокурора Св. Синода. Съ 1858 г. по 1864 г. ему приходилось, кромѣ своихъ обязанностей какъ инспектора и учителя, очень часто исправлять должности другихъ учителей, такъ напримѣръ цѣлый 1858—59 г. онъ исправлялъ должность учителя географіи; нѣсколько разъ приходилось ему исполнять должность учителя русскаго языка (въ началѣ 1858 г. въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ, въ 1861 и 1865 г.г. по 2½ мѣсяца и, наконецъ, въ 1864 г. 5½ мѣсяцъ). За эти исправленія должностей онъ получалъ самое незначительное вознагражденіе, — и то какъ награду. Кромѣ духовнаго вѣдомства покойному болѣе 2-хъ лѣтъ пришлось служить по министерству народнаго просвѣщенія. Въ 1865 г. 15 марта попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа онъ былъ опредѣленъ учителемъ латинскаго языка въ Купянское уѣздное училище съ оставленіемъ на службѣ при духовномъ училищѣ. Какъ учитель латинскаго языка, Артемій Кононовичъ былъ очень хорошъ и заслужилъ благодарность начальства, — и только преобразование въ 1867 году духовнаго училища заставило его оставить службу по министерству народнаго просвѣщенія. При преобразованіи духовнаго училища онъ былъ переименованъ изъ инспекторовъ въ помощники смотрителя, на основаніи § 34 уст. дух. уч., и назначенъ членомъ училищнаго правленія. Очень тяжелы были Артемію Кононовичу первые 2 года по преобразованіи училища. Смотритель, человекъ больной, не могъ заниматься дѣлами и даже 1 ноября 1868 г. совсѣмъ передалъ ему исправленіе своей должности. Конечно, много пришлось работать, но Артемій Кононовичъ исполнялъ прекрасно свои обязанности. 28 марта 1869 г. преосвященный Нектарій опредѣлилъ его смотрителемъ училища и до іюля 1869 г. ему пришлось исполнять обязанности и смотрителя и его помощника. Какъ добросовѣстно онъ относился къ своимъ обязанностямъ, можно судить по тому, что за 35-ти лѣтнюю свою службу онъ ни разу не взялъ отпуску и очень рѣдко пропускалъ уроки. За отличную службу въ 1877 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3 ст. По словамъ учениковъ, какъ преподаватель, Артемій Кононовичъ былъ очень хорошъ. Объясняятъ онъ просто, былъ требователенъ и справедливъ и ученики всегда зна-

ли его предметъ хорошо. За 15-ти лѣтнее свое смотрительство онъ поставилъ училище такъ хорошо, что оно считалось лучшимъ не только въ Харьковской епархіи, но и за предѣлами ея. Бывшій въ 1881 году въ Купянскомъ духовномъ училищѣ членъ-ревизоръ учебнаго комитета Св. Синода д. с. с. Е. И. Лебедевъ остался очень доволенъ состояніемъ училища и выразилъ Артемію Кононовичу свою благодарность. Кромѣ должности смотрителя, какъ мы уже сказали, онъ еще исполнялъ разныя общественныя должности. Уѣздное земское собраніе избрало его членомъ попечительнаго совѣта женской прогимназіи, а городская дума, — гласнымъ, которымъ онъ состоялъ до самой смерти, членомъ училищнаго совѣта. Къ этимъ обязанностямъ Артемія Кононовичъ относился очень добросовѣстно. Гласные городской думы высоко цѣнили дѣятельность покойнаго своего сочлена и, какъ только узнали о безнадежности его здоровья, почти всѣ явились къ нему проститься. Прощаніе было очень трогательное.... Очевидцы говорятъ, что при этомъ прощаніи многіе плакали. Незадолго до своей смерти Артемія Кононовичъ прощался съ своими сослуживцами по училищу. При прощаніи онъ просилъ ихъ, чтобы они любили дѣтей и снисходительно относились къ нимъ. Очень утѣшило покойнаго полученный имъ за 2 дня до смерти сочувственная телеграмма Харьковскаго духовнаго училища, подписанная смотрителемъ училища, его землякомъ, и нѣкоторыми изъ бывшихъ его учениковъ. Умеръ Артемія Кононовичъ, какъ истинный христіанинъ, причастившись Св. Тайнъ, и смерть встрѣтилъ спокойно. Похороны покойнаго были очень торжественны. За гробомъ шли учителя и ученики духовнаго и уѣзднаго училищъ, инспекторъ народныхъ училищъ, почти вся дума и множество народа. Въ церкви ближайшій сотрудникъ покойнаго помощникъ смотрителя священникъ І. Левандовскій сказалъ глубокопрочувственное слово, при чемъ многіе плакали. 6 іюня 1884 г. окружный съѣздъ духовенства (Купянскаго, Изюмскаго и Старобѣльскаго уѣздовъ) по достоинству оцѣнилъ дѣятельность Артемія Кононовича. По предложенію священника Іоанна Попова и предсѣдателя съѣзда Михаила Чернявскаго, съѣздъ постановилъ: 1) учредить въ память покойнаго Артемія Кононовича полную стипендію (100 р.) при Купянскомъ духовномъ училищѣ и 2) поставить его портретъ въ 4 классѣ училища. Кромѣ того съѣздъ въ полномъ составѣ отслужилъ о покойномъ панихиду. „Миръ праху твоему, честный и скромный труженникъ!“ скажемъ и мы вмѣстѣ съ почтившими твою память.

— Изъ доставленнаго намъ отчета Братства св. Ап. Іоанна Богослова въ Калугѣ съ 1-го марта 1883 г. по 1-е марта 1884 г. (за пятый годъ существованія братства) видно, что число членовъ братства въ отчетномъ году было 131; братство устранивало по текущимъ дѣламъ шесть засѣданій. Дѣятельность братства состояла: а) въ устройствѣ бесѣдъ съ раскольниками и посылкѣ миссіонеровъ въ мѣста Калужской губ., зараженныя расколомъ; б) въ изданіи и разсылкѣ брошюръ противораскольническаго содержанія; в) въ продажѣ изъ своей лавки книгъ религіозно-нравственнаго и противораскольническаго содержанія и г) въ бесплатномъ обученіи въ своей школѣ бѣднѣйшихъ мальчиковъ г. Калуги. Бесѣды съ раскольниками велись въ отчетномъ году въ пяти мѣстахъ, а именно: въ г. Калугѣ, въ д. Дворцѣ, Полотняномъ заводѣ, въ г. Грибовѣ и г. Сухиничахъ. Въ Калугѣ бесѣды имѣли постоянный характеръ и велись каждый воскресный день, кромѣ каникулярнаго времени. Бесѣды посѣщались охотно и пользовались особеннымъ сочувствіемъ и вниманіемъ со стороны православнаго населенія. Въ остальныхъ мѣстахъ бесѣды велись миссіонерами братства и хотя носили, такъ сказать, случайный характеръ, имѣли все таки значительный успѣхъ. Вообще братство успѣло уже обратить на путь православія въ различныхъ мѣстностяхъ Калужской епархіи болѣе 120 человекъ. Всѣ бесѣды въ отчетномъ году записывались и бесѣды, заключающія въ себѣ вопросы о церкви и книжномъ исправленіи, изданы двумя отдѣльными брошюрами въ количествѣ 4200 экземпляровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что брошюры эти по своему содержанію заслуживаютъ полнаго вниманія не только со стороны специалистовъ, но и со стороны вообще духовенства, особенно тѣхъ мѣстностей, которыя мало-мало заражены расколомъ. Совѣтъ братства, очевидно, имѣлъ въ виду приложеніе къ дѣлу этихъ брошюръ въ различныхъ мѣстахъ обширной Россіи и потому назначилъ ничтожную цѣну за свое изданіе, а именно по 7 коп. за экземпляръ съ пересылкою на счетъ братства.

— Газеты сообщаютъ, что на дняхъ ожидается распубликованіе по духовному вѣдомству новаго положенія о церковно-приходскихъ школахъ. Послѣ того, какъ школы эти нѣсколько лѣтъ тому назадъ слиты были съ прочими народными училищами и, наравнѣ съ послѣдними, подчинены были вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ и мѣстныхъ дирекцій народныхъ училищъ, въ настоящее время церковно-приходскія школы снова получаютъ право на самостоятельное и обособленное существованіе, подъ управленіемъ духовенства и въ

общемъ вѣдѣніи мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ. Состоя при церквахъ и въ районахъ церковныхъ приходоѡ, школы эти будутъ находиться на попеченіи церковно-приходскихъ попечительствъ и вообще прихожанъ. Инспекторы народныхъ училищъ будутъ имѣть право только обозрѣвать школы, но безъ права на какое-либо вмѣшательство въ дѣла школъ. Новое положеніе о церковно-приходскихъ школахъ, составленное въ духовномъ вѣдомствѣ, одобрено министерствами народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. По обнародованіи этого положенія, приступлено будетъ къ изысканію денежныхъ источниковъ на содержаніе школъ, въ дополненіе къ средствамъ мѣстныхъ церковно-приходскихъ обществъ. Какъ изъ спеціальныхъ суммъ духовнаго вѣдомства, такъ и изъ средствъ государственнаго казначейства предполагается ассигновать особую сумму на ихъ поддержку. Независимо отъ этого существуетъ предположеніе назначить жалованье законоучителямъ общихъ народныхъ училищъ.

— Въ засѣданіи отдѣленія пчеловодства Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи, состоявшемся 13 мая въ зданіи Московскаго политехническаго музея, подѣ предсѣдательствомъ академика А. М. Бутлерова, сообщено было, что пчеловодная комиссія Императорскаго вольнаго экономическаго общества выработала слѣдующія мѣры для огражденія восковыхъ свѣчей отъ фальсификаціи церезиномъ: 1) Такъ какъ извѣстенъ способъ, по которому не только можно узнавать присутствіе церезина, но и опредѣлять до извѣстной степени количество примѣшаннаго къ воску церезина (способъ Фаворскаго), то имѣется въ виду указать извѣстные пункты, какъ то: химическія лабораторіи, аптеки и т. д., гдѣ-бы могло быть произведено за нѣкоторое вознагражденіе вышеозначенное опредѣленіе подмѣси. 2) Фабриканты должны выпускать всѣ свѣчи, предназначенныя для церквей, съ надписью „церковныя“, причемъ въ послѣднихъ, на основаніи мнѣнія Св. Синода, подмѣсь не можетъ быть допущена. Всѣ мѣры пчеловодная комиссія, съ утвержденія общаго собранія, препроводила на разсмотрѣніе Св. Синода, съ прибавленіемъ просьбы открыть конкурсъ на изысканіе еще болѣе точнаго и простаго способа опредѣленія примѣси церезина въ воскѣ.

— Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ при государственномъ совѣтѣ объ измѣненіяхъ въ сводѣ законовъ, вызываемыхъ согласованіемъ статей его съ узаконеніемъ о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Пунктъ 4 статьи 344 законовъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (свод. зак. т. X, ч. II, изд. 1876 года) изложить такъ:

„Отъ присяги при свидѣтельствѣ, по закону, освобождаются лица, принадлежація въ вѣроисповѣданіямъ и сектамъ, не приѣмлющимъ присяги. Въмѣсто нея, лица сіи даютъ обѣщаніе показать всю правду по чистой совѣсти“.

II. Уставъ строительный (свод. зак. т. XII, ч. I) дополнить слѣдующимъ постановленіемъ:

„Обращеніе существующихъ строеній въ раскольническія молитвенныя зданія, возобновленіе послѣднихъ, а равно такія перестройки или исправленія оныхъ, которыми измѣняется общій наружный видъ означенныхъ зданій, допускаются не иначе, какъ на основаніи утвержденныхъ подлежащею властію плана и фасада строеній“.

III. Статью 60 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (свод. зак. т. XIV, изд. 1876 г.) дополнить слѣдующимъ правиломъ:

„Попеченіе объ охраненіи православія малолѣтнихъ дѣтей лица, обратившагося въ расколъ или ересь, возлагается на министра внутреннихъ дѣлъ, который, въ случаѣ усмотрѣнной имъ необходимости принятія, въ семъ отношеніи, мѣръ, превышающихъ его власть, испрашиваетъ на то Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе, установленнымъ порядкомъ“.

IV. Статьи 65 и 70 того же устава отмѣнить, а статью 67 онаго замѣнить слѣдующимъ постановленіемъ:

„Скопцамъ запрещается принимать къ себѣ въ семейство, подъ какимъ бы то видомъ ни было, чужихъ дѣтей“.

V. Статью 196 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (свод. зак. т. XV, кн. I, изд. 1866 г.) дополнить въ такомъ видѣ:

„Раскольникъ, дозволившій себѣ публично проповѣдывать свое лжеученіе православнымъ или склонять и привлекать ихъ въ свою ересь, когда сіи дѣйствія не имѣли послѣдствіемъ отпаденія кого-либо изъ православія въ расколъ, подвергается наказаніямъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 189, за привлеченіе православныхъ проповѣдью или сочиненіемъ въ иное, хотя и христіанское, вѣроисповѣданіе, или же въ еретическую секту или раскольническій толкъ“.

VI. Статью 197 того же уложенія замѣнить слѣдующимъ постановленіемъ:

„Скопцы, за распространение своей ереси и совращение въ оную другихъ, подвергаются: лишению всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ отдаленный край Восточной Сибири, съ порученіемъ ихъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства“.

VI. Статью 199 означеннаго уложенія отмѣнить.

VII. Первую часть статьи 203, а также статьи 204--206 и 1361 уложенія о наказаніяхъ, изложить въ такомъ видѣ:

Статья 203 (первая часть). Тѣ изъ раскольниковъ, хотя и неизобличенные въ распространеніи своего лжеученія, которые принадлежатъ къ ересямъ, соединеннымъ съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противонаравственными, гнусными дѣйствіями, подвергаются: лишению всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ: изъ Европейской Россіи—въ Закавказье, изъ Сѣвернаго Кавказа и Закавказья—въ Сибирь, а по Сибири—въ отдаленнѣйшія оной мѣста, для водворенія особо отъ другихъ поселенцевъ и старожиловъ. Скопцы же, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, отправляются изъ всѣхъ мѣстъ въ отдаленный край Восточной Сибири, съ порученіемъ ихъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства.

Статья 204. Если послѣдователь ереси или раскола (кромя скопцовъ), обратившійся въ православную вѣру и, вслѣдствіе того, возвращенный изъ мѣста ссылки, снова совратится въ ересь или расколъ, то онъ подвергается: лишению всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселение безвозвратно въ Закавказье или въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, на основаніи постановленій статьи 196 сего уложенія.

Статья 205. Изобличенные въ изданіи старопечатныхъ книгъ не въ московской синодальной или единовѣрческой типографіи, а равно въ продажѣ и распространеніи какимъ-либо образомъ книгъ сего рода, подвергаются за сіе: въ первый разъ—денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей, а во второй разъ—денежному взысканію не свыше четырехсотъ рублей. Изобличенные въ томъ болѣе двухъ разъ, сверхъ денежнаго, положеннаго за второй разъ взысканія, приговариваются къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Найденныя у нихъ книги отбираются и отсылаются къ епархіальному начальству.

Статья 206. За устройство раскольническихъ скитовъ или иныхъ сего рода обиталищъ, виновные приговариваются: къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Все ими устроенное подвергается сломкѣ и ма-

теріалы продаются въ пользу мѣстнаго приказа общественаго призрѣнія или замѣняющихъ оный учрежденій.

Виновные-же: 1) въ исправленіи или возобновленіи приходящаго въ ветхость раскольниковскаго молитвеннаго зданія, безъ разрѣшенія губернатора или начальника области; 2) въ перестройкѣ раскольниковскаго молитвеннаго зданія, измѣняющей общій его наружный видъ, безъ разрѣшенія на такую постройку министра внутреннихъ дѣлъ; 3) въ построеніи новаго раскольниковскаго молитвеннаго зданія или обращеніи въ таковое, безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, существующаго строенія—приговариваются къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ. Построенное новое молитвенное зданіе, а также все, устроенное безъ надлежащаго разрѣшенія или несогласно съ онымъ, подвергается сломкѣ или исправленію на счетъ виновныхъ.

Статья 1,361. Раскольникъ, скрывшій свою принадлежность къ расколу и достигшій чрезъ то принятія его въ иконописный цехъ, безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, подвергается денежному взысканію въ размѣрѣ отъ двадцати пяти до ста рублей.

IX. Статью 1.007 устава уголовнаго судопроизводства (свод. зак. т. XV, ч. II, кн. I, изд. 1876 года) замѣнить слѣдующимъ постановленіемъ:

„Изъ правила, изложеннаго въ статьѣ 1,006 сего устава, изымаются дѣла, какъ о распространителяхъ скопческой ереси (улож. о наказ. ст. 196, дополн., и ст. 197), такъ и совратившихся въ скопчество и другія ереси, соединенныя съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противонаравственными, гнусными дѣйствіями (улож. о наказ. ст. 203). По симъ дѣламъ предварительное слѣдствіе начинается и безъ требованія духовнаго начальства“.

X. Статью 251 законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ (свод. зак. т. XV, ч. II, кн. II, изд. 1876 г.) дополнить такъ:

„Не допускаются къ свидѣтельству подъ присягою, въ случаѣ предъявленія отвода, раскольники, по дѣламъ лицъ, обратившихся изъ раскола въ православіе“.

XI. Пунктъ 3 статьи 265 тѣхъ-же законовъ изложить слѣдующимъ образомъ:

„Отъ присяги при свидѣтельствѣ освобождаются лица, принадлежащія къ исповѣданіямъ и вѣроученіямъ, не пріемлющимъ при-

сяги. Въмѣсто присяги лица сіи дають обѣщаніе показать всю правду по чистой совѣсти“.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе государственнаго совѣта, 1-го мая сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

— По поводу приведенныхъ законоположеній „Биржевыя Вѣдомости“ дѣлають слѣдующія замѣчанія. „По характеру вновь изданныхъ измѣненій въ законѣ можно теперь составить довольно точное представленіе о томъ значеніи и желательномъ примѣненіи, которое имѣеть въ виду правительство въ отношеніи новаго льготнаго закона 1883 года о раскольникахъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что законодательство строго держится ограниченія опредѣленій, касающихся богослужебной обеспеченности раскольниковъ, отъ опредѣленій, устанавливающихъ для нихъ гражданскія права. Законъ не хочетъ знать особой раскольнической присяги и вмѣсто нея устанавливаетъ „обѣщаніе показать всю правду по чистой совѣсти“, воспрещаетъ возводить и поправлять молитвенныя зданія безъ разрѣшенія гражданскаго начальства, онъ подъ страхомъ уголовной кары воспрещаетъ проповѣдываніе раскольническаго вѣроученія. Мало того, законъ устанавливаетъ даже особыя правила объ охраненіи въ православіи малолѣтнихъ дѣтей лицъ, совратившихся въ расколъ. Словомъ, законъ не признаетъ за расколомъ, не смотря на установленныя имъ гражданскія льготы, никакихъ церковно-общественныхъ правъ и въ этомъ случаѣ налагаетъ запрещеніе какъ на распространеніе раскольническихъ вѣроученій, такъ равно и на „оказательство раскола“. Съ другой стороны, въ только что изданныхъ кодификаціонныхъ исправленіяхъ дѣйствующаго законодательства слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту, что всѣ созданныя прежде суровыя наказанія, направленные противъ заблудшихся по вѣрѣ, нынѣ въ значительной степени смягчены и не носятъ на себѣ характера такой жестокости, какою они отличались по законодательству, изданному въ періодъ 1830—1858 гг. Строгость законодательныхъ мѣръ сохранилась только въ отношеніи скопцовъ и сектъ, коихъ вѣроученіе сопряжено съ изувѣрскими обрядами. Но подобныя правонарушенія ставятся новымъ закономъ внѣ зависимости отъ религіозныхъ увлеченій или заблужденій, а взвѣшиваются по размѣру того вреда, который оказываютъ эти заблужденія на жизнь и здоровье совращающихся. Наконецъ, новыя правила, дополняя и измѣняя законы о предупрежденіяхъ и пресѣченіяхъ преступленій, устраняють прежнія строгія мѣры противъ лицъ, не заявляющихъ

о своей принадлежности къ расколу. Подвергаются денежному высканію только тѣ изъ раскольниковъ, скрывшихъ свою принадлежность къ расколу, которые достигли чрезъ то принятія ихъ въ иконописный цехъ. Здѣсь наказуется собственно обманъ, а не сокрытие своихъ вѣроисповѣдныхъ мнѣній. Во всякомъ случаѣ должно замѣтить, что новое законодательство о расколѣ, какъ равно и вослѣдовавшія измѣненія въ немъ, носятъ на себѣ отпечатокъ современной гуманности и въ нѣкоторой степени удовлетворяютъ требованіямъ начала свободы совѣсти“.

— Отношенія между православными и штундистами въ Кіевской губерніи съ каждымъ, можно сказать, днемъ обостряются. Штундисты позволяютъ себѣ дерзкія выходки относительно православныхъ; православные, въ свою очередь, не прочь отъ саморучной расправы съ штундистами. Въ „Кіевскихъ Епарх. Вѣдом.“ помѣщена корреспонденція одного крестьянина, въ которой не безъ удовольствія рассказывается, какъ православные жители села Турбовки напали съ нагайками и дубинами на членовъ Лучинскаго штундистскаго братства, во главѣ котораго стоитъ штундистъ Либеръ, и произвели, какъ онъ выражается, „кровавое крещеніе“. Поводовъ къ взаимной враждѣ и насиліямъ немало. Вотъ, напримѣръ, случай, рассказанный въ „Кіевлянинѣ“. Крестьянинъ деревни Погибляка (Звенигородскаго уѣзда) М., совратившись въ штундизмъ, сталъ истреблять иконы, а икону Спасителя прострѣлилъ изъ ружья. За такое нахальное кощунство онъ арестованъ и дѣло его поступило къ судебному слѣдователю. Но глухо-нѣмой крестьянинъ К., слывущій въ народѣ за юродиваго, не сталъ дожидаться законной кары. Въ первый воскресный день послѣ случая кощунства въ д. Погиблякѣ штундисты, разбившись на группы, собрались въ избу для обычнаго молитвословія. Какъ это всегда бываетъ во время моленія, двери избы были заперты изнутри, и хозяйка штундиста готовила братьямъ обѣдъ. Юродивый К. подошелъ къ избѣ, заперъ наружную дверь засовомъ и, заткнувъ своею одеждою отверстіе дымовой трубы, сталъ у окна этой избы съ тяжеловѣсной дубиной. Между тѣмъ изба стала наполняться дымомъ, не находившимъ себѣ наружнаго выхода; штундисты бросились къ дверямъ, но онѣ оказались крѣпко запертыми. Тогда одинъ за другимъ они стали выскакивать въ окно и каждый изъ выскакивающихъ получалъ отъ К. тяжеловѣсный ударъ по сницѣ дубиной; но, не замѣчая откуда направленъ ударъ, бѣжалъ дальше съ крикомъ: пожаръ!

ПО ПОВОДУ VI АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

Къ вопросу о собираніи историко-географическаго матеріала, въ Новороссійскомъ краѣ.

Говорить предъ просвѣщеннымъ читателемъ о безусловной важности и первостепенномъ значеніи географическаго элемента въ студіи исторической науки болѣе чѣмъ излишне. На первой страницѣ пропедевтическаго параграфа любого учебника исторіи встрѣчаемъ положеніе, что географія есть главная вспомогательная наука исторіи, „око“ ея и т. п. Между тѣмъ, вотъ ужъ не за горами 200 лѣтній юбилей почтенной русской исторіографіи, а русская литература и до сихъ поръ не имѣетъ въ своихъ книгохранилищахъ труда, который можно было бы, не стѣсняясь, признать *исторической географіей Россіи*. Конечно, есть у насъ нѣсколько изданій историко-географическаго характера ¹⁾, но не говоря уже объ ихъ количественной скудости, должно сознаться, что они, при всѣхъ своихъ положительныхъ качествахъ, далеко не удовлетворяютъ той научной полнотѣ и строгости, которыя служатъ нервымъ и необходимымъ дезидератомъ современной русской науки. Объясняется это прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что все доселѣ у насъ сдѣланное въ этомъ направленіи есть результатъ лишь попытокъ единичныхъ лицъ; между тѣмъ трудъ слишкомъ великъ и сложенъ, чтобы за него можно было взяться не коллективными силами. Если исторіографія на каждомъ шагу насъ убѣждаетъ, что рациональное начертаніе исторіи любого народа немисливо безъ подготовительныхъ монографическихъ работъ, то тотъ же законъ неустранимъ и при начертаніи исторической географіи края. Правда, мы имѣемъ цѣпные труды въ области современнаго землевѣдѣнія Россіи ²⁾, даже болѣе чѣмъ почтенный, можно сказать, выдающийся трудъ въ лицѣ „Географическо-Статистическаго Словаря Россійской Имперіи“, изд. подъ ред. Семенова ³⁾, но это-то изданіе и указываетъ ближе всего, что даже и коллективные силы лучшихъ ученыхъ безъ подготовительныхъ работъ, а главное, при скудости *областной* русской географической литературы, далеко не приводятъ къ желаннымъ результатамъ. Что же касается *историко-географическаго словаря* Россіи, то тутъ наша литература представляетъ безусловно пробѣлъ. Никто, конечно, не рѣшится тѣмъ цемногимъ строкамъ историческаго содержанія, которыя разбросаны у того же Семенова или въ поль-десяткѣ разныхъ Россійскихъ энциклопедій и сло-

¹⁾ Наприм., хотя бы Надеждина „Опытъ историч. географіи рус. міра“ (Виб. д. чт. 1837 г. т. XXII), Н. Барсова „Очеркъ русск. истор. географіи“ (Варш. 1874 г.), Л. Майкова „Замѣтки по географіи древней Россіи“ (С.-Пб. 1874) и др. какъ монограф. этюды по отдѣльн. мѣстностямъ и эпохамъ, такъ и замѣтки, разброс. по разн. изданіямъ, напр., И. Рус. Геогр. Общ. (см. Артемьева „Обзорѣніе трудовъ и рус. геогр. об. по историч. геогр.“ С.-Пб. 1874), также въ разныхъ трудахъ по исторіи русск. колонизаціи Бестужева-Рюмина, Бѣляева, мит. Макарія, Черетятковича, Скальковскаго, Щебальскаго, Фирсова и др.)—въ общенавѣсти. общихъ трудахъ по исторіи Россіи, особливо ея областей и т. п.

²⁾ Указанія дадутъ Межевъ и друг. русскіе библиографич. труды (см. о нихъ у А. Матвѣева „Къ вопросу объ археологич. изслѣд. въ южной Россіи. I. Этнографія“. Одес. 1884 г. въ библиограф. приложеніи)

³⁾ С.-Петербургъ, 1864—76 г. и д. т. I—IV и V в. 23 и д.

варей ⁴⁾, дать право на титулъ исторической географіи Россіи; даже въ роли матеріала не всегда онѣ могутъ быть полезны. — въ нихъ совсѣмъ отсутствуетъ *археологическій элементъ*; да и самъ то географическій матеріалъ въ этихъ изданіяхъ, хотя бы въ отдѣлѣ одной ужь статьи или, нуждается давно въ дополненіяхъ и переработкѣ. Однако всякій часъ археологія и исторія неумолнно строго взыскиваютъ съ ученаго за столь часто встрѣчающіяся погрѣшности на полѣ отечественной топографіи. Немудрено имъ и не быть. Дѣйствительно, найдется ли хотя одинъ ученый, который смогъ бы обойтись безъ географической справки при чтеніи самаго скромнаго историческаго памятника?... Конечно, вѣтъ! Тогда—новый вопросъ: гдѣ же навести эту справку?! Сколько дорогихъ часовъ, физическихъ усилій, „порчи крови“ уходитъ на кропотливое блужданіе по любой російской картѣ (зачастую, скажемъ, далеко не перваго разбора) для розысканія упомянутаго въ историческомъ памятникѣ географическаго пункта, того или другаго топографическаго элемента; къ тому же, всегда ли таковыя и имѣются на *современной* картѣ?! Зачастую традиціонно сохранившаяся, живая въ устахъ народа, мѣстная кличка, территориальное прозвище или т. п. отсутствуютъ на картѣ, сокрытыя подъ той или другой позднѣйшей административной номенклатурой. Наконецъ, уже тотъ фактъ, что самое подробное изъ нашихъ русскихъ картографическихъ изданій, именно, 3-хъ верстная въ дюймѣ карта генеральнаго штаба (къ сожалѣнію, далеко не всей Россіи) не можетъ объять топографическихъ элементовъ меньшей своего масштаба величины,—указываетъ на необходимость подробныхъ топографическихъ указателей, гдѣ бы фигурировали минимальныя географическія территориальныя единицы, называемыя обыкновенно *урочищами*. Еще Надеждинъ почти полъ-вѣка тому назадъ указывалъ на значеніе урочищъ въ изученіи исторіи славянства, а Зоріанъ Хожаковскій сдѣлалъ попытку словаря ихъ ⁵⁾; Микуцінъ тоже лѣтъ 20 тому назадъ рекомендовалъ славяно-русской наукѣ заняться составленіемъ списковъ именъ и названій рѣкъ населенныхъ пунктовъ и др. урочищъ (не населенныхъ) славянской земли; поднималъ, сколько помнится, подобный вопросъ и почтенный нашъ одесскій археологъ П. О. Юрченко по поводу Кавказа въ обращеніи своемъ къ подготовительному комитету V-го (тифлисск.) археологическаго съѣзда ⁶⁾, — но до сихъ поръ всѣ эти заявленія не вышли изъ сферы лишь пассивно выслушанныхъ *ria desideria*. Предстоящій VI-ой археологич. съѣздъ, ближайшая цѣль котораго разработка *местной* археологіи, не можетъ, въ виду этого, не отнестись признатель-

⁴⁾ Даже въ столь драгоценныхъ для своего времени, какъ В. П. Татищевъ „Лексик. рос. историч. географич. политич. и гражданской“ (С.-Пб. 1799. 3 т. до бук. К) или Щекатова „Географ. словарь“ (Моск. 1801). Кой-что находится въ „Словарѣ всеобщ. географич. статистич.“ Гагарина (1848. 3 т.) и въ разныхъ энциклопедіяхъ (Шюшара, Старчевскаго, „русскихъ ученыхъ“, Толля, Березина и т. п.). Для западно-русскихъ областей, кромѣ матеріаловъ, разбросанныхъ въ польской „Encyklop. powszechniej“ Orgelbrandta (28 т. Warsz. 1859 - 67.), — драгоценн. данныя въ спеціальн. изд. Balinskiego i Lipinskiego Starozytna Polska (3 т. Warsz. 1843.), которымъ уже съ сороковыхъ годовъ гордиться можетъ польская историографія. Теперь предпринять ея многообщ. трудъ географ. содержанія, выходящ. выпусками „Słownik. geograficzny“ Szulcierskiego.

⁵⁾ „Словарь, показывающій одинакія урочища въ цѣломъ пространствѣ Славянъ“. (С.-Пб. моск. общ. вст. в др. VII ст. 42—367).

⁶⁾ См. „Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ“. Протоколы подготовит. комитета подъ ред. И. Мансвѣтова (Москва, 1879).

но къ тѣмъ почтеннымъ труженникамъ и ревнителямъ знанія, которые хотя малой лентой одарятъ общую сокровищницу мѣстной науки, правду сказать, почти пищу. Дѣйствительно, южная Россія вообще, а Новороссія и Крымъ въ частности, хотя и не лишены спеціально своей географической литературы, имѣя между прочимъ „Списки населенныхъ мѣстностей, изданныхъ центр. статистич. комитетомъ мин. внутр. дѣлъ“ ⁷⁾ и цѣнныя данныя въ „Матеріалахъ для статистики и географіи Россіи, собранныхъ офицерами генер. штаба“ ⁸⁾, но эта литература, за исключеніемъ весьма немногихъ изданій, почти уже перевалила за 20-ти лѣтнюю давность, а нѣкоторые экземпляры изъ ея каталога приближаются и приблизились къ подувѣковой старинѣ,—слѣдовательно, давно уже нуждаются въ новомъ матеріалѣ и въ новой его обработкѣ. Это теперь (чему нельзя не порадоваться) сознаю уже нѣкоторыми русскими земствами и въ томъ числѣ земствомъ Херсонской губерніи ⁹⁾. Но вышедшія изъ-подъ пера земскихъ статистиковъ изданія преслѣдуютъ свои преимущественно земско-экономическія цѣли и могутъ служить, безспорно, цѣннымъ, но все-таки не болѣе какъ матеріаломъ для историко-географическаго описанія Новороссіи, котораго доселѣ еще и нѣтъ. Въ виду этого не можемъ и мы умолчать въ настоящемъ случаѣ съ петиціями нашими къ мѣстнымъ просвѣщеннымъ силамъ края, петиціями, содержаніе которыхъ — просьба — не отказать, по мѣрѣ возможности, въ своемъ содѣйствіи *собранію свѣжаго научнаго матеріала*, со степей, балокъ, кургановъ, лимановъ Новороссіи, — съ городовъ, хуторовъ, деревень, волостей, — принять участіе — въ извлеченіи матеріала изъ сакли татарина, фермы тевтона-колониста, хаты малоросса, избы веляборосса, цыганскаго шалра, молдаванскихъ мазанокъ и другихъ чуть не „дванадцати языковъ“ юга Россіи. Собранный матеріалъ можетъ послужить наукѣ къ составленію или историко-географическаго описанія Новороссіи, или къ неменѣе полезному, даже болѣе практичному, изданію историко-географическаго словаря ея, — гдѣ-бы географическія территоріальныя единицы не лишены были точныхъ и подробныхъ (даже до урочищъ включительно) топографическихъ элементовъ, были снабжены физико-географическими матеріаломъ, этнологич. и этнографическими данными, а послѣднія обставлены статистическими и экономическими картинами быта и дѣятельности населенія; въ свою очередь исторія края и мѣстныхъ народностей, освѣщенная этнологіей и этнографіей, имѣла-бы себѣ документальный матеріалъ въ вещественныхъ памятникахъ мѣстности, указанныхъ и описанныхъ

⁷⁾ Екатериносл. губ. и З. В. Донскаго И. Вильсона, Воронежской, Харьковской Н. Штиглица, Херсонской Майкова, кромѣ того имѣются подобн. списки и для губ. Таврической, Бессарабской, Черниговской и нѣкоторыхъ другихъ.

⁸⁾ Екатериносл. губ. Павловича, Бессарабской А. Зашука, Херсонской Шмита (2 т.), Воронежской Михалевича, З. В. Донскаго Краснова, Черниговской Домонтовича и нѣкоторыхъ другихъ. Довольно подробное указ. моногр. литературы по Новороссіи можно найти въ соответств. статьяхъ географ. статистич. словаря Семенова, въ трудѣ Геннади „Списокъ сочин. о Крымѣ“ (Зап. Од. общ. ист. и др. т. VI, отд. 3), въ указателѣ статей, помѣщ. въ Зап. того же общ. (т. XIII, Одесса 1883) и въ разныхъ каталогахъ и библиографіяхъ Межова, бр. Ламбинныхъ, И. Рус. Геогр. Общ. и т. п.

⁹⁾ „Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губ.“ т. I Одесскій уѣздъ. Сост. статистич. отдѣл. при херс. губ. земской управѣ (съ 2 карт. Херсонъ 1883 г.) трудъ А. А. Русова и А. А. Браунера. Подобный же трудъ, но по болѣе полезной системѣ (съ матер. изъ подвори. описи) готовится этими же почтенными статистиками по Елисаветгр. уѣзду.

въ современномъ ихъ состояніи, не лишена была-бы археологическихъ данныхъ и т. п. Такой словарь есть давнишнее желаніе русской науки, — мысль о немъ не разъ ужъ поднималась какъ въ частныхъ разговорахъ (сколько помнится намъ, на 3-мъ археол. съѣздѣ въ Кіевѣ, гдѣ кажется и положено уже начало къ изготовленію подобнаго изданія для мѣстной территоріи лѣво и правобережной Украины), такъ даже и официально (въ лицѣ г. Копанова, предлагавшаго свои услуги подготовительному комитету V (тифлис.) съѣзда ¹⁰). — для Кавказа)

Предлагаемая вниманію почтенныхъ читателей настоящая „программа для собиранія историко-географическихъ свѣдѣній о населенныхъ мѣстностяхъ Южной Россіи, съ обращеніемъ вниманія на этнографическія и статистико-экономическія данныя“, быть можетъ, не будетъ сочтена излишней въ этомъ случаѣ при всей, на первый разъ, неполнотѣ ея ¹¹).

ПРОГРАММА

для собиранія историко-географическихъ свѣдѣній о населенныхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края съ обращеніемъ вниманія на этнографическія и статистико-экономическія данныя.

I. ОПРЕДѢЛЕНІЕ МѢСТНОСТИ.

1. *Названіе населенной мѣстности.* Названіе по народному произношенію и по официальнымъ документамъ. Названіе синонимическое (двойное), если оно есть. Названіе бывшее, если оно существовало и уцѣлѣло въ памяти жителей. Названія составныхъ частей поселенія: участки, предмѣстья, приселки, отдѣльныя дачи, концы (кутки), урочища. Названія рода поселенія (село, городъ, мѣстечко, колонія, хуторъ и т. п.). Пространство земли, принадлежащее къ данной населенной мѣстности.

2. *Административная принадлежность.* Къ какой губерніи, уѣзду, стану и волости принадлежитъ поселеніе. Описаніе герба, если таковой имѣется.

3. *Опредѣленіе мѣстоположенія.* На какой рѣкѣ, озерѣ, ручьѣ и т. п. расположено поселеніе. Въ какомъ разстояніи отъ своихъ административныхъ центровъ: волости, уѣзднаго и губернскаго городовъ. Какая дорога пролегаетъ черезъ поселеніе: желѣзная, шоссеиная, почтовая, проселочная, судоходная. Разстояніе отъ ближайшей почтовой или желѣзнодорожной станціи.

II. ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ МѢСТНОСТИ.

4. *Топографія (мѣстность).* Топографическій характеръ мѣстности, на которой расположено поселеніе и принадлежащія ему земли: низменность, горы (ихъ названія), равнины, степь, болота, лѣса (ихъ названія), морскіе берега и т. д.

5. *Гидрографія (орошеніе и способность приспособленія къ промышленнымъ цѣлямъ).* Рѣки и ихъ протѣченіе въ данной мѣстности — свѣдѣнія о быстротѣ теченія. Плавни, лиманы, притоки, ручьи (ихъ названія), балки (ихъ названія). Свѣдѣнія о судоходствѣ и пристани. Мосты и переправы. Плотины. Пруды (за-

¹⁰) Не знаемъ, каковъ былъ исходъ почтенныхъ желаній упомянутого лица.

¹¹) Собранный матеріалъ почтенный коллекторъ не откажетъ превратить на съѣздѣ, адресуя къ г. Одессѣ въ *Распорядительный комитетъ VI Археологическаго съѣзда при Новороссійскомъ университетѣ.*

пруды, ставы) приблизительно по ихъ протяженію. Назначеніе прудовъ (мельницы, рыбная ловля и т. п.). Озера, ихъ протяженіе и характеръ.—Волота, торфяники, „мочуроватыя“ мѣста.

6. *Климатъ*. Максимумъ мороза и жары и свѣдѣнія о средней температурѣ, если цифры извѣстны по термометру.—Сколько разъ случались засуха и градъ въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ; (не велись-ли гдѣ или ведутся и теперь метеорологическія наблюденія или какія-либо календарныя замѣтки? Сообщить ихъ).

7. *Почва*. Качество почвы (пески, суглинки, черноземъ и т. д.). Составъ подпочвы. Геологическія данныя (если возможно собрать).

8. *Минералы*. Породы камней: скалы и валуны. Мельничныи камень и его разработка. Породы глинъ, употребляющія техническое примѣненіе. Гипсъ, мѣлъ, известь и т. п. Цѣнные камни. Металлическія руды. Минеральныя воды и источники. Каменный уголь, торфъ, нефть, сѣра, янтарь. Каменная соль и соляныя озера и колодецы. Свѣдѣнія объ обработкѣ и употребленіи минераловъ на мѣстѣ и объ ихъ вывозѣ.

9. *Флора*. Лѣсъ. Важнѣйшія породы деревьевъ и кустарниковъ; ягоды и грибы, ихъ породы. Свѣдѣнія о производствѣ лѣсныхъ продуктовъ, ихъ истребленіи на мѣстѣ и вывозѣ. Садъ. Важнѣйшія породы культивируемыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Школы (питомники). Специальная плантація: виноградники, хмѣльники, свекловица, табакъ, анисъ, шелковичныя деревья, сорго, бабчанъ и т. п. Свѣдѣнія о количествѣ производства, переработкѣ на мѣстѣ и вывозѣ. Огороды. Важнѣйшія статьи огородническаго производства. Свѣдѣнія о мѣстахъ ихъ сбыта. Луга. Количество сѣнокосовъ; количество и качество сѣна. Дикія растенія; указаніе тѣхъ породъ, которыя имѣютъ употребленіе и сбытъ въ хозяйствѣ, техникѣ или медицинѣ. Полевые растенія. Какого рода полевые растенія воздѣлываются: хлѣбныя, волокнистыя, маслянистыя, воздѣлываются-ли кормовыя травы. Свѣдѣнія о количествѣ и рынкахъ сбыта продуктовъ полевого хозяйства.

10. *Фауна*. Какія породы дикихъ звѣрей и птицъ встрѣчаются въ данной мѣстности (особливо если представляютъ или могутъ представить предметъ промысла)? Какія породы домашнихъ животныхъ и птицъ разводятся? Приблизительныя данныя объ ихъ количествѣ. Важнѣйшія породы рыбъ. Свѣдѣнія объ искусственомъ рыбководствѣ. Данныя о вывозѣ рыбы. Какія породы земноводныхъ встрѣчаются въ данной мѣстности. Ядовитыя породы змѣй. Полезныя и вредныя насѣкомыя. Пчелы: количество насѣкъ и свѣдѣнія о сбытѣ продуктовъ пчеловодства. Шелковичный червь. Кошениль (червецъ), каягариды, пѣвки и т. п. Хлѣбный жукъ,—количество причиняемаго имъ вреда. Породы гусеницъ и вредъ, ими причиняемый. Саранча. Моллюски, употребляемые въ пищу. Способы, употребляемые или рекомендуемые къ истребленію вредныхъ животныхъ.

III. НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ.

11. *Количество и составъ народонаселенія*. Количество жителей въ данной мѣстности. Составъ населенія по поламъ и возрастамъ. Движеніе народонаселенія по вѣроисповѣданію, народности и сословіямъ.

12. *Бытъ населенія*. Жилаща. Матеріалъ и общій планъ постройки крестьянскаго дома. Хозяйственныя постройки и службы. Изгороди. Матеріалъ и способъ ихъ устройства. Матеріалы, употребляемые для отопленія и освѣщенія. Постоянно встрѣяющеіся предметы обстановки (мебель) и домашней утвари.

Одежда. Составъ мужскаго и женскаго костюма. Названія, матеріалъ и форма отдѣльныхъ частей костюма. Украшенія при костюмѣ.

Пища и питье. Важнѣйшіе продукты, употребляемые въ пищу. Названія особенно распространенныхъ яствъ и напитковъ. Степень распространенія табаку.

Обычаи и обряды, соблюдаемые въ различныхъ случаяхъ семейной, хозяйственной и общественной жизни. Общераспространенныя вѣрованія, предразсудки и суевѣрія. Знахарство.

Мѣстные отличія народнаго говора.

Степень распространенія грамотности; любимыя роды чтенія.

Художественныя привычки народа: украшеніе домовъ и построекъ: рѣзные, лѣсные и матеріальныя. Украшенія одежды: сочетанія цвѣтовъ и основныя сочетанія орнаментами. Общепотребительныя музыкальныя инструменты. Богатство пѣсеннаго репертуара и главныя его роды. Количество лириковъ и кабарей.

Степень здоровья. Господствующія эпидемическія и хроническія болѣзни.

13. *Занятія и промыслы.* Земледѣліе. Распространеніе поземельной собственности. Способы сельско-хозяйственной обработки. Названія земледѣльческихъ орудій. Условія найма при обработкѣ полей.

Скотоводство, степень его развитія и главныя продукты. Свѣдѣнія объ ихъ сбытѣ.

Лѣсоводство. Приемы, продукты лѣсоводства и ихъ сбытъ. Лѣсосѣяніе.

Пчеловодство—приемы и степень развитія.

Садоводство и огородничество—свѣдѣнія о мѣстахъ сбыта продуктовъ.

Свѣдѣнія о другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства: винодѣліе, рыбная ловля, шелководство и т. п. Приемы, употребляемые при этихъ занятіяхъ, названія орудій и свѣдѣнія о количествѣ и мѣстахъ сбыта продуктовъ.

Ремесла и кустарная промышленность: названія производимыхъ ремеслъ и ихъ издѣлій. Возможныя данныя о количествѣ и мѣстахъ сбыта продуктовъ.

Торговля. Количество лавокъ или мѣстъ продажи какихъ-либо товаровъ или продуктовъ. Главныя предметы торговли. Принятый въ данной мѣстности денежный счетъ (шаги, копы, левы, гривны и т. п.) и названія монетъ (карбованецъ сорокивка, золотый и т. п.). Ярмарки и торги. Мѣсто, гдѣ собираются; установленныя сроки; районъ, который онѣ захватываютъ. Главныя продукты продажи. Обычаи, соблюдаемые при продажѣ и куплѣ.

Пути сообщенія. Названія прелегающихъ дорогъ и ихъ направленіе. Фабрики и заводы. Время ихъ основанія, кому принадлежатъ? Продукты производства; свѣдѣнія о ихъ количествѣ и мѣстахъ сбыта. Свѣдѣнія о количествѣ рабочихъ и способахъ найма. Отхожіе промыслы населенія.

14. *Общественныя учрежденія.* Церкви—какого исповѣданія? Названіе церкви—приходъ; составъ причта—имущество и доходы церкви; церковныя братства. Расколь; сектантство.

Школа. Время основанія; разрядъ учебнаго заведенія; степень обеспеченности; среднее количество учениковъ. Составъ педагогическаго персонала.

Административныя учрежденія: волость, станова я квартира, камера мпр. судья, лѣсничество, почтовая станція, районъ власти учрежденія.

Способы жителей пользоваться кредитомъ. Кредитныя учрежденія.

IV. Историческія свѣдѣнія.

15. *Преданія.* Свѣдѣнія и преданія о времени возникновенія поселенія. Преданія о переселеніяхъ жителей. Легенды и преданія, относящіеся къ данной мѣст-

ности и къ ея урочищамъ. Свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ, происходившихъ въ данной мѣстности.

16. *Археологическіе памятники.* Валу, городища, курганы, пещеры, свайныя (озерныя) постройки, долмены, стоянки каменнаго вѣка, кухонныя остатки (kjоекkenmoeddinge) и т. п. Ихъ число, мѣстоположеніе, размѣры, расположеніе и наружный видъ. Кашенины бабы, надписи и рисунки на камняхъ. Свѣдѣнія о бывшихъ въ данной мѣстности раскопкахъ и находкахъ древнихъ предметовъ (каменныхъ, бронзовыхъ, желѣзныхъ орудій напр. и т. п.), кладовъ или монетъ.

17. *Историческіе памятники.* Описаніе церквей, замковъ, общественныхъ или частныхъ древнихъ построекъ, чѣмъ либо замѣчательныхъ. Древнія кладбища — копіи надгробныхъ на нихъ надписей (если сохранились). Иконы замѣчательныя въ историческомъ или художественномъ отношеніяхъ. Статуи и каменные кресты. Надписи на нихъ. Каплицы. Надгробныя памятники, чѣмъ либо замѣчательныя. Гранитныя знаки.

18. *Коллекціи.* Описаніе существующихъ въ данной мѣстности церковныхъ, общественныхъ или частныхъ коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ, имѣющихъ научное значеніе: архивы, библіотекы, старопечатныя книги, рукописи, собраніе древностей, — монеты, картины, минераловъ, ископаемыхъ животныхъ и растений и т. п.

19. *Біографическія свѣдѣнія.* Свѣдѣнія о выдающихся по своей дѣятельности людяхъ, которые родились, жили или умерли въ данной мѣстности, на сколько ихъ біографія связана съ этою мѣстностью.

Въ заключеніе, было бы весьма полезно, при описаніяхъ всякой мѣстности, прилагать *подробный списокъ названій живыхъ урочищъ*, какъ-то: ручьевъ, рѣчекъ, рѣкъ, озеръ, лѣсовъ, рощъ, болотъ, пригорковъ, яровъ и т. п., сель деревень, слободъ, сельбищъ и проч. находящихся въ той мѣстности.

О ПОДПИСКѢ НА ПОЛУЧЕНІЕ

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВѢСТНИКА“

съ 1-го іюля 1884 года.

Съ наступленіемъ подписки на вторую половину текущаго 1884 г., редакція наша возможнымъ уменьшить полугодовую и трехмѣсячную подписную цѣну въ слѣдующемъ видѣ:

На полгода 4 руб.
„ три мѣсяца 2 „

Всѣмъ подписчикамъ на упомянутые сроки будетъ высланъ безплатно „Календарь для духовенства на 1884 годъ“.

Годовая подписка продолжается. Подписная цѣна 8 рублей.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается по прежнему.

Редакторъ-издатель А. Поповицкій.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою листокъ для Харьковской епархіи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.